

904780

ЭБНИК
педагогических
ИНСТИТУТОВ

СОВРЕМЕННЫЙ
РУССКИЙ ЯЗЫК

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК

В трех частях

Часть I

Введение

Лексика

Фразеология

Фонетика

Графика и орфография

Часть II

Словообразование

Морфология

Часть III

Синтаксис

Пунктуация

МОСКВА 1987

4P(075)
С56

Н.М. Шанский В.В. Иванов

ВВЕДЕНИЕ
•
ЛЕКСИКА
•
ФРАЗЕОЛОГИЯ
•
ФОНЕТИКА
•
ГРАФИКА И
ОРФОГРАФИЯ

087506

Допущено
Министерством просвещения СССР
в качестве учебника
для студентов
педагогических институтов
по специальности № 2101
«Русский язык и литература»

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ,
ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ

Удмуртская
Республиканская
научная
им. В.
428000, г. Ижевск ул. Строителей

ПРОСВЕЩЕНИЕ

4P(075.2)

ББК 81.2P
С 56

Рецензент

*кафедра русского языка ордена «Знак Почета»
Орловского государственного педагогического института*

Современный русский язык. Учеб. для студентов пед. ин-тов
С 56 по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.» В 3 ч. Ч. 1. Введение.
Лексика. Фразеология. Фонетика. Графика и орфография
/Н. М. Шанский, В. В. Иванов.— 2-е изд., испр. и доп.— М.:
• Просвещение, 1987.—192 с.

Данная книга— первая часть учебника по современному русскому языку, предназначенная для студентов факультетов русского языка и литературы. Во втором издании учебник приведен в соответствие с новой программой по современному русскому языку 1985 г. издания.

430900000—586
С $\frac{103(03)—87}{12—87}$

ББК 81.2P

© Издательство «Просвещение», 1981

© Издательство «Просвещение», 1987, с изменениями

ВВЕДЕНИЕ

§ 1. Современный русский литературный язык как предмет изучения.

Курс современного русского литературного языка непосредственно связан с профессиональной подготовкой будущих учителей русского языка и литературы. Его содержание образует обобщенное описание системы современного русского литературного языка. Вместе с тем он строится таким образом, чтобы одновременно помочь студентам в овладении нормами литературной речи и навыками лингвистического анализа.

В отличие от других лингвистических дисциплин, в которых освещается история русского языка, его стилистические разновидности и диалекты, русская художественная речь, в курсе современного русского литературного языка дается только синхронная характеристика его на современном этапе.

Курс состоит из следующих разделов: 1) лексикология, освещающая лексику и фразеологию, 2) фонетика и орфоэпия, дающие представление о звуковой системе языка, 3) графика и орфография, знакомящие с русским алфавитом и системой правописания, 4) словообразование, в котором описываются морфемика и способы образования слов, и 5) грамматика — учение о морфологии и синтаксисе.

Название курса требует разъяснения в связи с различным толкованием образующих его слов. В данном курсе изучается язык, а не различные речевые формы его проявления. В нем изучается литературный язык, т. е. высшая форма национального языка, которую отличает от различных диалектов, арго и просторечия нормативность и обработанность. В нем изучается русский литературный язык, который является не только языком великого русского народа, но и средством межнационального общения всех народов Советского Союза. В нем, наконец, изучается современный русский литературный язык, т. е. язык, на котором говорят русские и нерусские сейчас, в данный момент, в настоящее время.

Последнее необходимо подчеркнуть потому, что под понятие «современный» нередко подводят русский литературный язык довольно широких хронологических рамок — от Пушкина до наших дней. Очевидно, что русский язык пушкинской эпохи, равно как предыдущих и последующих, своей значительной частью вошел в современный, но

вместе с тем язык, на котором мы говорим и пишем в настоящее время, нельзя отождествлять ни с пушкинским, ни даже с языком начала XX в. Самые обычные для знающих современный русский литературный язык фразы были бы, например, для Пушкина непонятными (ср. хотя бы газетные заголовки: «В Центральном Комитете КПСС», «Верность пролетарскому интернационализму», «Научный потенциал вузов», «Коммунисты и пятилетка» и т. д.).

Следовательно, под современным русским литературным языком следует понимать действительно современный язык, русский язык нашей эпохи (естественно, включая все лучшее и нужное ему из его лингвистического прошлого, в том числе, конечно, и замечательный язык Пушкина).

От русского литературного языка следует отличать язык русской художественной литературы, впитывающий в себя все богатство русской речи (как литературной, так диалектной и арготической) и выполняющий не только коммуникативные, но и эстетические функции. Именно поэтому последний не относится к системе функциональных стилей русского литературного языка (к н и ж н ы й, включающий научный, официально-деловой, публицистический, и р а з г о в о р н ы й), а составляет особую лингвистическую сущность, возникшую как творческий сплав функциональных стилей в индивидуальном образительно-выразительном преломлении того или иного писателя.

Литературный язык существует в двух формах: п и с ь м е н н о й и у с т н о й. В последней литературная норма представлена как динамическое явление в большей мере: в ней наблюдаются нередко отклонения от установленного языкового стандарта, чаще возникают новые, еще не принятые всеми носителями языка слова и обороты.

Благодаря художественной литературе и особенно средствам массовой информации многие из ненормированных фактов устной речи становятся литературными, нормативными, правильными.

§ 2. Русский язык в кругу родственных и других языков. Русский язык входит в большую семью индоевропейских языков (от исландского до пушту), ближе к которым из всех остальных стоят угро-финские языки. В этой семье он принадлежит к обширной группе славянских языков, которую составляют три подгруппы: восточная, южная и западная. К восточнославянским языкам относятся русский, украинский и белорусский, к южнославянским — болгарский, македонский, сербскохорватский и словенский, к западнославянским — польский, чешский, словацкий, верхнелужицкий и нижнелужицкий.

Родство славянских языков проявляется в близости их лексики, морфемики, способов словообразования, синтаксических систем, регулярных фонетических соответствиях и т. д. Все это объясняется их происхождением из единого праславянского языка, распадением которого произошло в V—VI вв. н.э.

Особенно ярко родство славянских языков проявляется в словарном составе. Достаточно привести несколько примеров: русск. *дар*, укр. *дар*, бел. *дар*, польск. *dar*, чешск. *dar*, словацк. *dar*, болг. *дар*, сербскохорв. *дар*; польск. *dwa*, чешск. *dva*, словацк. *dva*, болг. *два*, макед. *два*, сербскохорв. *два*, словенск. *dva*; русск. *сивый*, укр.

сивий, бел. *сівы*, сербскохорв. *сив*, болг. *сив*, словен. *siv*, чешск. *sívu*-
словацк. *sívu*, польск. *siwu*, верхнелуж. *siwu*; русск. *бить*, укр. *бити*,
бел. *біць*, польск. *bić*, чешск. *biti*, словацк. *bit'*, болг. *бия*, сербско-
хорв. *бити*, словенск. *biti* и т. д.

Близость славянских языков в области лексики и фразеологии, словообразования, синтаксиса и стилистики объясняется не только их общим происхождением, но также тесными языковыми контактами, постоянными процессами взаимодействия и взаимообогащения. После Октября и особенно по окончании Великой Отечественной войны возросла роль русского языка, ставшего для других славянских языков источником новой общественно-политической и научной лексики и фразеологии, стимулятором новых способов словопроизводства и образных средств выражения.

§ 3. Русский язык — язык межнационального общения народов СССР. После Октябрьской революции русский язык проделал огромный путь развития и обогащения и пережил обновление. Изменения затронули и его внешние, т. е. социальные, стороны (функции, общественную значимость, сферу употребления), и его лингвистическую сущность — внутреннее устройство как определенной знаковой системы.

Самым важным событием, касающимся русского языка как общественного явления и семиотической системы, является превращение его в процессе развития нашего многонационального социалистического государства в средство межнационального общения народов СССР. Победа ленинской национальной политики, добровольное изучение, наряду с родным языком, русского языка закономерно привели к тому, что русский язык стал языком межнационального общения и сотрудничества всех народов СССР.

Русский язык превратился в могучее орудие интернациональной сплоченности советских народов, стал самым действенным средством приобщения их к лучшим достижениям отечественной и мировой культуры, стал, как предвидел В. И. Ленин, языком «братского единства»¹ советских людей, независимо от их национальной принадлежности. Как писал В. В. Виноградов, в советскую эпоху принципиально иным становится характер влияния русского языка на другие языки народов СССР: «Сходства и соответствия в языках Страны Советов, обусловленные воздействием русского языка, проявляются: 1) в расширении сферы влияния русских, особенно новых, советских выражений, в калькировании их; 2) в стремительном распространении советизмов, в их движении из одного языка в другой; 3) в освоении основного фонда интернациональной лексики через посредство русского языка; 4) вообще в усилившейся тенденции к языковой интернационализации, в особенности к советской языковой интернационализации»².

В результате взаимодействия родных языков с русским формируется общий лексико-фразеологический фонд языков народов СССР, включающий и интернациональную лексику и фразеологию, и русские

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 24.— С. 294—295.

² Виноградов В. В. Великий русский язык.— М., 1945.— С. 165—166.

советизмы, и ставшие общесоюзными инновации¹ национальных языков, т. е. слова, в первую очередь отражающие интернациональное содержание нашей социалистической культуры. Процесс формирования общего лексико-фразеологического фонда в языках народов СССР повлек за собой изменения в семантической и словообразовательной системах, в принципах номинации и образности и — более того — даже в грамматике и фонетике. Превращение русского языка в язык межнационального общения народов СССР резко изменило и языковую ситуацию в нашей стране, и сами языки. В условиях братской дружбы и взаимного доверия народов национальные языки развиваются на основе равноправия и взаимообогащения, и русский язык, всегда отличавшийся переимчивостью и лингвистически «открытой душой», в свою очередь вбирает в себя из других все, чем он может себя усовершенствовать. В языковой жизни Советского Союза установилось диалектическое единство национально-русского двуязычия.

Особенно важной стала роль русского языка как языка межнационального общения в связи с превращением экономики Советского Союза в единый народнохозяйственный комплекс и возникновением новой исторической общности людей — советского народа. По данным переписи населения 1979 года, русский язык является средством общения более чем для 214 миллионов советских людей. В школах всех союзных и автономных республик нерусская молодежь, наряду с родным языком, с большим интересом и прилежанием изучает русский язык, язык великого русского народа, язык современной науки, техники и культуры, язык мира и дружбы.

«И в дальнейшем будут обеспечиваться свободное развитие и равноправное использование всеми гражданами СССР родных языков. В то же время овладение наряду с языком своей национальности русским языком, добровольно принятым советскими людьми в качестве средства межнационального общения, расширяет доступ к достижениям науки, техники, отечественной и мировой культуры»².

§ 4. Русский язык — один из мировых языков современности. Современный русский литературный язык — не только национальный язык русского народа и средство межнационального общения народов СССР. Он является также и одним из основных международных языков.

Мировое значение русского языка (одного из самых богатых, сильных и выразительных языков мира) предвидели уже К. Маркс и Ф. Энгельс.

Выдвижение русского языка в семью мировых языков началось с Великой Октябрьской социалистической революции. В связи с ростом международного авторитета Советского Союза (особенно после второй мировой войны), теми огромными достижениями, которыми ознаменовался труд нашего народа в области строительства социализма, в раз-

¹ И н н о в а ц и я — новое явление.

² Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. — М., 1986. — С. 157.

витии науки и техники, литературы и просвещения, русский язык в настоящее время превратился в один из мировых языков.

Кардинальные преобразования в политической и экономической сферах, бурное развитие социалистического производства, расцвет науки и техники, культуры и искусства, всемирно-историческая победа нашего народа в Великой Отечественной войне и героические дела в мирное время, принципиальные сдвиги в общественном сознании привели не только к большим изменениям в лексике и фразеологии русского языка, но и к обогащению языков многих народов нашей планеты советизмами, новыми словами и оборотами, отражающими новый уклад жизни и мировоззрение советских людей, иначе говоря — словами, рожденными Октябрем. Этот процесс отмечал уже В. И. Ленин в 1920 г.¹.

В словарном составе многих языков (как в виде заимствований, так и калек) содержится немало таких русских слов, как *Октябрь*, *советский*, *субботник*, *колхоз*, *ударник*, *ленинизм*, *стенгазета*, *пятилетка*, *пионер*, *спутник*, *агропром* и т. д.

Тяга к изучению русского языка огромна. В наши дни он преподается более чем в 90 странах. В средних школах и высших учебных заведениях, на различных курсах, по радио и телевидению его изучают более полумиллиарда человек. За пределами нашей страны работают более 120 тысяч преподавателей русского языка. С 1967 г. много делает по распространению русского языка в мире и совершенствованию его преподавания иностранцам Международная ассоциация преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ). Особенно плодотворно и активно русский язык изучается в странах СЭВ.

Огромно значение русского языка в международной жизни. Вместе с английским, французским, испанским, арабским и китайским языками русский язык признан ООН одним из шести ее официальных языков. Он выступает в качестве одного из рабочих языков во многих международных организациях, на многих международных конгрессах, съездах и совещаниях. По данным ЮНЕСКО, на русском языке издается около половины всей научно-технической литературы и документации и 20 % всей мировой книжной продукции.

ЛИТЕРАТУРА

- Ленин В. И. О праве наций на самоопределение // Полн. собр. соч.— Т. 25.
Виноградов В. В. Великий русский язык.— М., 1945.
Горбачевич К. С. Нормы современного русского литературного языка.— 2-е изд., испр. и доп.— М.: Просвещение, 1981.
Костомаров В. Г. Русский язык среди других языков мира.— М.: Русский язык, 1975.
Русский язык в современном мире.— М.: Наука, 1974.
Русский язык как средство межнационального общения.— М.: Наука, 1977.
Русский язык — язык дружбы и сотрудничества народов СССР // Материалы Всесоюзной научно-теоретической конференции «Русский язык — язык дружбы и сотрудничества народов СССР».— М.: Просвещение, 1980.
Русский язык — язык межнационального общения народов СССР.— М.: Просвещение, 1976.

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 40.— С. 204—205.

ЛЕКСИКА

§ 5. Предмет и задачи лексикологии русского языка. Лексикология представляет собой раздел науки о языке, изучающий словарный состав в его современном состоянии и историческом развитии. Отдел лексикологии в курсе современного русского языка освещает современную словарную систему нашей речи, историческая лексикология русского языка — ее формирование и обогащение в связи с историей русского языка.

Объектом изучения в лексикологии являются прежде всего слова. Слова, как известно, подвергаются изучению также в морфологии и словообразовании. Однако если в морфологии и словообразовании слова оказываются средством для изучения грамматического строя и словообразовательных моделей и правил, то в лексикологии слова изучаются с точки зрения 1) их смыслового значения, 2) места в общей системе лексики, 3) происхождения, 4) употребляемости, 5) сферы применения в процессе общения и 6) их экспрессивно-стилистического характера.

В особом разделе лексикологии, который называется фразеологией, с этих же точек зрения, а также с точки зрения степени слияния частей, лексического состава и структуры подвергаются изучению фразеологизмы.

Так как лексика в том или ином языке является не простой суммой слов, а определенной системой взаимосвязанных фактов, то лексикология предстает перед нами наукой не об отдельных словах, а о лексической системе языка в целом.

Изучение лексикологии во многом способствует овладению нормами литературного словоупотребления. Последнее имеет большое практическое значение: знание литературных норм словоупотребления позволяет избежать разнообразных ошибок, встречающихся в речевой практике, дает возможность правильно и четко, ярко и доходчиво выражать свои мысли.

В последние годы лексикология стремительно развивается и имеет уже несомненные достижения. Изучение лексики и фразеологии идет в самых различных направлениях, но самое главное, что характеризует соответствующие работы, — это исследование словарного состава как динамической номинативной системы, в которой слова всегда выступают в качестве определенных связанных друг с другом раз-

личными отношениями компонентов развивающегося лексико-фразеологического целого.

Отношения между словами могут быть самые своеобразные. На определенном этапе исторического развития языка слова и фразеологизмы объединяются между собой и своим семантическим значением, и своими стилистическими свойствами, и значением, создаваемым словообразовательными суффиксами, и по своей категориальной сущности (значение предметности, признака и т. д.).

Вся эта система состоит из различных микросистем. Самыми элементарными микросистемами являются антонимические пары. Более сложные микросистемы образуют синонимические ряды, тематические группы, которые в свою очередь вливаются в обширные лексико-грамматические классы (части речи). Разные разряды выделяются в номинативных единицах также и с точки зрения происхождения.

В лексико-фразеологической системе нет изолированных, на отшибе стоящих, из ряда вон выходящих единиц. Каждое слово или фразеологизм так или иначе связаны друг с другом как номинативные единицы, в том или ином отношении тождественные, близкие, аналогичные или непохожие.

СЛОВО В ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

§ 6. Слово как основная значимая единица русского языка. Подобно всякому другому языку, русский язык как средство общения является языком слов. Из слов, выступающих отдельно или в качестве компонентов фразеологических оборотов, формируются при помощи грамматических правил и законов предложения, а затем и текст как структурно-коммуникативное целое. Словами в языке обозначаются конкретные предметы и отвлеченные понятия, выражаются человеческие эмоции и воля, называются «общие, абстрактные категории бытийных отношений»¹ и т. д. Тем самым слово выступает в качестве основной значимой единицы языка.

Несмотря на несомненную реальность слова как отдельного языкового явления, несмотря на яркие признаки, ему присущие, оно с трудом поддается определению. Это объясняется в первую очередь многообразием слов со структурно-грамматической и семантической точек зрения (ср.: *стол, доброжелательность, писать, черный; диван-кровать, пятьсот; при, так как, лишь, вероятно; брысь! ох!; дескать; вон, светает* и т. п.).

Дать правильное определение слова можно только в том случае, если в нем будут органически отражены абсолютно все основные дифференциальные признаки слова, достаточные для отграничения его от других лингвистических единиц.

Одним из основных свойств существующих в языке слов является их в о с п р о и з в о д и м о с т ь, заключающаяся в том, что они не

¹ Виноградов В. В. Русский язык.— 2-е изд.— М., 1972.— С. 31.

создаются в процессе общения, а извлекаются из памяти или какого-либо речевого контекста в виде единого структурно-семантического целого. Однако этот признак сам по себе нельзя считать достаточным для дифференциации слов от других лингвистических единиц: 1) воспроизводимость характерна также для морфем и фразеологических оборотов и, более того, даже для предложений, коль скоро они по своему составу совпадают со словом или фразеологическим оборотом, 2) в процессе речи могут возникать слова, представляющие собой не воспроизводимые, а творимые морфемосочетания (см. § 28).

Для слова характерна фонетическая оформленность (а также, естественно, и графическая, если данный язык имеет, помимо устной формы, письменную). Слово представляет собой всегда определенное звучание, состоящее как минимум из одной фонемы. Однофонемных слов в русском языке очень немного: кроме названий существующих в нем фонем и шести букв (*а, и, о, у, э, ы*), сюда относятся: союзы *а, и*, частицы *а, и*, предлог *у*, междометия *а, и, о, у, э*, а также предлоги *о, в, к, с* (в определенных случаях могущие выступать как двуфонемные *об, во, ко, со*). Могут выступать как однофонемные также частица *б*, частица *ж*, союз *ж*, частица *ль*, в своем основном виде употребляющиеся как двуфонемные. Все остальные слова являются теми или иными звуковыми комплексами.

Единственный случай отсутствия фонетической оформленности в русском языке наблюдается в обозначении одной из форм связки, в других формах выступающей как материально выраженная (ср.: *Отец — учитель; Отец был учителем; Отец будет учителем*).

Характерная для слова фонетическая оформленность выражается в том, что любая лексическая единица (если она не представляет собой окончательно не усвоенное иноязычное слово или созданный без учета орфоэпических норм неологизм) всегда выступает как «звуковое структурное единство, соответствующее фонологическим нормам данной языковой системы»¹. Характерная особенность фонетической оформленности русского слова — **н е д в у д а р н о с т ь**, так как именно это свойство позволяет четко различать смежные явления лексики и фразеологии. Слово в отличие от фразеологического оборота всегда выступает или как безударное, или как имеющее **о д н о о с н о в н о е** ударение. Если перед нами единица (пусть даже семантически и грамматически не расчлененная и единая), имеющая два основных ударения, то это заведомо не слово, а более сложное образование: фразеологический оборот или свободное сочетание слов.

Не менее важным является другое свойство слова — его **с е м а н т и ч е с к а я в а л е н т н о с т ь**². В языке нет ни одного слова, не имеющего значения. Всякое слово — не только определенное звучание, но и то или иное значение. Именно этим слово и отличается от фонемы.

¹ Виноградов В. В. О формах слова // Изв. АН СССР. Отд-ние лит. и яз.— 1944.— Т. 3.— Вып. 1.— С. 31.

² Семантическая валентность — свойство слова семантически сочетаться с определенным кругом других слов.

Отличительным признаком слова являются его лексико-грамматическая отнесенность. Морфемы, существуя в качестве далее не членимого значимого целого в слове, не имеют лексико-грамматической отнесенности. Они выступают как значимые части, лишенные не только свойства какой-либо морфологической оформленности, но и какой бы то ни было прикрепленности к определенному лексико-грамматическому разряду. Как части слова морфемы совершенно не способны к синтаксическому употреблению и, будучи использованы в предложении, сразу же превращаются в слова, приобретая яркие и несомненные морфологические черты имени существительного. Наиболее близки к морфемам служебные слова; значения их очень «формальные», грамматической оформленности они не имеют. Однако служебные слова (в том числе и предлоги) предстают перед нами как несомненные слова.

Косвенно и отраженно (но очень действенно) в отграничении от морфем служебных слов (особенно как раз предлогов) помогает свойство непроницаемости слова, являющееся одним из наиболее ярких признаков слова в отличие от предложно-падежных сочетаний, свободных сочетаний слов и отдельных разрядов фразеологических оборотов, семантически равнозначных слову. Ведь если слово как морфемное целое непроницаемо, то значимые единицы, между которыми возможны свободные словесные «вставки», являются словами и только словами, но ни в коем случае не морфемами. И наоборот, значимые единицы, между которыми невозможны свободные словесные вставки, отдельными словами не являются, представляя собой или части слова, т. е. морфемы, или части фразеологического оборота. Свойство непроницаемости характерно абсолютно для всех слов: внутрь слов вставлять слова (и тем более сочетания слов) в русском языке нельзя¹.

Для выяснения сущности слова как определенной лингвистической единицы не меньшее значение, нежели решение проблемы отдельности слова, имеет также решение вопроса о его тождестве. Важно установить не только, что такое слово по отношению к другим единицам языка, но и где перед нами одно и то же слово, а где разные слова.

Здесь прежде всего следует провести четкую линию между такими понятиями, какими являются 1) слова и формы слова и 2) формы слова и варианты слова.

Под формами слова следует понимать такие его разновидности, которые отличаются между собой лишь грамматическими признаками и относятся как зависимые, вторичные к одной и той же, выступающей в качестве основной, исходной.

Основными, исходными формами являются формы именительного падежа в именах, инфинитив в глаголе и т. п. Их «генеральный» характер по отношению к другим, соотносительным с ними формам проявляется в том, что они выступают, во-первых, как номинативные формы, представляющие собой название какого-либо

¹ Отклонения от этой закономерности единичны, например: *никто* — *ни о ком*, *кое-кто* — *кое у кого*, *кое-что*, *кое над чем* и т. д.

явления действительности, а во-вторых, как производящие формы, на базе которых, за редким исключением, только и осуществляется производство новых лексических единиц с помощью морфологического способа словообразования. В русском языке нет ни одного слова, основная, исходная форма которого была бы аналитической, т. е. состояла бы из двух. Именно это обстоятельство и позволяет четко определить акцентологические отличия слова от словосочетания и фразеологического оборота, так как в своей исходной форме слово никогда не имеет двух основных ударений.

В а р и а н т а м и с л о в а можно считать образования, которые имеют тождественный морфемный состав и различия между которыми являются настолько незначительными, что не нарушают единства лексической единицы в целом. От форм слова они отличаются тем, что противопоставлены и связаны один с другим как однорядовые (ср.: *калоша* — *галоша*, *далеко* — *далёко*, *клавиш* — *клавиша*, *аудитория* (помещение) и *аудитория* (слушатели) и т. д.).

Сказанное выше о слове как лингвистической единице позволяет дать рабочее определение слова в такой формулировке: с л о в о — это лингвистическая единица, имеющая (если она не безударна) в своей исходной форме одно основное ударение и обладающая значением, лексико-грамматической отнесенностью и непроницаемостью.

§ 7. Основные типы лексических значений русских слов. Наиболее многочисленную группу слов в лексике русского языка, как и всякого другого, образуют такие слова, которые представляют собой обозначения различных явлений объективной действительности (предметов, действий, признаков и т. д.). Их обычно называют самостоятельными или полнозначными словами. С грамматической точки зрения это существительные, прилагательные, числительные, глаголы, причастия, деепричастия, наречия, слова категории состояния, модальные слова и местоимения.

Эти слова характеризуются тем, что, выступая в качестве лексической единицы, всегда называют то или иное явление объективной действительности. Так, словом *героизм* называется способность к совершению подвига, словом *карий* — темно-коричневый цвет, словом *му-жать* — процесс становления зрелости и др.

У местоимений назывная функция имеет специфический характер: они являются собственно не обозначениями, а лишь их указательными заместителями. Самостоятельные слова, таким образом, предстают перед нами всегда как слова, соотношенные с тем или иным явлением. Эту соотношенность слова с каким-либо явлением объективной действительности, исторически закрепленную в сознании говорящих, и считают обычно лексическим значением слова.

Однако соотношенность слова с определенным внеязыковым фактом является лишь одним из обязательных компонентов лексического значения. В последнее входят также и выражение словом понятия, и отнесенность слова к определенному лексико-грамматическому разряду.

От значения слова, являющегося фактом языковой системы, необходимо отличать индивидуально-авторское употребление той или

иной единицы окказионального характера, конкретное ее использование говорящими в определенной коммуникативной ситуации и тексте (см., например, § 11).

Вопрос об основных типах лексических значений слов нельзя разбирать, предварительно не уяснив проблемы названия. Предметы и явления называются по тому признаку, который оказывается достаточно характерным для того, чтобы отличить их от других предметов и явлений. Таким бросающимся в глаза признаком, по которому предмет или явление получает свое название, может быть форма, цвет, функция, размер, сходство с чем-либо и другие внешние и внутренние свойства. Кольцо получило, например, свое название по форме (*коло* — круг); кукушка — по характерному для нее крику; смородина — по свойственному для нее запаху (*смрад*, древнерусск. *смород* — сильный запах); ухват, шило — по функции (ср. глаголы *ухватить*, *шить*); яровые — по времени посева (древнерусск. *яро* — весна); шиповник — по наличию у кустарника шипов; рыжик, белянка — по свойственному для этих грибов цвету; костяника — по косточкам, имеющимся у этой ягоды, и т. д.

Совокупность признака, положенного в основу названия, и значения служебной морфемы, оформляющей его в слово, далеко не всегда составляет значение данного слова.

Во-первых, признак, положенный в основу названия данного предмета, всегда представляется недостаточно определенным. Так, ясное представление образа в русских диалектных словах *голянка* и *зеленец* (голый, зеленый) не дает все же возможности твердо сказать, не зная соответствующего говора, что они называют (*голянка* — особого типа рукавица, *зеленец* — в разных диалектах — свежий веник, незрелая ягода, островок, поросший камышом или ивняком, и т. д.).

Во-вторых, слово, имея то или иное лексическое значение, может быть абсолютно условным названием соответствующих явлений объективной действительности. Признак, положенный в основу многих слов, в настоящее время уже в них не чувствуется, но от этого они не перестают быть значимыми единицами языка. Например, сейчас уже неясно, почему такое помещение, как комната, названо словом *комната*, такое насекомое, как жук, названо словом *жук*, такой инструмент, как долото, назван словом *долото*, однако каждый говорящий на русском языке четко представляет себе лексическое значение слов *комната*, *жук*, *долото*.

Таким образом, в русском языке имеются два рода полных слов: 1) немотивированные названия типа *долото* (буквально — то, чем долбят), *жук* (по звуку), *комната* (первоначально — помещение с камином); 2) мотивированные названия типа *ледокол*, *вишневый*, *синить*. Однако и те и другие обязательно имеют какое-либо лексическое значение.

Лексическое значение может быть в слове единственным (слова с такой семантикой называются **о д н о з н а ч н ы м и** или **м о н о с е м и ч н ы м и**: *подоконник*, *ланиты*, *разлагагльствовать*, *ветла*, *грач*, *шея*, *рдеть*, *типичный*, *чреватый* и т. д.). Но оно может быть в слове наряду с другим или с другими лексическими значениями (слова

с такой семантикой называются многозначными или полисемичными: *знать, корень, отбить, глухой, вода* и т. д.). В таком случае одно лексическое значение выступает как основное, исходное, а другие — как вторичные, производные. Например, в многозначном слове *идти* можно отметить основное значение: «двигаться ступая» (*Смотрю, а брат уже идет*) и производные: «падать» (*Дождь идет с самого утра*), «распространяться» (*Вот идет молва правдива. За морем царевна есть, Что не можно глаз отвести.* — Пушкин), «продаваться» (*Товар идет хорошо*), «вступать в брак» (*За меня она идти согласна*), «показываться» (*Эта пьеса впервые идет на сцене Малого театра*), «быть в действии, работать» (*После смазки станок идет ровно, без рывков*).

Многозначность, или полисемия, представляющая одну из основ яркости и выразительности русской лексики, является принадлежностью многих полнозначных слов русского языка. Особенно часто многозначными оказываются слова исконно русского характера и длительного употребления: *сердечный* (человек, прием, мышца, тайна, привет, спасибо); *глухой* (старик, голос, переулочек, гласный, ночь, ропот, ворот и т. п.); *дом* (деревянный, хлопотать по дому. Дом культуры, весь дом сбежался, Пушкинский дом); *брат* (ручку, тему для диссертации, город, высоту, хитростью, на прицел и пр.) и т. д.

Многозначность представляет собой следствие переноса наименования с одного предмета действительности на другой. Такие переносы наименований происходят, во-первых, на основе сходства (по форме, цвету, внутренним свойствам и качествам и т. д.): *рукав* (платья) — *рукав* (реки), *гнет* (положить под гнет творог) — *гнет* (капиталистический гнет), *крепкий* (канат) — *крепкая* (дружба) и т. п.; во-вторых, по смежности (временной, пространственной, логической и т. д.): *класс* (светлый) — *класс* (способный), *тенор* (лирический) — *тенор* (известный) и т. д.; в-третьих, по функции: *перо* (гусиное) — *перо* (авторучки), *крыло* (птицы) — *крыло* (самолета) и т. д. Значительно реже новые значения в словах возникают по сближению эмоционального характера (ср.: глубокая *пропасть* и *пропасть* дел и т. п.).

Основные виды переносных значений — это метафора (употребление слова в переносном значении на основе сходства в каком-либо отношении двух предметов или явлений), метонимия (употребление названия одного предмета вместо названия другого предмета на основании внешней или внутренней связи между ними) и синекдоха (употребление названия целого вместо названия части, общего вместо частного и наоборот). Например: *рукав реки, крепкая дружба, крыло самолета* — метафора; *способный класс, читал Пушкина* — метонимия; *взыскательный покупатель* (вместо *покупателя*) — синекдоха.

Вслед за В. В. Виноградовым можно выделить три основных типа лексических значений русских слов¹.

Прямое, или номинативное, лексическое значение

¹ См.: Виноградов В. В. Основные типы лексических значений слов // Вопр. языкознания. — 1953. — № 5.

слова непосредственно связано с отражением явлений объективной действительности. Связи и отношения слов, имеющих номинативное значение, с другими словами соотносительны с теми связями и отношениями, которые существуют между обозначаемыми ими явлениями.

Связи и отношения слов с номинативным значением с другими словами определяются не внутренними законами лексической системы современного русского языка, а предметно-логически. Поэтому слова, имеющие номинативное значение, не ограничиваются в своем употреблении определенными фразеологическими оборотами: они имеют широкие словесные связи. Имея это в виду, прямое, номинативное, значение называют также **с в о б о д н ы м**.

Такие слова, как, например, *шея, длинный, дерзить*, имеют прямые, номинативные, значения. Они непосредственно называют: одно — предмет, другое — качество, третье — действие, реально существующие в объективном мире. Сфера употребления их в этом значении с другими словами обусловлена, в сущности, только предметно-логически, т. е. отношениями самих обозначаемых словами явлений действительности.

Фразеологически связанное лексическое значение слова реализуется лишь в устойчивых сочетаниях слов, обусловленных предметно-логически, а внутренними законами лексической системы современного русского языка, например, *чреватое последствиями*. Слова, имеющие фразеологически связанные значения, употребляются в речи лишь с определенными словами и, как правило, в немногочисленных оборотах.

Синтаксически обусловленное лексическое значение реализуется в слове лишь тогда, когда оно выступает в предложении в определенной синтаксической функции. Синтаксически обусловленными будут, например, значение «человек большого ума» у слова *голова* (*Он у нас — голова*), значение «замечательное» у слова *блеск* (*Мороженое — блеск!*) и т. д.

§ 8. Омонимы. От различных лексических значений многозначного слова следует четко отграничивать слова, находящиеся между собой в омонимических отношениях. Семантическими вариантами одного и того же слова являются только такие образования, которые с точки зрения современного языкового сознания выступают перед нами как родственные, тесно и непосредственно друг с другом связанные значения, из которых одно представляет собой основное, исходное, а другие или другие — вторичные, производные (ср.: *бой* часов и *бой* — битое стекло, *переход* через Альпы и машина остановилась у *перехода*, большая и светлая *аудитория* и внимательная и дружеская *аудитория*, *полный* стакан и *полная* свобода, *слушать* музыку и *слушать* дело в суде и т. д.).

Что касается **омонимов**, то они являются такими одинаковыми по звучанию и написанию словами, значения которых осознаются нами как совершенно не связанные между собой и одно из другого не выводимые (ср.: *метр* — 100 сантиметров, *метр* — стихотворный размер и *метр* — учитель, наставник; *повод* — обстоятельство и *повод* —

часть конской упряжи; *рак* — животное и *рак* — болезнь; *выдерж-ка* — стойкость и *выдержка* — цитата; *блок* — временное соглашение и *блок* — приспособление для подъема тяжестей; *донести* (от *нести*) и *донести*, соотносительное с *доносить*, *доносчик* и т. д.).

Следует строго ограничивать омонимы от омоформ, омофонов, омографов и паронимов. О м о н и м ы совпадают между собой как в звучании, так и на письме во всех (или в ряде) им присущих грамматических формах. Омонимы, следовательно, представляют собой слова одного грамматического класса.

Если такие слова совпадают между собой во всех своих грамматических формах, это п о л н ы е о м о н и м ы (*заставить* — принудить кого-то что-нибудь сделать и *заставить* — загородить, закрыть чем-нибудь поставленным; *ударник* — часть затвора винтовки и *ударник* — передовой рабочий социалистического производства; *кулак* — кисть руки со сжатыми пальцами и *кулак* — богатый крестьянин-собственник, эксплуатирующий чужой труд). Если такие слова совпадают между собой лишь в ряде своих грамматических форм, это н е п о л н ы е о м о н и м ы (*лук* — огородное растение и *лук* — старинное оружие для метания стрел, у первого слова множественного числа нет; *засыпать* от *сыпать* и *засыпать* — отходить ко сну, соотносительные формы совершенного вида звучать будут по-разному: *засыпать* и *заснуть*).

О м о ф о р м а м и являются в отличие от омонимов слова как одного и того же, так и разных грамматических классов, совпадающие между собой в звучании всего лишь в отдельных формах (*стих* — стихотворение и *стих* от *стихать*; *пошла* от *пошлая* и *пошла* от *пойти*; *лаком* от *лак* и *лаком* от *лакомый*; *спор* — существительное и *спор* от *спорый*; *три*, *трем* — числительное и *три*, *трем* — формы глагола *тереть*; *мороженое* — существительное и *мороженое* — прилагательное; *благодаря* — деепричастие от *благодарить* и *благодаря* — предлог; *дуло* — существительное и *дуло* — форма глагола *дуть*; *супруга* — существительное ж. р. в им. п. ед. ч. и *супруга* — существительное м. р., в р. п., ед. ч. и т. п.).

К омонимам и омоформам примыкают о м о ф о н ы, представляющие собой слова и формы разного значения, которые произносятся также одинаково, но изображаются на письме по-разному. Омофоны могут быть как омонимного характера (*костный* — *косный*, *компания* — *кампания*, *копчик* — *кобчик*, *Роман* — *роман*, *Орел* — *орел* и т. п.), так и омоформного (*плот* — *плод*, *везти* — *вести*, *братья* — *братца* и др.).

О м о г р а ф ы — слова и формы, разные по значению, но одинаково изображаемые на письме. В произношении омографы между собой в звучании не совпадают. Как и омофоны, они могут быть и омонимного характера (*замок* — *замо́к*, *мука* — *му́ка*, *выкупать* — *вы́купать* и др.), и омоформного (*мою* — *мою́*, *дорога* — *дорога́*, *белок* — *бе́лок* и т. п.).

П а р о н и м ы — слова с разным написанием, имеющие очень близкое, но все же не тождественное произношение (*серы* — *сэры*, *раут* — *раунд*, *парят* — *парад*, *банка* — *банька*, *рассвет* — *расцвет*,

гама — гамма, весело — весила, отчет — отсчет, шута — шутя, месяца — месится, будет — будит и т. п.).

Нередко омонимии (в широком значении) относят к отрицательным явлениям. Такое мнение не может считаться доказанным. Наряду с фактами ее устранения (ср. исчезновение слова *вечный* от *веко*) в языке не менее часты факты появления новых омонимов, омоформ и омофонов. Практически омонимы, омоформы и омофоны не затрудняют общения, так как почти всегда нейтрализуются или речевой ситуацией, или контекстом.

Появляются омонимы, омоформы и омофоны в русском языке в силу следующих причин:

1. В связи с образованием новых слов и форм в русском языке на базе существующего в нем строительного материала. Так возникли пары: *лисичка* (вид гриба) и *лисичка* (производное от *лиса*), *папочка* (от *папка*) и *папочка* (от *папа*), *завод* (у игрушки) и *завод* (машиностроительный), *добро* (имущество) и *добро* (противоположное *злу*), *бездна* (пропасть) и *бездна* (много), *потопить* (печку) и *потопить* (корабль), (заводская) *столовая* и *столовая* (ложка) и т. п.

2. В связи с пополнением словарного состава русского языка заимствованиями из других языков и иноязычным влиянием на русский язык в области семантики. Так возникли: *нота* (музыкальный знак, из лат. яз.) и *нота* (дипломатическое обращение одного правительства к другому, из лат. яз.); *скат* (откос, пологий спуск) и *скат* (хищная морская рыба, из исландск. яз.); *тур* (часть какого-либо состязания, из франц. яз.) и *тур* (дикий бык); *хром* (мягкая тонкая кожа, из греч. яз.) и *хром* (от *хромой*); *тем* (род. пад. мн. числа от *тема*, из греч. яз.) и *тем* (твор. пад. ед. числа от *тот*); *трогать* (касаться) и *трогать* (приводить в душевное волнение, семантическая калька, франц. *toucher*); *утка* (птица) и *утка* (ложный слух, семантическая калька, франц. *saupard*); *скачок* (от *скак*, ср. *на скаку*) и *скачок* (резкий переход от старого качественного состояния к новому; семантическая калька, нем. *Sprung*), *среда* (день недели, из старослав. яз.) и *среда* (окружение, семантическая калька, франц. *milieu*) и т. д.

3. В связи со звуковыми процессами, с изменениями в фонетической системе русского языка. Так появились: *лук* — огородное растение и *лук* — старинное оружие, первое из которых было первоначально со звуком *у*, а второе — с носовым звуком *о*; *лечу* (от *лечить*) и *лечу* (от *лететь*), первое из которых было первоначально со звуком *ь*, а второе — со звуком *е*; *три* (цифра) и *три* (от *тереть*) из *три* и *тьри*, *роз* и *рос*, *плод* и *плот*, *долго* и *долга* и др.

Фактом лексической системы русского языка является лишь омонимия слов, причем слов одного и того же грамматического класса; только омонимы различаются между собой в первую очередь по семантике, а не по грамматическим свойствам и звучанию своих других форм, только они составляют в лексической системе соответствия чисто семантического характера (если они и имеют различные до некоторой степени грамматические свойства и словообразовательное строение, то это явление производное, возникшее позднее, на базе различного их значения).

С точки зрения своего морфологического строения омонимы делятся на корневые и производные. Первые в значительном количестве наблюдаются лишь в существительных, ср.: *клуб* (нашего завода) и *клуб* (дыма), (паркетный) *пол* и (мужской) *пол*, *рожа* (болезнь) и *рожа* (лицо) и т. п. Вторые особенно характерны для глаголов и образованных от них существительных, но есть и среди прилагательных и отыменных существительных, ср.: *заплыть* (далеко) и *заплыть* (жиром), *отказать* (кому в чем) и *отказать* (кому что), *основа* (в тканье) и *основа* (база, фундамент), *бумажник* (для хранения денег и бумаг) и *бумажник* (работник писчебумажной промышленности), *представительный* (образ правления) и *представительный* (мужчина) и т. д.

Лексические омонимы как единицы словарной системы языка следует отграничивать от звуковоспадений речевых отрезков. Омнимические речевые отрезки представляют собой фонетические единицы, возникающие как одинаково звучащие комплексы в речи и в виде воспроизводимых и целостных образований не существующие.

Следует дифференцировать реальные и потенциальные омонимы в зависимости от того, насколько часто они встречаются (и встречаются ли вообще) друг с другом в пределах одного и того же речевого контекста.

Реальными лексическими омонимами, свободно и постоянно вступающими в омонимические отношения друг с другом, являются слова одной и той же сферы употребления и экспрессивно-стилистических свойств (ср.: *пол* — нижний настил помещения и *пол* — каждый из двух разрядов живых существ, *сплав* — соединение нескольких металлов и *сплав* (леса по реке), *свет* — вселенная и *свет* — лучистая энергия, *мир* — вселенная и *мир* (противоположное войне)).

Омонимы разных сфер употребления и экспрессивно-стилистических свойств (ср.: *лев* — животное и *лев* — болгарская денежная единица) встречаются рядом почти исключительно в словарях и поэтому (если говорить о речевой омонимии) в значительной степени потенциальны. Их омонимичность (как и архаических *брань* — война и *брань* — ругань, *чело* — лоб и *чело* — наружное отверстие русской печи, *людно* и диалектное *людно* — много, *коты* и областное *коты* — вид обуви и др.) может реализоваться только в определенных условиях, а именно в случае сознательной словесной игры, когда говорящий или пишущий намеренно «сталкивает» их друг с другом для достижения определенного художественного эффекта.

В омнимических образованиях заложены большие изобразительно-выразительные возможности: ведь это слова одинаковые (по звучанию), но в то же время и разные (по семантике). Это «противоречие» формы и содержания делает омонимы, омоформы и омофоны (иногда также омографы и паронимы) одним из наиболее употребительных средств словесной игры, создания каламбуров и разнообразных стилистических эффектов. Приведем несколько примеров. Начнем с лингвистической басни Козьмы Пруткова «Помещик и садовник», основное содержание которой целиком определяется сопоставлением и противо-

поставлением омонимов *прозябать* — *произрастать* и *прозябать* — *замерзать*:

Помещику однажды в воскресенье
Поднес презент его сосед.
То было некое растение,
Какого, кажется, в Европе даже нет.
Помещик посадил его в оранжерею;
Но как он сам не занимался ею
(Он делом занят был другим:
Взял набрюшники родным),
То раз садовника к себе он призывает
И говорит ему: «Ефим!
Блюди особенно ты за растением сим;
Пусть хорошенько *прозябает*.
Зима настала между тем.
Помещик о своем растенье вспоминает
И так Ефима вопрошает:
«Что! хорошо ль растенье *прозябает*?»
«Изрядно,— тот в ответ,— *прозябло* уж совсем!»
Пусть всяк садовника такого нанимает,
Который понимает,
Что значит слово «*прозябает*».

Эпиграмма Д. Минаева на Маркевича, реакционного беллетриста и публициста (написавшего в декабре 1879 г. фельетон «С берегов Невы», бывший не чем иным, как политическим доносом на Тургенева), целиком опирается на игру омонимами *донести* (от *носить*) и *донести* (сделать *донос*):

На днях, влача с собой огромных два портсака,
Припелся он в вокзал; с лица струился пот...
«Ему не *донести!*» — вкруг сожалея народ,
И только лишь какой-то забияка
Сказал: «Не беспокойтесь — *донесет!*...»

Особенно любят поэты употреблять омонимы, омоформы и омофоны в качестве рифмующихся слов: одинаково звучащие слова, расположенные на конце строки и рифмующиеся, оказываются особенно выразительными и сразу останавливают наше внимание, так как не только точно повторяют друг друга в фонетическом отношении, но и одновременно противопоставляются по смыслу. Ср.:

А что же делает <i>супруга</i>
Одна в отсутствие <i>супруга</i> ?	2) Защитник вольности и <i>прав</i>
В сем случае совсем не <i>прав</i> .
(Пушкин.)
3) Я к вам пишу случайно; <i>право</i> ,
Не знаю как и для чего.
Я потерял уж это <i>право</i> .
И что скажу вам? — ничего!
(Лермонтов.)	4) Сбежал с горы и замер в <i>чаще</i> .
Кругом мелькают фонари...
Как бьется сердце — злей и <i>чаще!</i> ..
Меня проишут до зари.
(Блок.)

§ 9. **Синонимы.** Явлению омонимии противопоставляется явление синонимии. В языке не только существуют одинаковые по звучанию слова, представляющие собой названия для совершенно различных предметов действительности и отношений, но наблюдается и обратное, когда один и тот же предмет, вещь, явление и т. д. можно назвать разными словами.

Синонимы — слова, обозначающие одно и то же явление действительности. Однако, называя одно и то же, синонимы обычно называют это одно и то же по-разному — или выделяя в называемой вещи различные ее стороны, или характеризую эту вещь с различных точек зрения. Именно поэтому синонимы, обозначая одно и то же, как правило, не являются словами абсолютно идентичными друг другу как в отношении семантики, так и в отношении своих эмоционально-стилистических свойств. Они почти всегда отличаются друг от друга или 1) некоторыми оттенками в лексическом значении, или 2) своей эмоционально-экспрессивной окраской, или 3) принадлежностью к определенному стилю речи, или 4) своей употребляемостью, или 5) способностью вступать в соединение с другими словами. Обычно различие между синонимами идет сразу по нескольким линиям.

Так, если сопоставить синонимы *труд* — *работа*, то основное различие между ними будет заключаться в семантических особенностях слов. Синонимизироваться слова *труд* и *работа* будут лишь тогда, когда они выражают понятия «занятие, труд» или «продукт труда, изделие, произведение» (ср.: *физическая работа, труд; печатная работа, труд* и т. д.); слово *труд* имеет значение «усилие, направленное к достижению чего-либо» (ср.: *с трудом встал, не дала себе труда подумать, без труда решил эту задачу* при невозможности сочетаний «с работой встал» и т. д.), слово *работа* обладает значением «деятельность» (ср.: *работа сердца*), «служба» (*выйти на работу, поступить на работу* при отсутствии этих значений у существительного *труд*) и т. д.

Разница между синонимами *спать* — *дряхнуть* — *почивать* проявляется прежде всего в характерной для каждого слова эмоционально-экспрессивной и стилистической окраске: глагол *спать* является межстилевым и нейтральным обозначением соответствующего состояния, глагол *дряхнуть* — просторечным и неодобрительным, глагол *почивать* — устаревшим и ироническим и т. д. Синонимы *немного* — *малость*, *скудный* — *нудный* дифференцируются сферой своего употребления: первые слова пар являются межстилевыми, вторые — свойственны лишь разговорно-бытовой речи. В синонимических парах *аэроплан* — *самолет*, *макинтош* — *плащ* синонимы отличаются своей употребляемостью: *аэроплан* и *макинтош* относятся к устаревшим словам, *самолет* и *плащ* входят в состав актуальной лексики современного русского языка. Синонимы *внезапная* — *скоропостижная*, *карий* — *темно-коричневый*, *разбить* — *расквасить* и т. д. отличаются друг от друга способностью сцепляться с другими словами: слова *скоропостижная*, *расквасить* прикреплены в своем употреблении к словам *смерть*, *нос* (нельзя сказать «скоропостижный приезд», «расквасить врага» и т. д.), слово *карий* употребляется в отличие от синонимического прилагательного *темно-коричневый* лишь для обозначения цвета глаз и лошадей (в последнем случае как устаревшее); нельзя сказать «карий карандаш», «карее пальто» и пр.

Как видим, синонимы, называя одно и то же, всегда чем-нибудь различаются. Однако эти различия обязательно предполагают их номинативную общность, определяющую основное свойство синонимов, — возможность замены в определенных контекстах одного слова другим.

Нередко синонимы определяются как слова различного звучания, имеющие близкие значения. Такое определение неточно характеризует сущность синонимов как явления языковой системы. Можно подумать, что среди синонимов наблюдаются только такие слова, которые обязательно различаются между собой дополнительными оттенками в значении, хотя на самом деле есть и такие синонимы, различие между которыми заключается только в экспрессивно-стилистической окраске или употребляемости и т. д. Можно также подумать, что нет синонимов, которые могут заменять друг друга (ведь значения-то синонимов лишь близкие, а не тождественные), хотя на самом деле это является важнейшим, наиболее характерным свойством синонимов, в отличие от сравнительно близких по значению, но все же несинонимичных слов.

Как уже отмечалось, синонимы среди слов знаменательных частей речи всегда выступают как лексические единицы, обозначающие одно и то же явление объективной действительности. Эта одинаковая номинативная функция и является тем стержнем, благодаря которому слова в лексической системе языка объединяются в незамкнутые (в отличие от антонимов) синонимические ряды.

С одной стороны, наблюдаются небольшие и простые двучленные объединения (ср.: *конь — лошадь, спелый — зрелый, выздоравливать — поправляться* и т. п.), с другой стороны, существуют многочисленные синонимические ряды (ср.: *лицо — лик — морда — рожа — физиономия — физия — харя — мурло* и др., *умереть — преставиться — загнуться — помереть — скончаться* и пр., *недостатки — пробелы — дефекты — недочеты* и т. п.).

Как в двучленных объединениях, так и в многочисленных выделяется основное слово, определяющее характер всего синонимического ряда. В качестве основного всегда выступает слово (его иногда называют доминантой синонимического ряда), представляющее собой стилистически нейтральную лексическую единицу, являющуюся простым наименованием, без какого-либо оценочного момента по отношению к тому, что ею называется.

Каждое слово синонимического ряда должно быть синонимично не только основному, но и всем остальным словам данной группы. Это значит, что по крайней мере какое-либо одно значение должно быть характерно абсолютно для всех членов синонимического ряда. В силу многозначности многих слов русского языка у одного и того же слова может быть несколько синонимов, которые между собой в синонимических отношениях находиться не будут. Например, синонимами к слову *тяжелый* в разных значениях будут слова *трудный* (тяжелая, трудная работа), *мрачный, безрадостный* (тяжелые, мрачные, безрадостные мысли), *суровый* (тяжелое, суровое наказание), *опасный* (тяжелая, опасная болезнь), *непонятный* (тяжелый, непонятный язык), *сварливый* (тяжелый, сварливый характер). Между собой в синонимических отношениях эти слова не находятся.

Синонимы не одинаковы по своему звучанию, структуре и происхождению. Однако могут наблюдаться в языковой системе и такие синонимы, которые по своему значению и отношению к контексту не

различаются в настоящее время совершенно. Они называются абсолютными синонимами или лексическими дублетами. Их существование в языке оправдано только его развитием и представляет собой обычно явление временное. Чаще всего такого рода синонимы существуют или как параллельные научные термины (ср. лингвистические термины: *орфография* — *правописание*, *номинативная* — *назывная*, *фрикативный* — *целевой* и т. д.), или как однокорневые образования с синонимическими аффиксами (*лукавость* — *лукавство*, *убогость* — *убожество*, *сторожить* — *стеречь* и т. д.).

С течением времени абсолютные синонимы, если они не исчезают, а остаются бытовать в языке, дифференцируются, расходятся или по семантике, или по стилистическим качествам, или по употреблению и т. д., превращаясь либо в синонимы в полном смысле этого слова (ср.: *голова* — *глава*, *верить* — *веровать*), либо в слова, в синонимических отношениях не находящиеся (ср.: *любитель* — *любовник* — *влюбленный*).

Следует учитывать, что в целом ряде случаев в синонимах наблюдаются очень незначительные, едва уловимые различия.

Яркая синонимика современного русского литературного языка — одно из свидетельств его словарного богатства. Она дает возможность выразить самые тонкие оттенки мысли, возможность разнообразить речь, делает язык более образным, действенным и выразительным.

Синонимия — явление всегда глубоко национальное, она создается в разных языках различными путями. Синонимы появились в русском литературном языке или в результате образования новых слов на базе существующего строительного материала, или в результате пополнения словаря русского литературного языка за счет лексики территориальных и профессиональных диалектов, а отчасти жаргонов, или в результате усвоения иноязычных слов из лексики других языков.

Разнообразие оттенков, свойственных синонимам, определяет особое внимание к выбору нужного слова синонимического характера, особенно при письменном общении. Необходимо выбирать наиболее образные, емкие и уместные в данном контексте слова, точно и выразительно передающие высказываемую мысль, искать и находить «единственно возможные слова» (Л. Толстой) для выражения данного содержания.

Умение владеть синонимическими средствами русского языка проявляется как в правильном выборе из синонимического ряда соответствующего слова, так и в правильном употреблении синонимов в пределах одного контекста. Так, при переработке текста романа «Война и мир» Л. Толстой в предложении *В тот же год Илья Андреевич умер, и, как это всегда бывает, со смертью его распалась прежняя семья* слово *прежняя* заменяет прилагательным *старая*. Эта замена объясняется тем, что слово *прежняя* недостаточно выразительно и емко по своей смысловой наполненности: *прежняя* — это только бывшая ранее, прежде, не современная, устаревшая; *старая* же — это и давняя, существующая с давнего времени, долго (ср.: *старый друг*, а не

прежний друг; старое платье, а не прежнее платье, старая истина, а не прежняя истина и т. д.).

Употребление синонимов в пределах одного контекста может носить самый различный характер, синонимы могут использоваться с разными стилистическими целями.

С одной стороны, употребление синонимов (это, пожалуй, наиболее распространенный случай) может быть обусловлено прежде всего стремлением избежать тавтологии, слишком частого повторения одних и тех же слов: *Вот пролетели дикие гуси, пронеслась вереница белых как снег красивых лебедей.* (Чехов.)

С другой стороны, употребление синонимических слов может быть использовано для создания перечисления или градации: *«Прощай, милый Саша!» — думала она, и впереди ей рисовалась жизнь новая, и и рока я, просторная.* (Чехов.)

Иногда используется прием «нанизывания» синонимов, например: *...я безумно люблю, обожаю музыку, ей я посвятила всю свою жизнь.* (Чехов.)

Наконец, в художественной литературе употребление в одном и том же контексте разных членов синонимического ряда может быть прямо подчинено определенным стилистическим задачам, связанным с сознательной словесной «игрой». Так, например, у А. Блока: *Он подошел... он жмет ей руку... смотрят его глазделки в ясные глаза.*

В стихотворной речи синонимы могут использоваться в соответствии с требованиями ритма и рифмы. Ср.:

- 1) Домов затемненных громады
В зловещем подобии сна.
В железных ночах Ленинграда

Осадной поры тишина.
Но тишь разрывается боем,
Сирены зовут на посты.

(Тихонов.)

- 2) Уж я не верю увереньям,
Уж я не верю в любовь

И не могу предаться вновь
Раз изменившим сновиденьям.

(Баратынский.)

Излюбленным приемом употребления синонимов в художественной и публицистической литературе является их антонимизация, превращение их из названий одного и того же в наименования как бы разных явлений. Именно на противопоставлении синонимических *лицо и рожа* построена, например, Вяземским эпиграмма «Двуличен он!»: *Двуличен он! Избави боже: Напрасно поклепал глупца. На этой откровенной роже нет и единого лица.*

Не менее удачным является подобное использование синонимов Мартыновым, с их помощью поэт очень скупно, но удивительно ярко показывает зарождение у лирического героя любви: *Но теперь я отчетливо вижу, различаю все четче и четче, как глаза превращаются в очки, как в уста превращаются губы, как в дела превращаются речи.*

Выше уже говорилось об историческом характере синонимической системы современного русского литературного языка, которая постоянно перестраивается в связи с соответствующими изменениями в лексике вообще. Слова, ранее в синонимических связях друг с другом

не находившиеся, с течением времени становятся синонимами, и наоборот. Поэтому синонимические ряды меняются как качественно, так и количественно. Если мы обратимся к синонимическому ряду во главе с основным словом *глаза*, то увидим, что в древнерусском языке указанное слово (обозначая стеклянный шарик) не входило в соответствующий синонимический ряд: как обозначение органа зрения слово *глаза* укрепляется в русском языке лишь в XVI в. Если мы обратимся к литературному языку первой четверти XIX в., то увидим также, что в разбираемый ряд входило и слово *взоры*, сейчас к нему не относящееся (ср.: *Заметья трепетный порыв, с досады взоры пустишь* в черновице даже: *На взоры брови опустив, надулся он.* — Пушкин).

Существование фразеологических оборотов, эквивалентных слову, и возможность выразить понятия описательно обуславливают наличие синонимических отношений не только между словами, но и между словами и выражениями. В таких случаях фразеологический оборот входит в соответствующий синонимический ряд в качестве одного из его членов (ср.: *наверняка — определенно — как пить дать; неожиданно — внезапно — как снег на голову; выпороть — отодрать — прописать ижицу; препятствие — помеха — камень преткновения; солнце — дневное светило* (ср.: *Погасло дневное светило.* — Пушкин), *река — водный рубеж* (ср.: *Осенний дождь стучит о подоконник Пока еще осколками свинца. Пока еще восходы и закаты Солдатской кровью крашены. Пока Зовется водным рубежом река.* — Гудзенко) и т. д.

Существование синонимии слова и фразеологического оборота — при тенденции к краткости и лаконичности — приводит к возникновению на базе фразеологических оборотов новых слов: *Вавилонское столпотворение — столпотворение, перемывать косточки — костить, зажмурить глаза — зажмуриться, пойти на лад — наладиться* и т. д. Впрочем, наблюдается здесь и обратный процесс «разложения» слова на фразеологический оборот (ср.: *спят — объята сном, ударить — нанести удар, бороться — вести борьбу* и пр.).

Богатая синонимическая система современного русского языка не исключает вместе с тем и того факта, что целый ряд слоз не имеет синонимов (в первую очередь это различные термины).

Среди синонимов наблюдаются не только *разнокорневые* (*цепи — оковы — вериги, назад — обратно — вспять, дорога — путь — стезя* и др.), но и *родственные*, имеющие одну и ту же производную основу (*чаща — чащоба, прошлое — прошедшее, лиса — лисица, учеба — ученье* и т. д.). Такие синонимы можно называть *однокорневыми*. Однокорневые синонимы представляют собой слова, возникшие на основе слов одного и того же корня, иногда даже на базе той же самой производящей основы (ср.: *туристская — туристическая, восседать — сидеть, рыбак — рыбарь, лгун — лжец, нарочно — нарочито* и т. п.).

§ 10. Антонимы. В лексической системе современного русского языка многие слова связаны между собой не только синонимическими отношениями, но и антонимическими. В этом случае слова, для которых характерны противоположные значения, объединяются в замкнутые пары (*хороший — плохой, правда — ложь, говорить — молчать*).

Антонимы являются словами разного звучания, которые выражают противоположные, но соотносительные друг с другом понятия.

Историческое развитие значений в слове приводит к появлению в нем противоположного значения довольно редко. Как правило, появление в слове такого значения сопровождается одновременной утратой старого. Так было, например, в словах *честить* (от *честь*), *наверное* (из *на верную*) и т. д., в которых возникновение значений «ругать», «вероятно, может быть» повело соответственно к отмиранию в них значений «почитать», «наверняка».

Однако бывают случаи, когда в слове при развитии противоположной семантики сохраняется и старая, т. е. развивается энантосемия. Тогда в лексике появляются слова, имеющие противоположные значения, но звучащие одинаково. Такие слова представляют собой уже не антонимы, а одну из разновидностей синонимов, возникших в результате расхождения значений одного и того же слова до полярных: *оставьте* (распоряжение в силе) и *оставьте* (этот разговор), *задуть* (свечу) и *задуть* (домну) и т. д. Именно поэтому в определении антонимов необходимо внести указание на их различную огласовку.

Антонимы могут быть разнокорневыми и однокорневыми.

В однокорневых антонимах их противоположные значения объясняются, естественно, не противопоставлением корней, которые у них одинаковы, а противопоставлением присоединяющихся к ним приставок или приставочного и бесприставочного образований (ср.: *подземный* — *надземный*, *вливать* — *выливать*, *спокойный* — *беспокойный*, *народный* — *антинародный*, *зачет* — *незачет*, *прибавить* — *отбавить*, *плохо* — *неплохо*, *открыть* — *закрыть* и т. п.).

В разнокорневых антонимах — противоположные значения являются принадлежностью этих слов в целом (ср.: *черствый* — *свежий*, *зажечь* — *погасить*, *жизнь* — *смерть*, *свет* — *мрак*, *тишина* — *шум*, *твердый* — *мягкий*, *все* — *никто*, *юг* — *север*, *вверху* — *внизу*, *вдоль* — *поперек*, *жар* — *холод*, *любовь* — *ненависть* и т. п.). Как разнокорневые антонимы осознаются сейчас и слова *конец* — *начало*, являющиеся по происхождению однокорневыми.

Не все слова могут иметь антонимы (например: *стол*, *пять*, *Петр*). Этой способностью обладают только такие слова, которые обозначают явления, имеющие качественное, количественное, временное или пространственное значения. И напротив, в ряде случаев у одного и того же многозначного слова может быть несколько антонимов. Так, антонимами к слову *твердый* являются слова *мягкий* (твердый как камень — мягкий как воск), *жидкий* (твердое и жидкое состояния вещества), *неуверенный* (твердым шагом — неуверенным шагом).

Антонимы — яркое средство для антитезных построений большой художественной выразительности. Очень любил антитезные конструкции, построенные с использованием антонимов, М. Лермонтов: *В толпе друг друга мы узнали, сошлись — и разошлись вновь. Была безрадостней любовь, разлука будет без печали*.

Довольно часто в своих критических статьях прибегал к антонимам для выражения диалектики мысли В. Белинский. Ср.: «Жизнь че-

ловеческая разделяется на б у д н и, которых в ней м н о г о, и п р а з д н и к и, которых в ней м а л о.

В жизни человека бывают торжественные минуты, в которых все — победа или все — падение и нет середины. Это минуты борьбы его индивидуальной особенности, требующей личного счастья или личного спасения, с долгом, говорящим ему, что он вправе стремиться к *счастью* или *спасению*, но не на счет *несчастья* или *погибели* ближнего, имеющего равное с ним право и на счастье, если оно ему представляется, и на спасение, если ему грозит беда. Воля человека свободна: он вправе выбрать тот или другой путь, но он должен выбрать тот, на который указывает его разум».

Не чужды антитезы, включающие в свой состав антонимы, и синтаксису такого художника слова, как Л. Толстой. Например в романе «Война и мир» можно отметить такой случай: *«Княжна! Постойте, ради бога,— вскрикнул он, стараясь остановить ее.— Княжна! — она оглянулась. Несколько секунд они молча смотрели в глаза друг другу, и д а л е к о е, н е в о з м о ж н о е в д р у г с т а л о б л и з к и м, в о з м о ж н ы м и н е и з б е ж н ы м».*

Особенно характерны антонимы, образующие антитезы, для индивидуально-художественного стиля А. Блока, например: *Познай, где с в е т,— поймешь, где т ь м а. Пускай же все пройдет неспешно, что в мире с в я т о, что в нем г р е ш н о, сквозь ж а р души, сквозь х л а д ума.*

Часто прибегают к антонимам для создания антитез и советские поэты. Ср.: *Не стану л у ч ш е или х у ж е, все тот же буду, не иной. От с ч а с т ь я п л а м е н е т ь н а с т у ж е, от г о р я с т ы н у т ь в л е т н и й з н о й* (Грибачев). *А п р а в д а о с т а л а с ь — что ж и з н и д о р о ж е? А л о ж ь н е з а б ы л а с ь — что с м е р т и с т р а ш н е е? Б ы л а т ы м и л е й, с п р а в е д л и в е й, м о л о ж е, я т о ж е к а з а л с я н а м н о г о п р я м е е.* (Луговской.)

Нередко используются антонимы и для заглавий: «Война и мир» Л. Толстого; «Толстый и тонкий» Чехова; «Дни и ночи», «Живые и мертвые» Симонова; «Земля и небо» Саянова и др.

Очень часты, в силу отмеченной яркой выразительности, антонимические пары во фразеологических оборотах, в том числе в пословицах и поговорочных выражениях: *черным по белому; ни дать, ни взять; мягко стелет, да жестко спат; ученье — свет, неученье — тьма; и стар и млад* и т. д.

Сочетание антонимов может создавать новое понятие или представление — о к с ю м о р о н, так, например: *свободные рабы, живой труп.* •

§ 11. Контекстуальные синонимы и антонимы. От синонимов и антонимов языковых следует отличать контекстуальные синонимы и антонимы, являющиеся индивидуально-стилистическим использованием того или иного слова, не закрепленным общенародным употреблением. В качестве контекстуальных, или индивидуально-стилистических, антонимов можно привести слова *волна* и *камень* в романе А. Пушкина «Евгений Онегин»: *Они сошлись: волна и камень, стихи и проза, лед и пламень не столь различны меж собой.*

В общем употреблении эти слова в антонимических отношениях друг к другу не стоят.

Контекстуальными антонимами иногда могут быть даже слова, в общем употреблении являющиеся синонимическими. Как пример можно привести использование слов *прощай* и *до свиданья* П. Антокольским: *Никогда не прощай, навсегда до свиданья, милый друг, золотой человек!*

ЛЕКСИКА СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЕЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ

§ 12. Понятие «исконно русская лексика». Словарный состав представляет собой результат длительного развития. Слова, которыми пользуются сейчас говорящие на русском языке, различны по времени возникновения и происхождению. Рядом со словами, бытующими в русском языке с дописьменной эпохи (*мать, радость, сила, озеро, шить, нести, старый, белый, по, у, три* и т. д.), мы найдем в нем слова, недавно или даже только что вошедшие в него (например: *самбо* — в 1970 г., *дояр* — в 1957 г., *микробус* — в 1973 г., *целинник* — в 1954 г., *космонавт* — в 1957 г. и т. д.). Рядом с исконно русскими (*вода, говорить, смазчик, чтобы, мастерская* и др.) в нем есть слова, пришедшие к нам из других языков (*мастер* — из немецкого, *баста* — из итальянского, *тетрадь* — из греческого, *аквариум* — из латинского, *солидный* — из французского, *митинг* — из английского, *арба* — из татарского и т. п.).

Лексика современного русского языка исчерпывающе полно отражает своим составом и характером поступательное движение русского народа вперед, его богатую и славную историю и величественное социалистическое настоящее.

Основным пластом словарного материала современного русского языка, как и русского языка на всем протяжении его развития, являются исконно русские слова. Они составляют более 90% слов, употребляющихся в настоящее время в нашем языке, и образуют основную часть его богатства, определяющую самобытность русской речи, ее глубокое национальное своеобразие.

Под исконно русским словом понимается всякое слово, возникшее в русском языке или унаследованное им из более древнего языка-источника, независимо от того, из каких этимологических частей (исконно русских или заимствованных) оно состоит (ср. исконно русские слова *шоссейный, маникюрша, форсить* и заимствованные из французского языка слова *шоссе, маникюр, форс*).

Было бы совершенно неверным, например, считать слова *ямицик, аэросани, газетный, этиодник, штурмовщина, зацементировать* и т. п. словами не русскими, а заимствованными только потому, что в их составе есть иноязычные корни (*ям* — из татарского, *этиод* — из франц. *штурм* — из нем., *цемент* — из лат. и др.). Более того, было бы неправильным также считать заимствованными, а не исконно русскими такие слова, как *акмеизм, нигилист, спец, акрихин* и т. п., хотя в их

основах нет никаких исконно русских морфем; как определенные лексические единицы все они (пусть на базе иноязычных слов) появились в русском языке: *акмеизм* (на базе греч. *актḗ* «вершина») — как новообразование (поэта Гумилева) 1912 г.; *нигилист* (на базе лат. *nihil* «ничто») — в качестве неологизма первой трети XIX в. (критика Надеждина); *спец* — в результате сокращения в советскую эпоху слова *специалист*; *акрихин* (на базе греч. *акрос* «наилучший» и *хинин*) — как научный термин, которым был назван изобретенный в СССР в 1933 г. противомаларийный препарат, заменяющий хинин. Как слова определенного значения и словообразовательно-грамматической структуры, все они — творение и факт нашей речи и в другом языке были бы заимствованиями из русского языка.

От исконно русских слов, возникших на базе иноязычных (вроде *аптечный*), и полукáлек с одной непроемной основой (о них ниже, § 17) следует отграничивать случаи словообразовательного переформирования заимствованных слов, когда заимствованное слово (для того чтобы войти в лексико-грамматическую систему русского языка) обрастает русским суффиксом. Так, прилагательные *солидный* и *семантический* было бы неверно ставить в один ряд с прилагательными типа *тренерский*, *парный*. В то время как последние возникли в русском языке как новые прилагательные от заимствованных существительных (первое — от слова *тренер*, заимствованного из английского языка, второе — от слова *пара*, заимствованного из немецкого языка), прилагательные *солидный* и *семантический* являются заимствованными из французского языка. Суффиксы *-н-*, *-ск-* в них не образуют новых слов от уже существующих в русском языке (как в *тренерский*, *парный*), а позволяют лишь ввести иноязычные прилагательные в систему употребляемых в современном русском языке прилагательных.

Среди исконно русской лексики следует различать несколько пластов, имея в виду время появления их в языке: слова общеславянские, восточнославянские (или древнерусские) и собственно русские.

Слова, полученные древнерусским языком из когда-то существовавшего общеславянского языка, можно назвать *о б щ е с л а в я н с к и м и*. Такие слова, как правило, и в настоящее время употребляются во всех современных славянских языках.

Количество слов, унаследованных русским языком из общеславянского языка, невелико. В четырехтомном «Словаре русского языка» Академии наук, отражающем лишь наиболее употребительную часть современного русского повесного материала, свыше 90 тыс. слов. Слов же, идущих из общеславянского языка (многие из которых бытуют в настоящее время уже с другими значениями), в нашей лексике сейчас не более двух тысяч. Однако до сих пор они наиболее употребительны в нашей речи и в повседневном общении составляют не менее $\frac{1}{4}$ всех слов. Именно эти слова являются ядром нашего современного словаря, важнейшей и существеннейшей его частью.

Наиболее богато (как по количеству, так и по семантическому многообразию) среди общеславянских слов представлены имена существительные. Из них особо необходимо отметить следующие: 1) наименования частей человеческого тела и тела животных: *борода*, *бок*, *волос*, *голо-*

ва, губа, грива, зуб, коса, лапа, лицо, лоб, нос и др.); 2) термины родства: *мать, отец, сын, дочь, брат, сестра* и т. п.; 3) названия того или иного отрезка времени: *день, ночь, вечер, осень, месяц, год, век* и др.; 4) слова, обозначающие полезные ископаемые: *серебро, золото, железо* и т. п.; 5) слова, обозначающие явления природы (различные атмосферные явления, небесные светила, характер местности, водоемы и т. д.): *буря, берег, болото, ветер, вода, вихрь, гора, гром, град, гроза, дождь, жара, земля, звезда, зной, ил, камень, лед, лес* и т. д.; 6) названия, относящиеся к растительному миру: *бук, боб, береза, верба, вяз, горох, граб, дыня, дуб, сль, желудь* и т. д.; 7) слова, обозначающие домашних животных: *бык, вол, корова* и др.; 8) названия, относящиеся к животному миру: *волк, ворона, гусь, голубь, дятел, еж, ерш, жаба, заяц, зверь, змея* и др.; 9) названия орудий и предметов труда: *весло, ведро, веретено, волокно, вилы, грабли, долото, жито, зерно, игла, кол* и др.; 10) наименования лиц: *гость, гончар, друг, жнец, отрок* и др.; 11) ряд слов, представляющих собой выражение абстрактных понятий: *вера, воля, вина, гнев, грех* (первоначально — «ошибка»; ср.: *с грехом пополам*), *дух, жалость* и др.

Значительную группу слов общеславянского происхождения образуют и глаголы, среди которых мы находим как наименования жизненно необходимых действий и состояний, так и обозначения, представляющие производственные и общественно-политические термины. Например, *лечь, сидеть, спать, мыть, клевать, спеть, уметь, идти, врать, бояться, хотеть, стынуть, ползти, пить* и др., а также: *шить, ковать, сеять, писать, читать, воевать, мстить* и т. п.

Среди унаследованных из общеславянского языка имен прилагательных мы находим обозначения духовных качеств людей (*мудрый, хитрый, добрый, суровый*), наименования физических качеств человека и животных (*голый, лысый, молодой, старый, косой* и др.), слова, обозначающие цвет (*белый, желтый, синий, русый* и др.), слова, обозначающие свойства и качества вещей (*правый, левый, большой, глубокий, короткий, узкий, кислый* и др.).

К общеславянскому словарному фонду относятся в русском языке и некоторые числительные (*один, два, три, семь, десять, сто* и др.), многие местоимения (*я, мы, ты, вы, он, кто, что, сам, весь, мой, наш* и др.), отдельные наречия, как правило, местоименные и отприлагательные (*там, тогда, где, вон, как, едва, мимо, скоро, мало, высоко, горько, внутри, вчера* и т. п.), большинство неизменяемых предлогов и союзов (*над, к, при, от, в, у, за, и, а, ли, да, но* и т. д.).

По морфологическому строению большинство общеславянских слов, бытующих в современном русском языке, выступает как слова корневые, с производной основой.

По стилистическому характеру это слова общеупотребительные, межстилевые, необходимая принадлежность как устного словаря, так и лексики книжной, письменной речи.

Значительно большим по количеству и семантико-словообразовательному разнообразию является тот пласт слов русского языка, возникновение которого связано уже с существованием диалектов древних восточных славян, древнерусского языка (XIV—XV вв.). Это так

называемая восточнославянская лексика, т. е. слова, которые сохранились в русском языке как достояние языковой общности предков русских, украинцев и белорусов. Эти слова, как правило, не встречаются в лексике южных и западных славянских языков, хотя в своем большинстве и возникли на базе общеславянского строительного материала. Неизмеримо меньше общевосточнославянских слов появилось на базе слов, заимствованных из других языков (греческого, тюркских, германских).

Древнерусские (но не общеславянские) по происхождению и времени возникновения слова в своей массе связаны с развитием на Руси новых (уже не патриархально-родовых, а феодальных) общественных отношений, с дальнейшим прогрессом культуры, науки, искусства и т. д., со все более глубоким познанием человеком окружающей его объективной действительности.

К общевосточнославянским (но не общеславянским) словам, например, можно отнести такие слова, как *знобить*, *совсем*, *тут*, *снегопад*, *говорун*, *пузырь*, *ледяной*, *горячиться*, *шарик*, *после*, *пустышка*, *горошина*, *поясок*, *горбоносый*, *добреть* и многие другие.

Наиболее многочисленный и разнообразный в структурно-стилистическом отношении и по грамматическим свойствам пласт исконно русской лексики представляют слова, возникшие уже в эпоху отдельного существования русского, украинского и белорусского языков (с XIV в. по настоящее время), т. е. слова собственно русские. Эти слова представляют собой уже специфическую принадлежность русской речи, и их существование в других языках будет, несомненно, фактом заимствования из нашего языка.

В отношении словообразовательной структуры собственно русские слова почти все в своем возникновении являются производными. Исключение составляют отдельные, весьма немногочисленные имена существительные, возникшие при помощи безаффиксного способа словообразования (типа *удаль*). По своему значению собственно русские слова в своей основной части являются формой выражения новых понятий, связанных с появлением новых предметов и явлений объективной действительности, с развитием науки, техники и литературы. Значительно меньшую часть составляют собственно русские слова, являющиеся названиями того, что ранее уже было обозначено другими словами.

К собственно русским словам можно отнести: почти все имена существительные, образованные при помощи суффиксов *-щик*, *-овщик*, *-льщик*, *-ятина* (от имени прилагательного), *-лка*, *-овка* (со значением предмета), *-тельство*, *-ша*, *-ность*, *-есть*, *-щина* (с отрицательным оттенком) и некоторых других (например: *каменищик*, *гробовщик*, *чистильщик*, *дохлятина*, *зажигалка*, *листочка*, *вмешательство*, *командириша*, *будущность*, *испаряемость*, *казеничина* и т. п.); почти все имена существительные, образованные от глаголов безаффиксным способом образования без переогласовки гласной корня (*присед*, *разбег*, *зажим* и т. п.); все сложносокращенные существительные (*кожмит*, *главк*, *вуз*, *зарплата* и т. п.); почти все имена существительные на *-тель* со значением действующего предмета (*огнетушитель*, *взрыватель*

и др.); почти все имена существительные, образованные сложением с одной из иноязычных основ (*миноносец, славянофил, литературоведение, теплотехник*); все сложные имена существительные, образованные из двух синтаксически равноправных существительных (*овцебык, светотень* и др.); немногочисленные прилагательные, образованные с помощью иноязычных приставок от русских прилагательных (*антинародный, архиглуный* и др.); подавляющее большинство бытующих в современной лексике сложных прилагательных (*дикорастущий, светло-красный, русско-польский, хлеботоргующий, учебно-воспитательный* и т. д.); глаголы, образованные от глаголов суффиксально-префиксальным способом при помощи одновременного присоединения приставки и суффикса *-ся* (*разбежаться, разоспаться, вжиться* и т. п.); многие отыменные глаголы суффиксального образования (типа *сапожничать, халтурить*) и суффиксально-префиксального образования (типа *обезлюдеть, разбазарить*); наречия, образованные от прилагательных на *-ский* суффиксально-префиксальным способом — с помощью приставки *по-* и суффикса *-и* (*по-мальчишески, по-приятельски* и т. д.); наречия типа *по-весеннему, по-серьезному, по-деловому* и т. п.; наречия, образованные от причастий при помощи суффикса *-е* (*торжествующе, угрожающе* и т. д.); подавляющее большинство производных предлогов и союзов (например: *вследствие, насчет, вроде, вдоль, пока* и т. п.).

Можно заметить, что среди указанных семантико-словообразовательных типов имеются как приобретения недавнего времени (к таким, например, можно отнести сложносокращенные слова, появившиеся в русской лексике с конца XIX в., имена существительные на *-ость* от иноязычных основ, в подавляющей своей массе возникающие с 30-х годов XIX в.), так и факты, связанные в своем появлении с начальной стадией развития русского языка как языка русской народности (слова с суффиксами *-чик, -щик* — XIV в., глаголы суффиксально-префиксального образования типа *съехаться* — XVI в.) и т. п.

§ 13. Заимствованные слова в русском языке. Под заимствованным следует понимать всякое слово, пришедшее в русский язык извне, даже если оно по составляющим его морфемам ничем не отличается от исконно русских слов (такое явление может наблюдаться тогда, когда слово берется из какого-либо близкородственного славянского языка, например: *пригвоздить, мудрость* — из старославянского языка; *вольность, справедливый* — из польского языка и т. д.).

В силу длительных экономических, политических, военных, культурных и тому подобных связей русского народа с другими народами в русский язык проникало и укреплялось в его системе довольно значительное количество иноязычных элементов лексики. Этот процесс не был явлением отрицательным; напротив, он обогащал наш родной язык, делал его еще более емким, выразительным и развитым. Естественно, что все взятое извне перерабатывалось в русском языке, подчиняясь законам русской фонетики и грамматики, правилам русского словопроизводства и семантической системы.

§ 14. Старославянизмы в лексике русского языка. Среди лексических заимствований в русском языке как значительный пласт слов из

близкородственного языка особое место занимают старославяны и змы, слова из старославянского языка¹.

Входя в русский язык, старославянские слова, как всякие заимствованные словарные единицы, подвергались переоформлению в соответствии с его внутренними законами: изменялись (если они имели в своем составе звуки, нехарактерные для русской фонетической системы) со стороны звучания, приобретали новые значения и стилистические качества и т. д. Например, старославянские слова *мошть*, *овошть*, *пештера* и т. д. начинали произносить как *мошь*, *овощ*, *пещера*: несвойственный русский произносительной системе звук [ш'т'] заменялся наиболее близким по акустическим свойствам звуком [ш'']. Такое переоформление старославянских слов включало чужое слово, пусть и из близкородственного языка, в лексику русского языка. Некоторые старославянизмы настолько прочно укреплялись в словаре русского языка, что входили в его основной словарный фонд (*враг*, *время*, *страна*, *работа*, *мошь*, *между*, *польза* и др.), иногда даже вытесняя соответствующие исконно русские слова.

Следует различать три группы старославянизмов.

Первую группу составляют старославянские слова того же корня, словообразовательной структуры и первоначально прямого, номинативного, значения, что и соответствующие исконно русские. Это, по существу, старославянские варианты (в основном чисто фонетического характера) слов, бывших еще в общеславянском языке, которые были унаследованы и древнерусским языком, но уже в восточнославянской огласовке. Сюда относятся: *брег* (ср. *берег*), *глад* (ср. *голод*), *раб* (ср. в древнерусском *роб*, в качестве корня сохраняющееся в диалектном *робенок*, в литературном *ребенок*), *рождать* (ср. *рожать*), *ночь* (ср. *ночь*) и т. д.

Вторую группу образуют специфические новообразования старославянского языка. Их не было в общеславянском языке; среди них немало лексических единиц, созданных для передачи соответствующих греческих слов. Если старославянские слова этой группы и имеют исконно русские синонимы, то они или имеют иной корень, или отличаются словообразовательной структурой. В качестве примеров можно назвать: *истина* — *правда*, *agneц* — *ягненок*, *излить* — *вылить*; словообразовательные кальки (см. § 17) с греческих слов: *бездна*, *совесть*, *мудрость*, *чистота*, *животворный*, *благодарить* и т. п.

К третьей группе относятся семантические старославянизмы, т. е. общеславянские по времени появления слова, получившие в старославянском языке особые значения и с этими значениями вошедшие в древнерусский язык. В этом случае исконно русские слова общеславянского происхождения как бы сливались с семантически отличными старославянскими, получая новое значение. Таковы слова *бог*, *грех*, *господь* и т. п. в их современных значениях (ср. старые значения этих

¹ Помимо слов, в русский язык из старославянского пришло и некоторое количество фразеологических выражений, словообразовательных элементов, грамматических форм и синтаксических оборотов.

слов, выступающих в качестве основной части производных *богатый, огрех, господствовать, господин* и др.).

О старославянском происхождении довольно значительной части лексических старославянизмов можно заключить, только хорошо зная историю их бытования в русском языке, старославянский и древнерусский словарные составы, древние письменные памятники и т. д. Однако целый ряд старославянизмов выделяется фонетическими, словообразовательными и семантическими приметами.

О старославянском происхождении корневых слов, значимых частей слов (корней, суффиксов, приставок), а в ряде случаев и целых производных слов говорят прежде всего следующие фонетические особенности:

1) неполногласные сочетания *ра, ла, ре, ле* между согласными в соответствии с русскими полногласными сочетаниями *оро, оло, ере: нрав, врата, жребий, злато, пленить, трезвый, власы, храбрый* и т. п.;

2) сочетания *ра, ла* перед согласными в начале слов в соответствии с русскими начальными сочетаниями *ро, ло* в определенных фонетических условиях: *работа, растение, разум, равный, разный, ладья* др.

3) сочетание *жд* на месте русского *ж*: *вождь, одежда, прежде* и др.;

4) звук [ш'] (как замена старославянского звука [ш'т']) в соответствии с русским [ч']; *щ* в этом случае чередуется с *т* (*щ*, чередующееся с *ск* и *ст*, наблюдается и в исконно русских словах): *мощь, пещера, освещать, общий, овощи, поглощать, сущий* и т. п.;

5) начальное *е* вместо русского *о*: *есень* (ср.: *Есенин*), *елень, езеро* (ср.: *Езерский*), *единый, единица* и пр.;

6) начальное *ю* вместо русского *у*: *юноша, юг* (ср. производное от исконно русского *уг* — *ужин*, первоначально оно обозначало «полдник»), *юдоль, юродивый* (ср.: *урод*) и немногие другие;

7) начальное *а* на месте русского *я*: *аенец, аз* (ср. древнерусское *ягненок, язъ*, современное *я*);

8) твердое *з* (из *г*) на месте русского *з* мягкого: *польза* (ср.: *нельзя, ослзать*).

К словообразовательным (иначе их иногда называют морфологическими) приметам относятся некоторые суффиксы, приставки и некоторые модели образования сложных слов. На старославянское происхождение отдельных, но отнюдь не всех слов такого рода указывают:

а) суффиксы *-ствие* (*действие, бедствие*), *-чий* (*кормчий, ловчий*), *-нь* (*жизнь, болезнь*), *-ыня* в отвлеченных существительных (*гордыня, святыня*), *-тва* (*битва*), *-ущ-*, *-ющ-*, *-ащ-*, *-ящ-* (*горящий, несущий*), *-есн-* (*древесный, чудесный*);

б) приставки *из-* (*ис-*) (*испить, изыди, изгнать*) и *низ-* (*нис-*) (*ниспадать, низвергать*);

в) первые части сложений в виде *зло-*, *добро-*, *благо-*, *бogo-*, *суе-* (из которых многие — кальки с греческих слов): *злословить, добродетель, благословение, благородный, богоборец, суеверие* и т. п.

Наконец, в ряде случаев о старославянском происхождении того или иного слова может говорить и его семантика, его смысловое значение (выражение им религиозного понятия, обозначение им предмета

церковного обихода и т. п.). Именно по этому (семантическому) признаку, так как фонетические и словообразовательные приметы в них отсутствуют, к старославянизмам можно отнести такие слова, как *суета, соблазнить, воскресение, таинство, образ, креститель, святой, страсть* («страдание»; ср.: *страсти господни*), *кадить, пророк, творец* и т. п.

Старославянские слова, войдя в русский язык, обрусели в нем не в одинаковой мере. Одни из них потеряли свою специфическую стилистическую окраску и значение совершенно, стали неотъемлемой принадлежностью межстилевой общеупотребительной лексики, иногда даже ее основного ядра (*время, враг, сладкий, праздник, храбрый, брань, вред, член, бездна, овощи, общий, среда, нужда, пламя, влаза, здравствуй, казнь* и т. п.). В своем большинстве это слова, вытеснившие соответствующие исконно русские.

Другие старославянские слова, не осознаваясь уже как чужие и являясь обычными словами активной лексики современного русского литературного языка, тем не менее выглядят как книжные, принадлежат прежде всего письменной речи (*жажда, благо, бремя, творец, истина, вождь* и т. д.).

Многие старославянизмы, в отличие от названных выше, не входят в активный словарный запас, бытуют в языке как устаревшие слова с определенной стилистической окраской (архаичности, торжественности, риторичности и т. д.). Эти старославянизмы все более сужают сферу и частоту своего употребления, постепенно уходят из языка: *нощь, хошу, дщерь, брег, глас, древо, чреда, злато, хлад, длань, агнец, алкать, отверзать, лобзание, предтеча, глагол* (в значении «слово»), *риза* (в значении «одежда»).

Об особой стилистической роли старославянизмов можно говорить, только имея в виду русский литературный язык прошлого (до второй половины XIX в.). В современном русском литературном языке старославянизмы как особая стилистическая категория не существуют. Исключение составляют лишь те, которые являются архаизмами. Однако архаизмами могут быть не только старославянизмы, но и исконно русские слова и заимствования (см. § 27).

§ 15. Иноязычные элементы в лексике русского языка. Среди лексических фактов, в которых находит отражение иноязычное влияние, следует различать, с одной стороны, такие, которые объясняются прямым заимствованием, а с другой — такие, которые возникли в результате калькирования.

В соответствии с этим следует различать: 1) иноязычные слова и 2) кальки (от франц. *calque* «копия на прозрачном листе, подражание»). Разберем отдельно эти различные факты.

§ 16. Иноязычные слова. Иноязычные слова в лексике современного русского литературного языка хотя и представляют довольно многочисленный пласт лексики, но тем не менее не превышают 10 % всего его словарного состава. Лишь небольшая их часть выступает в качестве межстилевой общеупотребительной лексики; подавляющее большинство имеет стилистически закрепленное употребление в книжной речи и характеризуется в связи с этим узкой сферой применения (вы-

ступая как термины, профессионализмы, специфически книжные слова и т. д.).

В своем подавляющем большинстве иноязычные слова заимствованы вместе с вещью, явлением, понятием и т. д. (*зонтик* — из голланд. языка, *диск* — из греч., *вензель* — из польск., *бульвар* — из франц., *бокс* — из англ., *чалый* — из тюрк., *помпа* — из лат., *квартет* — из итал., *штатив* — из нем. и т. д.), однако немало их пришло в русский язык и в качестве новых обозначений того или иного факта, имевшего до этого исконно русское наименование (ср.: *специфический*, *вояж* — из франц., *денди* — из англ., *февраль* — из лат. и исконно русские *особенный*, *путешествие*, *щеголь*, *лютый*).

Заимствованный характер чужих по происхождению слов чувствуется далеко не всегда; иноязычность целого ряда из них можно вскрыть лишь при помощи специального лингвистического анализа.

Давние заимствования общенародного характера в ряде случаев настолько прочно вошли в плоть и кровь русского языка, что стали принадлежностью его основного лексического фонда (*тетрадь*, *свекла* — из греч. языка; *билет*, *суп* — из франц. языка; *карман*, *деньги* — из тюрк. и т. д.). Недавние заимствования узкой сферы применения в ряде случаев удерживают в своем составе даже некоторые чуждые русскому языку фонетические и морфологические свойства (*пенсне*, *денди*, *интервью*, *модель*, *репертуар*, *кенгуру*, *нокаут*, *жюри* и т. д.). Естественно, что иноязычность вторых ясна любому носителю русского литературного языка, в то время как неисконное происхождение первых становится известным только после специальных этимологических разысканий.

Существующие в настоящее время в русской лексике иноязычные слова пришли в нее в разное время из самых различных языков. Довольно много слов заимствовано из тюркских языков, греческого и латинского, польского, а также немецкого, французского и английского. Значительно меньшие группы составляют слова, пришедшие в русский язык из голландского и итальянского. Остальные языки дали русскому языку лишь отдельные слова.

Устанавливая, из какого конкретно языка идет заимствование того или иного слова, необходимо четко разграничивать этимологический состав слова и его возникновение как слова в том или ином языке, а также учитывать, является ли оно коренным перефразированием в данном языке какого-либо иноязычного и для него слова или этот язык выступает лишь как язык-передатчик. Нельзя, например, слово *велосипед*, основываясь на том, что оно состоит из латинских корней *velox* (быстрый) и *pedes* (ноги), считать латинским, так как оно возникло во французском языке.

Заимствованные с голоса в древнерусскую эпоху из тюркских языков слова являются, как правило, названиями, относящимися к быту коневодству; единичны термины военно-экономического характера: *жемчуг*, *алмаз*, *лапша*, *орда*, *ярлык*, *набат* (первоначально — огненный медный барабан), *бурда*, *войлок*, *кушак*, *барсук*, *арбуз*, *барыш*, *шка*, *сундук*, *казна*, *изюм*, *чердак* и т. п.

Греческое по происхождению слова начали проникать в русскую

лексику еще до введения на Руси христианства. Они входили в русский язык как непосредственно, так и через языки-передатчики (сначала через старославянский язык, потом через западноевропейские). Среди них наблюдаются бытовые названия растений и животных, слова церковно-религиозного характера и особенно много терминов науки и искусства (например: *грамота, парус, лохань, палата, лента, фонарь, известь, свекла, кедр, ирис, лавр, кит, ехидна, крокодил; ад, ангел, икона, ересь, монастырь; магма, базис, галактика, ода, металл, алфавит* и т. д.). Значителен вклад греческого языка и в фонд собственных имен русского языка: *Кузьма, Георгий, Евгений, Елена, Софья, Федор, Ангелина, Петр, Степан, Николай, Евдокия* и т. п.

Заемствование в русский язык слов из латинского языка обычно осуществлялось через посредство других языков (в X—XI вв. — через греческий, а в XVI—XVII вв. — через польский, позднее — через западноевропейские). Заемствованные из латинского языка слова относятся к обозначениям предметов быта, общественно-политических отношений, понятий науки и искусства (*комната, цемент, ангина, формула, арена, гербарий, глобус, тангенс, комментарий, автор, депутат, акция, экзамен, цирк, доктор* и т. п.). Латинский язык дал русскому языку и некоторое количество собственных имен: *Валерий, Виктор(ия), Марк, Марина, Валентин(а), Клавдия, Юлия* и др.

Заемствованные с голоса слова из польского языка (в основном в XVI—XVII вв.), как правило, являются бытовыми наименованиями (*булка, зразы, карета, кофта, сбруя, бляха, вензель*; также: *шпик, мешкать, строгий, кланчить, деликатный, вольность* и др.).

Слова из немецкого языка наиболее интенсивно стали заимствоваться в начале XVIII в. как с голоса, так и через книгу. С семантической точки зрения они представляют собой главным образом наименования предметов домашнего обихода, термины ремесел и искусств, а также военные профессионализмы (*бутерброд, кухня, штопор, папка, циферблат, цех, шпион, ланцет, штольня, штраф, кран, слесарь, верстак, штурм, ранг, штаб, гауптвахта, плац*; ср. также: *шитель, пара, локон, курорт, фальшив, швах, приоритет* и др.). Одним из древнейших заимствований из древневерхненемецкого языка является собственное имя *Глеб* (ср.: *Готлиб*, буквально — *Богумил*).

Заемствованные из французского языка слова стали появляться в русском языке уже в допетровскую эпоху, но особенно сильным их приток стал в конце XVIII в. По своему значению они составляют самую большую и разнообразную категорию иноязычных слов: среди них мы находим и слова бытового характера, и общественно-политические, и военные термины, и термины искусств, науки и торговли (*брильянт, помада, портфель, компот, люстра, пальто, кашне, мебель, клетка, контроль, журнал, шовинизм, лимит, парламент, жаргон, рутинка, батальон, атака, десант, эскадра, ансамбль, спектакль, балет, шасси, парашют, такси, пардон, омар, наркоз, шеф* и т. п.).

Английские слова появляются в русском языке в основном в XIX—XX вв. В подавляющем большинстве это термины техники, спорта, политики, а также бытовые названия: *вокзал, трамвай, эскалатор,*

рельс, туннель, комбайн, блюминг, конвейер, трактор, ринг, регби, нокаут, хоккей, старт, лидер, клуб, бюджет, гангстер, кекс, джемпер, пиджак, эскалация, дизайнер, интервью, лайнер, круиз, джинсы, пони, холл, фильм, джаз, компост и т. п.

Займствования из итальянского языка представляют собой самые различные по своей семантике слова; больше всего среди них терминов искусств (изобразительного и музыки): *тенор, опера, ария, бас, флейта, ложа, мандолина, дуэт, речитатив, кантата, балкон, купол, арка, мозаика, барокко* и др. Займствованными из итальянского языка являются также: *панталоны, сода, мумия, паяц, фуфайка* и пр. Как правило, слова из итальянского языка поступали в русский язык через французский.

Голландские слова, образующие небольшую группу, представляют в русской лексике термины морского дела: *матрос, рупор, иллюпка, мачта, вымпел, дюйм* и др. Ср. также: *апельсин, ситец*.

Остальные языки дали лишь разрозненные слова.

Займствуя то или иное слово, русский язык редко усваивал его в том виде, в каком оно бытовало в языке-источнике. Различия в звуковом строе, грамматике, семантико-словообразовательных свойствах, существующие между русским языком и тем, откуда приходило слово, вели к тому, что чужое слово изменялось, приспособлялось к фонетическим нормам, грамматическим правилам, словообразовательным моделям и семантическим законам русского языка.

В настоящее время из иностранных языков более всего в русский язык проникают англицизмы американского характера, например: *гангстер, босс, лайнер, лазер*.

В связи с активным формированием национально-русского двуязычия и связанным с этим взаимовлиянием русского языка и других языков народов СССР очень заметным стало пополнение русской лексики из различных языков нашей страны (ср. *хлебобоб, дивчина, рушник, хата-лаборатория* — из укр. яз.; *ткемали, сациви, кацо* — из груз. яз.; *чайхана, сель, басмач, аксакал, арык* — из тюрк. яз. и т. д.).

Сфера употребления заимствованных слов является различной и зависит как от степени их усвоенности, так и от их коммуникативной ценности. Многие иноязычные слова — в ряде случаев даже недавнего времени заимствования — употребляются не менее часто и свободно, нежели исконные, ничем от них в этом отношении не отличаясь, и поэтому как чужие рядовыми носителями языка уж нередко не осознаются (ср. *колготки, батник, аэробика, аджика, джем, мохер, матч, ракетка* и т. д.).

Однако большинство из иноязычных слов представляет собой лексические единицы ограниченного употребления и относится к различным терминологическим сферам.

Процесс заимствования иноязычных слов является закономерным результатом языковых контактов, и чужие слова в русском языке являются в нем такими же «своими», как и исконные, тем более что многие новые заимствования носят интернациональный характер (т. е. свойственны многим языкам мира).

Другое дело, что зачастую иноязычные слова с яркой иностранной

«окраской» употребляются чрезмерно, неправильно и без особой надобности. Это всегда вызывало законный протест передовых представителей русского общества. Об этом совершенно справедливо писал и В. И. Ленин в своей работе «Об очистке русского языка»¹.

§ 17. Лексические кальки. Среди бытующих в русском словарном составе лексических калек выделяются два вида: кальки словообразовательные и кальки семантические. С л о в о о б р а з о в а т е л ь н ы е к а л ь к и — это такие слова, которые возникли в результате перевода иноязычных слов по составляющим эти слова морфемам, на основе усвоения словообразовательной структуры чужих слов. Например, словообразовательной калькой с французского слова *subdivision* является слово *подразделение*; оно появилось путем замены приставки *sub-* приставкой *под-*, корня *-divis-* основой *-раздел-* и суффикса *-ion* суффиксом *-ни-е*. Калькирование в данном случае представляет собой заимствование словообразовательного строения.

Иноязычность словообразовательных калек заключается, следовательно, в том, что они возникают по словообразовательному образу и подобию соответствующих по значению иноязычных слов, но этим их иноязычность и ограничивается: корни, аффиксы, т. е. строительный материал, их составляющий, не заимствованный, а свой, для русского языка исконный.

С е м а н т и ч е с к и е к а л ь к и — это такие слова, в которых иноязычным по происхождению элементом является лексическое значение: само слово в своем звучании, материальном составе и словообразовательной структуре является исконным, одно же из присущих ему значений обязано иноязычному происхождению, т. е. значению какого-нибудь слова другого языка. Следовательно, в данном случае калькируется уже не словообразовательная структура чужого слова, а его значение. Калькирование семантики чужих слов ведет к появлению омонимов и новых значений у существующих уже слов.

Примерами семантических калек могут быть слова *трогать* в значении «вызывать сочувствие, приводить в умиление» и *плоский* в значении «пошлый, банальный». Обе эти кальки возникли в русском литературном языке в конце XVIII в. и обязаны своим появлением французским словам *toucher* и *plat*. Прямые, номинативные, значения французских слов *toucher* и *plat* и русских *трогать* и *плоский* совпадают: «прикасаться» и «ровный, без возвышений и углублений». Это единство прямого, номинативного, значения стало основой для заимствования русскими словами *трогать* и *плоский* других, переносных значений, которые имеются во французских словах *toucher* и *plat*. Под их влиянием русские слова, прежде всего при переводах, получают значения, им ранее неизвестные, которые реализуются в таких сочетаниях, как *ничто его не трогало*, *плоская шутка* и т. д.

Словообразовательные калки в современном русском языке (как и в любом другом) представляют обычно продукт книжного творчества: они появились как новообразования переводчиков. Лишь потом неко-

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 40.— С. 49.

торые из них стали достоянием устной литературной речи. Многие словообразовательные кальки впоследствии были вытеснены из состава лексики русского языка другими словами (в частности, прямыми заимствованиями): *звездозаконие* (современное *астрономия*; из греч. яз.), *любомудрие* (современное *философия*; из греч. яз.), *отценачалник* (современное *патриарх*; из греч. яз.), *посредность* (современное *нейтралитет*; из нем. яз.), *недействие* (современное *инертность*; из франц. яз.), *книгодержатель* (современное *бухгалтер*; из нем. яз.), *предзнание* (современное *прогноз*; из греч. яз.) и др.

Кроме полных калек, в лексике русского языка, как и в других, наблюдаются и так называемые полукальки. Полукальки — это слова, состоящие частью из своего собственного материала, а частью из материала иноязычного слова; по словообразовательной структуре они точно соответствуют аналогичным словам языка-источника. В качестве примера можно назвать такое слово, как *телевидение*. Оно получилось благодаря заимствованию первой (греческой по происхождению) основы *теле-* и калькированию второй (по происхождению латинской): корня *-vis-* через *-вид-* и суффикса *-ia* через *-ение* (ср.: болг. *телевизия*, чешск. *televise* и т. д.).

В полукальках с одним корнем заимствованная часть всегда основная, корневая, а переведенная — аффиксальная. Такое неполное калькирование очень близко к простому словообразовательному переформлению, к словообразовательной обработке слова по внутренним законам и словопроизводственным моделям заимствующего языка. Однако полностью все же с этим явлением частичное калькирование не совпадает. Поясним это на примере слова *гуманность*. Оно укрепилось в русском литературном языке в 40-х годах XIX в. благодаря В. Г. Белинскому как передача немецкого слова *Humanität*. Возникло оно путем заимствования корневой части этого слова (ср.: *human* «гуманный») в виде основы прилагательного *гуман-* и перевода немецкого суффикса *-ität* соответствующим русским суффиксом *-ость*. Заимствование в данном случае повело бы к тому, что у нас это слово укрепилось бы не в виде *гуманность*, а в виде *гуманитет* (ср. такие заимствованные слова соответствующей словообразовательной модели, как например, *нейтралитет*, *авторитет*, *приоритет*, *генералитет* и т. п.).

Если словообразовательные кальки имеют довольно разнообразные языковые источники, то кальки семантические в русском языке в заметном количестве отмечаются лишь с французских слов. Кроме указанных выше слов *плоский* («банальный») и *трогать* («вызывать сочувствие, приводить в умиление»), можно в качестве примеров назвать слова (тонкий, плохой) *вкус* (ср. франц. *goût*), *блистательный* (ср. франц. *brillant*), *упоение* (ср. франц. *enivrement*), *черта* (характера, поведения, лица) (ср. франц. *trait*), *влияние* (ср. франц. *influence*), *живой* (ум, мысль) (ср. франц. *vif*) и т. п.

Говоря о кальках в системе лексики современного русского языка, необходимо отметить, что сейчас все больше моделью для калькирования, а также и источником для прямого заимствования во многих языках становятся русские слова. Укажем на такие бытующие как

кальки и заимствования в ряде языков слова, как *пятилетка*, *колхоз*, *ударник*, *самокритика*, *большевик*, *совет*, *спутник*, *космонавт*, *комсомол* и т. д.

ЛЕКСИКА СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СФЕРЫ ЕЕ УПОТРЕБЛЕНИЯ

§ 18. Общепародная и социально или диалектно ограниченная лексика. Лексика современного русского языка с точки зрения сферы своего употребления распадается на две большие группы. Одну образуют общепародные слова — общеизвестные и употребляемые всеми говорящими на русском языке, другую — слова, ограниченные в своем бытовании определенным говорящим коллективом, определенной диалектной или социальной средой.

Общепародная лексика представляет собой то лексическое ядро, без которого немислим язык, невозможно общение, ее составляют слова, являющиеся выражением наиболее необходимых, жизненно важных понятий.

Общепародная лексика — костяк общепародного литературного словаря, необходимейший лексический материал для выражения мысли на русском языке, тот фонд, на базе которого в первую очередь происходит дальнейшее совершенствование и обогащение лексики. Подавляющее большинство входящих в нее слов устойчиво в своем употреблении и употребительно во всех стилях речи.

Слова ограниченного употребления (не являющиеся общепародным достоянием) характеризуют лишь какой-либо определенный говорящий коллектив, который предстает как территориально или социально определенная группа людей. Это диалектизмы, профессионализмы и арготизмы (или жаргонизмы).

Дифференцируя общепародный и социально или территориально ограниченные пласты словаря, следует учитывать те изменения, которые постоянно в них происходят. Некоторые групп слов, бывшие ранее диалектизмами, профессионализмами или арготизмами, являются в настоящее время уже общепародными словами. Это можно сказать о словах *чепуха*, *вобла*, *учесть*, *скостить*, *навверное*, *ерунда*, из которых первые два первоначально были диалектизмами, вторая пара вначале характеризовала лишь речь счетных работников, а два последних пришли в общепародный словарь из арго: картежного (*навверное* из *идти на верную*) и бурсацкого (*ерунда* от лат. *герундий*).

И напротив, отдельные общепародные слова могут, выходя из общего употребления или приобретая особое значение, становиться словами ограниченного употребления. К таким, например, словам можно отнести диалектизмы *зобать* (есть), *брезг* (рассвет), профессионализмы *шапка* (в значении «заголовок, служащий общим заглавием нескольких статей»), *щека* (в значении «боковая, обычно плоская часть чего-либо»: *щека револьвера*), арготизмы *подбросить* (в значении «подвезти»), *кол* (для обозначения неудовлетворительной оценки), *баранка* (в значении «руль»).

Подвижность границ между лексикой общенародной и лексикой с ограниченной сферой использования свидетельствует о непрерывном развитии и изменении русского словаря.

§ 19. Диалектизмы. Под диалектной лексикой подразумеваются такие слова, которые не входят в общенародную лексическую систему, а принадлежат одному или нескольким диалектам русского общенационального языка. Диалектная лексика является лексикой внелитературной, лексикой устной разговорно-бытовой речи какой-либо части русского народа, объединенной территориальной общностью.

Диалектизмы, будучи употребленными в художественной литературе, осознаются как чуждые литературному языку и употребляются обычно в стилистических художественно-выразительных целях.

Слова диалектного характера принято называть диалектами, употребляются и другие термины: «провинциализмы», «областные слова» и т. д. Лучше всего пользоваться наиболее распространенным термином — «диалектизмы», но с уточнением — «лексические». Такое уточнение необходимо в силу того, что диалектизмы могут быть и иного характера, именно фонетические (*Аринка, глянть-ка, на бою кю сидит.* — Л. Толстой) и грамматические (*Спину погреешь, а брюха замерзла. Вот чуда.* — Л. Толстой).

Многие из лексических диалектизмов отражают далекое прошлое нашего языка и являются по происхождению общенародными словами, сохранившимися лишь в отдельных территориальных ответвлениях русского национального языка. Например: *веред* (нарыв, болячка), *беремя* (охапка), *солодкий, долонь* (гладкое место для тока; ср.: *ладонь*), *борошно* (ржаная мука), *живот* (пожитки), *зобать* (есть; производное *забота*), *пахать* (в значении «махать», ср.: *опахало*), *жуда* (ужас, страх; производное *жуткий*), *скаря* (скряга, ср. того же корня *скарעד*), *жерело* (горло, пасть) и т. д.

Все лексические диалектизмы, как уже отмечалось, находятся за пределами общенациональной литературной речи. Однако это не означает, что между двумя лексическими системами — общенародной и диалектной — не было и нет никаких точек соприкосновения. Многие из того, что ранее было диалектным, расширило сферу своего употребления, стало известным всему русскому народу, вошло в общенациональный литературный язык; многое из того, что до сих пор остается достоянием народных говоров, используется нередко в изобразительных целях в художественной литературе.

К словам, пришедшим в литературный язык из диалектов, относятся, например, *аляповатый, притулиться, чепуха, филин, пахать, хилый, нудный, улыбаться, очень, бирюк, прикорнуть, барак, неуклюжий, мямлить, шумиха, подоплека* и т. п.

Процесс обогащения общенародного литературного словаря за счет отдельных групп диалектных слов особенно интенсивным был в период складывания общенационального русского языка, в значительной степени он проявлялся позднее и проявляется в настоящее время

В связи с нормативностью литературного языка, в связи с необхо-

димостью сохранять его чистоту и правильность особую важность приобретает вопрос, в какой степени и в каких стилях правомерно использование диалектных слов в системе современной литературной лексики. Ясно, что укрепление диалектных слов в общенародной лексике возможно в настоящее время лишь в двух случаях: 1) если в обиход всего народа входит предмет, который был известен вначале в одной какой-либо области; 2) если лексический диалектизм является хорошим экспрессивно-выразительным синонимом общелитературного слова.

Употребление лексических диалектизмов в художественной и публицистической литературе возможно и вне этих условий, в качестве стилистических средств, характерологических фактов, позволяющих давать речевую характеристику героя, стилизовать речь и т. д. Использование лексических диалектизмов вне определенных художественно-выразительных задач, а также во всех остальных стилях литературного языка является нарушением норм современной русской литературной речи.

Естественно, что в силу индивидуальной манеры письма, различных языковых вкусов, а также в зависимости от жанра литературы приемы и принципы использования диалектных слов могут варьироваться. Так, Пушкин, Лермонтов, Чехов, Горький чрезвычайно скупы и осторожно вводили в свои произведения диалектную лексику. Напротив очень свободно привлекали ее с определенными стилистическими целями Григорович, Казак Луганский (В. Даль), Тургенев, Л. Толстой, из советских писателей — Шолохов и Гладков.

Можно наблюдать разные приемы ввода диалектной лексики в литературный контекст. Так, если у Л. Толстого вновь привлекаемая лексика диалектного характера является полноправной в авторском словаре, то у Тургенева она выступает в виде чуждых общему словесному контексту «вкраплений». Если Л. Толстой не делает в тексте никаких замечаний или разъяснений относительно характера и области употребления использованных внелитературных слов, то Тургенев, как правило, их объясняет или оговорками, или графическими средствами (кавычками, курсивом и пр.) и подчеркивает их свежесть и сторонность общелитературному контексту.

Ср. у Л. Толстого: *Уж были з а з и м к и. Но в это время в свет костра вступила уже тонкая красивая фигура молодого солдата, несшего б е р е м я дров; Было морозно и колко, но с вечера стало з а м о л а ж и в а т ь; Насупротив от Николая были з е л е н я и т. д.* (слова выделены нами.— Н. Ш.).— и у Тургенева: *После пожара этот заброшенный человек приютился, или, как говорят орловцы, «притулился» у садовника Митрофана; В Орловской губернии последние леса и п л о щ а д я исчезнут лет через пять* (в авторской сноске указывается: *Площадями называются в Орловской губернии большие сплошные массы кустов*); *Мы поехали в лес, или, как у нас говорится, в «заказ» и т. д.*

В отличие от Л. Толстого Тургенев объясняет иногда даже слова, вкладываемые им в уста героев, например, в рассказе «Льгов» в авторской речи объясняется употребленное Сучком слово *колдобина* («глубокое место, яма в пруду или в реке»), в рассказе «Бирюк» —

употребленное Фомой слово *бирюк* («Бирюком называется в Орловской губернии человек одинокий и угрюмый») и т. д.

Большинство советских писателей в употреблении диалектной лексики следует Л. Толстому. Так, у Шолохова находим: *Над з а й м и щ е м по черному недоступному небу шел ущербный месяц; Возле костра собрали в е ч е р я т ь на раскинутом р я д н и щ е; Они несут с по-крытого голызинами бугра белое крош е во снега; По ба з а м мычали не наевшиеся молодой з е л е н к и коровы* и т. д.

§ 20. Профессионализмы. П р о ф е с с и о н а л и з м ы — это слова, являющиеся принадлежностью речи определенного говорящего коллектива, объединенного какой-либо производственной деятельностью, специальностью или профессией (медицинских работников, полиграфистов, юристов, моряков и т. д.). Профессионализмы обозначают специальные понятия, орудия или продукты труда, трудовые процессы производства. Поэтому их называют иногда специальными словами или специальными терминами.

Вот несколько примеров: *скальпель* — небольшой хирургический нож, обычно с дугообразным лезвием, для операций, анатомирования (лат.); *шпон* (нем. *Sporn* «щепка») — тонкая металлическая пластинка, не достигающая высоты шрифта, вставляемая между строками набора для увеличения расстояния между ними; *шканцы* — часть верхней налубы военного корабля (голланд.); *алиби* (лат. *alibi* «в другом месте») — отсутствие обвиняемого на месте преступления в момент его совершения как доказательство его непричастности к преступлению; *мездра* — изнанка выделанной кожи и т. д.

Как и диалектизмы, профессионализмы составляют такой пласт слов в лексике общенационального языка, сфера употребления которых ограничена. Однако они серьезно отличаются от диалектизмов: 1) сфера их употребления ограничена не территориально, а социально, 2) они входят в состав лексики литературного языка.

Среди профессионализмов наблюдаются и узкоспециальные слова, например, *глинка* — высший сорт глины (каолин), употребляемый в ситцепечатании (технический термин), и слова более широкого употребления, например *кортик* — нож, холодное оружие в виде кинжала у командного состава морского и воздушного флота.

В ряде случаев сфера употребления тех или иных профессионализмов расширяется настолько, что они превращаются в общенародные слова. Это объясняется или широким распространением специального предмета и понятия, или метафорическим употреблением их для обозначения ранее не называемых ими предметов и явлений действительности. Например, слова *комбайн*, *глобус*, *экран* стали достоянием общенародного словаря после того, как в нашем сельском хозяйстве прочно вошла в жизнь уборка при помощи комбайна, глобус стал необходимой принадлежностью при обучении географии, а кино стало одним из наиболее популярных видов искусства. В силу метафорического употребления стали из профессионализмов общенародными, например, слова: *аврал* (ср.: «Был объявлен аврал») — первоначально морская команда «Все наверх!»; *брожение* (ср.: *брожение умов*) — первоначально биологический термин; *сфера* (*в высших сферах*) — первоначально

математический термин; *мякотель* — первоначально специальное слово садоводов, термин для определения спелости плодов; *темп* (ср.: *темпы роста*) — первоначально музыкальный термин.

Среди профессионализмов выделяются как слова, которые в качестве лексических единиц известны только в специальном употреблении, например: *тротес* (из словаря плотников) — длинный гвоздь, соединяющий сразу три тесины; *эстамп* — оттиск или снимок с гравюры (из франц. яз., ср.: *штамп*); *выплавок* — кусок металла; *асблэт* — волокнистый белый материал, из которого вырабатываются негорючие изделия (это слово вначале пришло к нам из греческого языка в виде слова *известь*), и т. п., так и слова, которые с другими значениями входят в состав общенародной лексики: *мостик* — место на палубе, откуда командир командует кораблем; *шапка* — заглавие крупным шрифтом, заголовок нескольких статей (типогр.) и т. д.

Профессионализмы употребляются обычно в устной речи представителей какой-либо профессии, специальности и в научно-технической литературе.

Возможны профессионализмы и в публицистике и художественной литературе, однако там они могут быть оправданы лишь как определенное стилистическое средство для изображения трудовой деятельности и производственного пейзажа, для речевой характеристики персонажей. Употребляя те или иные профессионализмы, следует помнить о том, что некоторые из них незнакомы представителям других областей трудовой деятельности, и в необходимых случаях так или иначе объяснять их значения.

§ 21. Арготизмы. Арготизмы (или жаргонизмы) — социально ограниченные в своем употреблении слова, которые являются эмоционально-экспрессивным выражением того, что стилистически нейтрально обозначается общенародными словами.

Арготизмы отличаются от профессионализмов следующими чертами: 1) они всегда представляют собой слова, являющиеся не основными, а параллельными обозначениями какого-либо явления действительности, т. е. рядом с ними всегда существуют синонимы общенародного употребления; 2) всем без исключения арготизмам (в отличие от профессионализмов, являющихся нейтральными словами) присуща яркая экспрессивно-стилистическая окраска; 3) в силу яркой экспрессивно-стилистической окраски арготизмы имеют обычно более широкое распространение и легко переходят из того или иного арго в просторечие, т. е. в общенародную разговорно-бытовую речь, не связанную строгими литературными нормами.

Основной группой арготизмов являются общенародные слова с особым, специфическим значением: *хвост* (в значении «несданный экзамен»), *срезаться* (в значении «не выдержать экзамена»), *пятерка* (в значении «отлично»), *задрать* (в значении «простаивать»), *липа* (в значении «подделка»), *баранка* (в значении «руль»), *смотаться* (в значении «сходить»), *выбить* (в значении «добиться»), *галочка* (отметка о выполнении), *голосовать* (просить подвести), *прошвырнуться* (в значении «пройтись»), *вызубрить* (в значении «выучить»), *загнуть* (в значении «продать»), *спеться* (в значении «сговориться»), *лапша* (джем-

пер особой вязки), *накрутить* (наездить), *стрекоза* (о вертолете), *усечь* (в значении «понять»); *Дырка!* (в значении «плохой вратарь»); *Сапожники!* (в значении «никуда не годные работники») и т. д.

Иногда арготизмами называются только слова воровского арга: *академия* (в значении «тюрьма»), *шкет*, *жулик*, *балерина* (в значении «отмычка»), *фрайер* (в значении «мелкий, неопытный вор») и др.; однако такое «суженное» употребление термина «арготизмы» является неверным. В настоящее время, как и раньше (арго семинаристов, корбейников, прасолов, шерстобитов, портных и т. д. в XIX в.), имеется не только арга преступного мира, но и другие, в частности школьное, студенческое и различные профессиональные арга. В них, и прежде всего в арга школьников и студентов, происходят сейчас такие семантические и стилистические изменения и сдвиги, которые оказывают серьезное влияние на развитие состава и структуры живой разговорной речи.

Поскольку по экспрессивно-стилистическим свойствам арготизмы аналогичны вульгаризмам, с их употреблением следует бороться, так же как и с употреблением вульгаризмов (см. § 24).

ЛЕКСИКА СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЭКСПРЕССИВНО-СТИЛИСТИЧЕСКОЙ

§ 22. Стилистическое расслоение лексики и различие слов по экспрессивной окраске. Если лингвистически анализировать такие, например, синонимические ряды, как *лгать*, *врать*, *заливать*, *сочинять* и *желать*, *хотеть*, *жаждать*, *алкать*, то можно заметить, что составляющие их слова разнородны в ряде случаев по своему стилистическому употреблению и экспрессивной окраске. Слово *лгать* является общеупотребительным и нейтральным, слова *врать* и *сочинять* — словами разговорно-литературной лексики с оттенком фамильярности, слово *заливать* — просторечным и шутивным. Слова *желать* и *хотеть* являются словами межстилевого характера, слова *жаждать* и *алкать* — книжными и устарелыми.

Стилистическое расслоение лексики и различие слов по экспрессивной окраске тесно связаны с тем, что язык представляет собой совокупность нескольких стилей, различных по тем языковым средствам и приемам (в первую очередь лексическим), которые берутся для выражения определенного содержания из общенародного языка.

Так, задачи, связанные с использованием языка как средства воздействия при ораторском обличении литературного модернизма начала XX в., потребовали от Бунина максимального использования книжной — в первую очередь абстрактной — лексики.

В 1913 г. в речи на юбилее газеты «Русские ведомости» Бунин сказал с горечью страстного, негодующего обвинителя: «Исчезли драгоценнейшие черты русской литературы — глубина, серьезность, простота, непосредственность, благородство, прямота, и морем разлились вульгар-

ность, надуманность, лукавство, хвастовство, дурной тон, напыщенный и неизменно фальшивый. Испорчен русский язык (в тесном содружестве писателя и газеты), утеряно чутье к ритму и органическим особенностям русской прозаической речи, опошлен или доведен до пошлейшей легкости — называемой «виртуозностью» стих, опошлено все, вплоть до самого солнца, которое неизменно пишется теперь с большой буквы... Мы пережили и декаданс, и символизм, и неонатурализм, и порнографию, называвшуюся разрешением «проблемы пола», и богоборчество, и мифотворчество, и какой-то мистический анархизм, и Диониса, и Аполлона, и «полеты в вечность», и садизм, и снобизм, и «приятие мира», и «неприятие мира», и лубочные подделки под русский стиль, и адамизм, и акмеизм — и дошли до самого плоского хулиганства, называемого нелепым словом «футуризм». Это ли не Вальпургиева ночь?»

Напротив, художественное воссоздание А. П. Чеховым непритязательной разговорно-бытовой речи Ваньки Жукова заставило писателя представить лексику просторечную: ...А вчерась мне была выволочка. Хозяин выволоч меня за волосы на двор и отчесал шпандырем за то, что я качал ихнего ребятенка в люльке и по нечаянности заснул. А на неделе хозяйка велела мне почистить селедку, а я начал с хвоста, а она взяла селедку и ейной мордой начала меня в харю тыкать. Подмастерья надо мной насмеваются, посылают в кабак за водкой и велят красть у хозяев огурцы, а хозяин бьет чем попадя. А еды нету никакой. Утром дают хлеба, в обед каши и к вечеру тоже хлеба, а чтоб чаю или шей, — то хозяева сами трескают. А спать мне велят в сенях, а когда ребяенок ихний плачет, я вовсе не сплю, а качаю люльку».

Как видим, применение средств языка обусловливается той областью и ситуацией, в которой развертывается языковое общение. Цели, которые ставит перед собой говорящий или пишущий, заставляют его отбирать из общенародного языка лексику, которая была бы наиболее действенной, наиболее выразительной, наиболее, наконец, пригодной для поставленной задачи. Именно поэтому каждый из стилей языка характеризуется определенной системой лексических средств. Правда, лексические границы стилей не являются неподвижными; слова разговорно-бытовой лексики могут войти в официально-деловой стиль, в публицистический стиль могут проникать элементы художественной речи и т. д.; особенно многослойным в лексическом отношении является стиль художественной литературы. Но тем не менее лексическое своеобразие разных стилей языка вырисовывается совершенно ясно. Если мы возьмем, например, такие слова, как *щитовидный*, **кровообращение*, *щитовидка*, *валандаться*, *удружить*, *синьора*, *пенс*, *нега*, *грезы* и т. д., то все они окажутся закрепленными за различными стилями языка и в процессе общения вместе или рядом (вне определенных условий) употребляться не будут. Одни из них являются принадлежностью научного стиля (*щитовидный*, *кровообращение*), другие — просторечия (*щитовидка*, *валандаться*, *удружить*), третьи входят в так называемую экзотическую лексику (*синьора*, *пенс*), четвертые — в поэтическую (*нега*, *грезы*) и т. д.

В слове иногда наблюдается не только указание на какое-либо

явление действительности, но и выражается отношение говорящего к этому явлению. Сопровождение названия определенным оценочным моментом и создает у слова ту или иную эмоционально-экспрессивную окраску (презрение, неодобрение, шутку, иронию, ласку, фамильярность и т. д.). Например, рядом с нейтральным словом *поэт* существуют неодобрительные *стихоплет* и *рифмоплет*, рядом с нейтральными словами *сын* и *дочь* — ласкательные *сыночек*, *дочурка*.

Классификация лексики со стилистической стороны обычно осложняется классификацией ее с точки зрения экспрессивной. Это естественно, ибо каждый стиль имеет свои, ему лишь присущие выразительные особенности. В подавляющем большинстве случаев эмоциональная характеристика слова и экспрессивные особенности определяют его стилистическое употребление. Таким, например, словам, как *простофиля*, *дошлый*, *форсить*, в научном исследовании, учебнике и т. д. не будет места именно потому, что эти слова обладают экспрессивной насыщенностью.

§ 23. Межстилевая лексика. С точки зрения экспрессивно-стилистической в лексике современного русского языка прежде всего выделяется такой пласт слов, который является м е ж с т и л е в ы м, имеющим применение во всех стилях языка, и представляет собой разряд слов, экспрессивно не окрашенных, эмоционально нейтральных. Это названия жизненно важных явлений действительности, предметов, качеств, действий без какой-либо их оценки. Учитывая экспрессивную нейтральность такой лексики, ее называют н е й т р а л ь н о й.

Межстилевая лексика является основой для словаря как устной, так и письменной речи; без нее немислимо ни устное, ни письменное общение. Входящим в нее словам присущи простота и общепонятность, естественность и четкость. Именно при помощи этих слов, самых обычных и привычных, создаются, как правило, наиболее проникновенные и душевные образы. Это качество межстилевой лексики отметил еще А. Чехов: «Красочность и выразительность в описаниях природы достигается только простотой, такими простыми фразами, как «зашло солнце», «стало темно», «пошел дождь» и т. д.»

Слова, стилистически ограниченные, делятся на две группы (в зависимости от того, в письменной или устной речи преимущественно они употребляются). Это разговорно-бытовая и книжная лексика.

§ 24. Разговорно-бытовая лексика. Р а з г о в о р н о - б ы т о в а я л е к с и к а употребляется в непринужденной беседе. Использование ее в письменной речи ограничено стилями художественной литературы и публицистики, где к ней прибегают с определенными художественно-выразительными целями. В других стилях (научном, деловом) она наблюдается очень редко. Употребление разговорно-бытовой лексики в книжной речи придает контексту разговорный оттенок, и разговорно-бытовые слова ощущаются в нем как элементы если ему чуждые вовсе, то по крайней мере сторонние.

Разговорно-бытовая лексика делится на два разряда: 1) общенародную разговорно-бытовую лексику и 2) разговорно-бытовую лексику, социально или диалектно ограниченную (см. § 19, 20, 21).

О б щ е н а р о д н а я р а з г о в о р н о - б ы т о в а я л е к -

с и к а включает в свой состав две группы слов: 1) разговорно-литературную лексику, объединяющую слова разговорно-бытового характера, не нарушающие норм литературного употребления (*франтить, грохнуть, окошко, вещица, грязьща, молодчина, молокосос, злющий* и т. д.); 2) просторечную лексику, характерную для простой, непринужденной речи, не связанной строгими нормами. Слова, входящие в нее, частью стоят на грани литературного употребления, частью представляют собой нелитературные слова (*лоботряс, хавронья, ухмылка, танцулька, околпачить, форсить, кажись, шшь, цыц* и т. д.).

От межстилевой лексики, одинаково характерной для устной и письменной речи, разговорно-литературная и просторечная лексика отличается экспрессивно-стилистической окраской (фамильярности, иронии, бранности, шутки, ласки, презрения и т. д.). Слова разговорно-бытовой лексики, называя что-либо, дают также и определенную оценку называемого. Эти специфические отличия общенародной разговорно-бытовой лексики от межстилевой выявляются, например, при сравнении общеупотребительных и экспрессивно-нейтральных слов *неправда, бесплатно, очень* с их разговорно-литературными и просторечными синонимами: *ахинея, вранье, чепуха, ерунда, чушь, дичь* (разг.-лит.) *брехня* (прост.); *даром* (разг.-лит.), *задарма* (прост.); *ужас, страх* (разг.-лит.), *страсть* (прост.) и т. д.

В просторечной лексике особо выделяются в у л ь г а р и з м ы, которые относятся к ее внелитературному слою. Вульгаризмы являются такими просторечными словами, которые несут на себе резкую экспрессию грубости. Они всегда выступают в речи в качестве параллельных обозначений понятий, выраженных литературными словами не только точнее и сдержанней, но и несравненно доходчивей и выразительней. Своей грубостью вульгаризмы засоряют язык, поэтому с их употреблением в устном общении и художественной литературе следует бороться особенно активно. В качестве вульгаризмов можно указать слова: *трепаться* (говорить), *долдонить* (говорить), *балда, поперся, околеть* (по отношению к людям), *загибать* (в значении «врать») и т. д.

Среди слов, входящих в общенародную разговорно-бытовую лексику (разговорно-литературную и просторечную), наблюдаются слова различного характера:

1. Встречаются специфические разговорно-бытовые слова, которых нет в межстилевой лексике, например: *наяривать, лулицевать, огорошить* (прост.), *волю, газировка, затеять* (разг.-лит.) и т. д.

2. Встречаются общеупотребительные слова с особыми, разговорно-литературными и просторечными значениями (обычно метафорического происхождения), например: *накатать* (в значении «написать»), *плести* (в значении «говорить вздор»), *винегрет* (в значении «мешанина»), *шляпа* (в значении «растяпа»), *тюлень* (в значении «неповоротливый человек») и т. д.

3. Встречаются слова, имеющие в межстилевой лексике соотносительные им слова того же корня, но иного словообразовательного строения, например: *читалка* (ср. *читальня*), *немедля* (ср. *немедленно*), *торгаш* (ср. *торговец*), *сгодится* (ср. *годится*), *картошка* (ср. *карто-*

фель), *помереть* (ср. *умереть*), *большущий* (ср. *большой*), *неважнецкий* (ср. *неважный*), *силком* (ср. *насильно*) и т. д.

4. В просторечной лексике также встречаются общеупотребительные слова, отличающиеся лишь своей фонетикой и акцентологией, например: *инструмент*, *ундер*, *сурьезный*, *портфель*, *магазин*, *свекла* т. д.

§ 25. Книжная лексика. В разряд книжной лексики входят такие стилистически ограниченные и закрепленные в своем употреблении слова, которые встречаются преимущественно в письменной речи. Тем самым книжная лексика в противоположность разговорно-бытовой выступает как система слов, основной сферой использования которых является строго нормированная литературная речь, стили публицистических и научных произведений, официальных бумаг и деловых документов, а также язык художественной литературы. Употребляясь в устной речи, книжные слова не утрачивают все же стилистической окраски книжности.

Среди книжных слов выделяются, с одной стороны, слова, служащие единственным названием соответствующих явлений (*бессмертие*, *символизм*, *электрон*, *протоплазма*, *единорог* и др.), и, с другой стороны, слова, в разговорно-бытовой и общеупотребительной лексике имеющие синонимы, правда, с иными экспрессивно-стилистическими свойствами (*восторжествовать* — *победить*, *грядущий* — *будущий*, *приверженец* — *сторонник*, *чаяния* — *надежды* и т. д.).

В разряд книжных слов входят в первую очередь все научные, общественно-политические и технические термины. Сюда же, естественно, относится большинство абстрактной лексики, представляющей собой выражение различных отвлеченных понятий. Правда, целый ряд абстрактных слов (*засолка*, *безалаберщина*, *толкотня*, *давка*, *хитринка* и т. п.) являются принадлежностью разговорно-бытовой лексики, немало их в составе межстилевой лексики, однако основная масса, несомненно, относится в качестве одного из наиболее характерных компонентов к книжной лексике.

Подавляющая масса абстрактных слов книжного характера представляет собой производные слова, образованные при помощи того или иного морфологического способа (чаще всего при помощи суффиксов *-ние (-ение)*, *-ость*, *-изм*, *-ация*, *-енный*, *-ствовать* и сложения основ: *стремление*, *поверхность*, *солипсизм*, *профанация*, *властвовать*, *мировоззрение* и т. п.). Но встречаются среди них и слова непроизводные, например: *воля* (к победе; «рукам воли не давай» — разг.), *жажда* (счастья; «его мучила жажда» — межстил.) и т. д.

В книжную лексику включаются также слова деловых бумаг и официальных документов. Такой разряд слов называется официально-деловой лексикой. В качестве примеров можно привести слова *иск*, *надлежит*, *ответчик*, *вышеизложенный*, *препроводить*, *уведомление*, *посему*, *оный*, *нижеследующий* и др.

Целиком к книжной лексике относятся устаревшие слова и номинативно-стилистические неологизмы (см. § 28).

В книжную лексику входят также экзотизмы, примыкающие к ним варваризмы и поэтическая лексика.

Экзотизмы представляют собой иноязычную по происхождению лексику, характеризующую быт и специфические национальные черты того или иного народа. Экзотическая лексика используется в научных и публицистических произведениях и художественной литературе (в последней не только для описания не свойственных нам вещей и явлений, но также и для передачи местного колорита и особенностей речи персонажей). Так, Лермонтов, описывая жизнь горцев, использует слова: *аул, бешмет, сакля, башлык, Зара, Селим* и т. д. Естественно, что особенно много экзотизмов наблюдается в переводах иноязычных художественных произведений.

Все слова, принадлежащие к экзотической лексике, представляют собой иноязычные слова, в определенной степени уже освоенные русским языком: они выступают всегда как слова определенного лексико-грамматического класса, содержат в своем составе лишь отдельные иноязычные черты (например, *сольдо, сэр* и т. д.), изображаются средствами русского алфавита.

Под варваризмами следует понимать такие иноязычные слова, которые сохраняют все присущие им в языке-источнике свойства. Очень часто они передаются не русскими буквами, а с помощью того алфавита, который свойствен языку-источнику.

В художественной литературе и публицистике варваризмы используются, как правило, с теми же стилистическими целями, что и слова, относящиеся к экзотической лексике. Иногда они также употребляются как средство комического, для создания иронии, пародии, комизма и т. д. (ср., например, употребление Пушкиным в «Евгении Онегине» слов *vulgar, dandy, roast-beef*, впоследствии освоенных в виде слов *вульгарный, денди, ростбиф*).

Особым разрядом книжной лексики, чаще всего употребляющимся в стихотворных произведениях, но встречающимся и в художественной прозе, является так называемая поэтическая лексика. Она выделяется особым стилистическим характером взволнованности и лиричности. Входящие в нее слова или создают патетический тон повествования, или придают ему мягкость и задушевность.

Отбор такого рода слов в русской поэзии происходит в конце XVIII — начале XIX в. как отбор поэтических средств выразительного и красивого. Поэтическая лексика была составлена из старославянизмов, книжных слов, образованных по их подобию, некоторых иноязычных слов и отдельных слов из народной поэзии, например: *ланины, перси, уста, жеребий, уповать, секира, предаваться, забвенный, година, безбрежный, обаяние, волшебный, пламенный, сладостный, увы, грусть, нега, прелестный, эфир, роза, арфа, кумир, нектар, аромат, муза, зефир, лилия, идеал, родимый, голубить, бесталаный, краше, ненаглядная, дуброва, пригожий, кручина* и т. д. Все эти разнообразные по происхождению слова в составе поэтической лексики получили одинаковые стилистические свойства.

Многие слова поэтической лексики в настоящее время осознаются уже как архаизмы. Лирический или патетический тон стихотворения создается советскими поэтами, как правило, с помощью других лексических средств: стилистический характер поэтичности в целом ряде

случаев у них приобретают слова, ранее ничего взволнованного и лиричного не содержавшие.

Однако и сейчас поэтическая лексика некоторыми советскими поэтами привлекается довольно широко и свободно. Ее состав и характер употребления определяются литературно-художественной школой и отражают стилистические вкусы автора, следование определенным традициям русского классического стиха. Так, у Твардовского пушкинские стихотворные интонации и словоупотребление можно видеть в использовании слов *зов*, *обретать*, *ведать*, *грядущий*, *краса* и т. п.:

Она моя — твоя победа,
Она моя — твоя печаль.
Твой слышу *зов*: со мною следуй,
И *обретай* в пути, и *ведай*
За далью — даль.

За далью — даль!
Своим — своя, чужим — чужая.
Я службу гордую несу,
Грядущей славой мир венчая,
Его величье и *красу*.

См. у Пушкина: «*Грядущие* годы таятся во мгле»; «Я *ведаю*, что рано или поздно Ему Москву уступит сын Борисов»; «Юный град, полнощных стран *краса* и диво» и т. д.

ЛЕКСИКА СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЕЕ АКТИВНОГО И ПАССИВНОГО ЗАПАСА

§ 26. Активный и пассивный запас. Лексика языка почти непрерывно впитывает в себя вновь возникающие слова, вызванные к жизни изменениями в общественном строе, развитии производства, культуры, науки и т. д. Накопление в словаре все большего количества слов, пополнение его стилистических ресурсов наряду с совершенствованием грамматического строя отражает общее поступательное движение языка.

Одновременно в лексике происходит и обратный процесс — исчезновение из ее состава устаревших слов. Освобождение словаря от лишних слов (а «выпадают» из него только такие) столь же закономерно и необходимо, как и обогащение его новыми словами: оно позволяет говорящим освободиться от ненужных лексических дублетов, устранять из своего активного запаса устаревшее и тем самым содействует более эффективному выполнению языком его основной функции — быть средством человеческого общения. Эти процессы появления новых слов и исчезновения устаревших сопровождаются процессами семантического порядка: возникновением у слов новых значений утратой старых.

Так как закрепление в языке новых слов и значений и особенно уход из языка устаревшего — процесс постепенный и длительный, то в словарном составе языка в целом всегда существуют одновременно два пласта слов: активный словарный запас (он иначе иногда называется актуальной или современной лексикой), с одной стороны, и пассивный словарный запас — с другой.

К активному словарному запасу языка относится вся привычная и повседневно употребительная в той или иной сфере языкового общения лексика, не имеющая ни оттенка устарелости, ни оттенка новизны. Активный запас включает в себя как слова общенародного употребления, так и слова, в своем использовании ограниченные (термины, профессионализмы, книжные слова, эмоциональная лексика и т. д.), поэтому его нельзя отождествлять с активным запасом слов того или иного носителя языка. Сложная терминология физиков, например, будет во многом неизвестна лингвистам, медикам, садоводам; существующая сейчас в языке эмоциональная лексика нетерпима в сфере официальных отношений, в научных трудах и т. д., но от этого ни терминология физиков, ни эмоциональная лексика не перестают быть фактами современной лексики.

К п а с с и в н о м у словарному запасу языка (не следует путать с пассивным запасом слов того или иного носителя языка, зависящим от его профессии, образования, повседневной работы и т. д.) относится все то, что редко употребляется, что не стало еще или перестало уже быть необходимым, привычным и обязательным в той или иной сфере общения. Иначе говоря, в пассивный словарный запас языка в целом входят: 1) слова, которые уходят из языка (устаревшие слова), и 2) слова, которые окончательно не вошли еще в общелитературное употребление или только что в нем появились (неологизмы).

§ 27. Устаревшие слова. Утрата слова или того или иного его значения — результат длительного процесса архаизации соответствующего языкового факта, когда он из явления активного словарного запаса первоначально делается достоянием пассивного словаря и лишь потом постепенно забывается и совершенно исчезает из языка.

Этот процесс не всегда протекает прямолинейно: в ряде случаев устаревшие слова впоследствии вновь возвращаются в активный запас лексики. Естественно, что при этом происходит, как правило, и резкое изменение их значений (ср., например, значения таких слов, как *указ*, *солдат*, *министерство* и др.).

Устаревшие слова, в совокупности образующие устаревшую лексику русского языка, представляют сложную и многослойную систему. Они неоднородны с точки зрения: 1) степени их устарелости, 2) причин их архаизации и 3) возможности и характера их использования.

По степени устарелости выделяется в первую очередь группа слов, которые являются в настоящее время совершенно неизвестными рядовым носителям современного русского литературного языка и поэтому непонятны без соответствующих справок. Сюда относятся:

а) слова, исчезнувшие из языка, не встречающиеся в настоящее время даже в составе производных слов (*локы* — лужа, *котора* — ссора, *просинец* — февраль, *стрый* — дядя по отцу, *нетий* — племянник по сестре, *рака* — могила, гробница и т. д.);

б) слова, не употребляющиеся в языке как отдельные слова, но встречающиеся в качестве корневых частей производных слов: *вервь* — веревка, *руг* — насмешка (*ругать*), *вреть* — кипеть (*варить*, *овраг*), *говядо* — скот (*говядина*, *говяжий*), *усние* — кожа (*заусенец*), *мжура* —

тьма, мгла (*жмуришь*), *худог* — искусный (*художник*), *скора* — шкура (*скорняк*), *коварь* — кузнец (*коварство*) и т. п.;

в) слова, исчезнувшие из языка как отдельные значимые единицы, но употребляющиеся еще в составе фразеологических оборотов: *сокол* — старое стенбитное орудие, большой таран (*гол как сокол*); *зга* — дорога (ср. *ни зги не видно*); *кол* — небольшой участок земли (*ни кола, ни двора*) и др.

Все эти слова совершенно выпали из лексики языка и в настоящее время прочно забыты. Они никакого отношения к лексической системе современного русского литературного языка не имеют и не входят даже в его пассивный словарный запас, являются фактами предшествующих, отдаленных эпох развития русского языка. В отличие от устаревших слов их лучше всего назвать старинными.

Возникает вопрос, есть ли смысл рассматривать такого рода факты при анализе лексики современного русского литературного языка, в которой они реально не существуют. Оказывается, есть: старинные слова (или устаревшие слова второй степени) изредка все же в нужных случаях употребляются и сейчас, обычно с необходимыми разъяснениями. Именно это не позволяет исключать их из рассмотрения при анализе современной лексики, несмотря на то что к последней они не имеют никакого отношения.

Старинным словам (конкретные случаи употребления их см. ниже) противостоит по степени устарелости группа устаревших слов. Это уже реальные единицы языка, правда, имеющие ограниченную сферу употребления и специфические стилистические свойства: *верста*, *конка*, *вершок*, *курсистка*, *городовой*, *бурса*, *оний* (тот), *зря* (видя), *пройство*, *брадобрей*, *только* (только), *глаголать* (говорить), *дабы* (чтобы), *хлад* (холод) и т. д.

Естественно, что в степени устарелости того или иного слова и отдельного значения большую роль играет время выхода его из активного употребления. В большой мере, однако, она определяется также: 1) местом данного слова с соответствующим значением в номинативной системе общенародного языка, 2) первоначальной распространенностью слова и длительностью употребления в составе активного словаря, 3) наличием или отсутствием ясной и непосредственной связи с родственными словами и т. д.

Иногда слово, давно вышедшее из активного употребления, все же до сих пор не забыто говорящими, хотя и встречается в их речи очень редко, и, наоборот, наблюдаются случаи, когда забывается и выпадает из языка слово, переместившееся в пассивный словарный запас языка сравнительно недавно. Например, слова *алкать*, *вран*, *бедство* вышли из активного словаря письменной речи (в разговорном языке их не было и раньше) более 100 лет назад, однако они до сих пор понятны в своих основных значениях говорящим на современном русском языке. Напротив, неизвестными для подавляющего числа говорящих сейчас на русском языке являются слова *уком* (уездный комитет), *непрерывка*, бытовавшие в активном употреблении совсем недавно.

Так как топонимика (названия рек, озер, населенных пунктов и т. д.) и антропонимия (личные и фамильные имена) являются наиболее

устойчивыми фактами в словарном материале, то очень многое из того, что уже ушло из языка в качестве нарицательных имен, сохраняется в топонимике и антропонимии в качестве имен собственных: река *Шуя* (*шуя* — левая), станция *Бологое* (*бологое* — хорошее, доброе, красивое), город *Мытищи* (*мытище* — место, где собирали мыто), деревня *Червленая* (*червленая* — красная), повар *Смурый* (*смурый* — хмурый, ср. *пасмурный*) и т. д.

Поскольку лексическая система развивается в каждом из языков по своим внутренним, только ему присущим законам, то устаревшие и даже старинные, ушедшие совершенно из русского языка слова могут сохраняться в других близкородственных славянских языках в качестве лексических единиц активного словарного запаса. Ср. слова *вельмі* (очень) — в белорусском, *łuska* (шелуха) — в польском (русское *луска* живет в составе производного *лускать*), *крак* (нога) — в болгарском (ср. русское производное *окорок*), *ul* (улей) — в чешском (в русском оно входит как корень в слова *улей*, *улица* и др.).

Слова могут выйти из активного употребления и перейти в пассивный словарь (а потом исчезнуть вовсе) и потому, что исчезают называемые ими явления, предметы, вещи и т. д., и в силу того, что они как обозначения каких-либо явлений, предметов, вещей и т. п. в процессе употребления могут вытесняться другими словами. В первом случае мы имеем дело с историзмами, во втором — с архаизмами.

Историзмы представляют собой слова пассивного словарного запаса, служащие единственным выражением соответствующих понятий. При необходимости назвать какое-либо уже исчезнувшее явление, предмет, вещь и т. д. мы волей-неволей прибегаем к историзмам, ибо в современном русском литературном языке они синонимов не имеют. Историзмами в романе А. Н. Толстого «Петр I», например, являются слова *боярин*, *ящик*, *стольник*, *сокольничий*, *алтын*, *ферязь* (мужское долгополое платье), *пищаль*, *единорог* (род пушки) и т. д.

Что же касается **архаизмов**, то в словарном составе современного русского литературного языка рядом с ними обязательно должны существовать и существуют синонимы, являющиеся словами активного употребления (ср.: *ловитва* — *охота*, *вояж* — *путешествие*, *кои* — *которые*, *балтические* — *балтийские*, *самодовольствие* — *самодовольство*, *стора* — *штора*, *пиит* — *поэт* и т. п.).

Если причины ухода слов из активного употребления в составе историзмов всегда совершенно ясны и не требуют никаких особых разъяснений, то установление причин превращения слов из факта активного словарного запаса в архаизмы, причин вытеснения, замены одного слова другим является, как правило, делом весьма сложным. Для нас совершенно ясно, почему, например, слова *кафтан*, *городовой*, *челобитье* и другие превратились в историзмы (исчезли соответствующие им предметы, явления; вещи и т. д.); напротив, требуются специальные лингвистические разыскания для того, чтобы ответить на вопрос, почему слова *перст*, *сей*, *доселе*, *буде* были вытеснены из активного употребления словами *палец*, *этот*, *до сих пор*, *если* и превратились, таким образом, в архаизмы.

В зависимости от того, является ли устаревшим все слово как опре-

деленный звуковой комплекс, имеющий определенное значение, или устаревшим оказалось лишь его смысловое значение, архаизмы можно разделить на лексические и семантические.

В приводимых ниже примерах из стихов и прозы А. Пушкина все выделенные слова являются архаизмами:

- 1) Мне мил и виноград на лозах,
В кистях созревший под горой,
Краса моей долины злачной,
- 2) Здесь вижу двух озер лазурные
равнины,
Где парус *рыбаря* белеет иногда.
- 3) О, если б Аполлон
Пиштов дар чудесный
Влиял мне ныне в грудь.

- Отрада осени златой,
Продолговатый и прозрачный,
Как *персты* девы молодой.
- 4) Анастасевич лишь один,
Мой верный крестник, *чтец* и сын,
Своею прозой уверяет,
Что *истукан* мой увенчает
Потомство лавровым венцом.

5) Рекрутство же было торжеством корыстолюбивому правителю, ибо от оногo по очереди откупались все богатые мужики, пока, наконец, выбор не падал на *негодяя* ли разоренного.

Однако между ними существует определенное различие. Слова *перст*, *рыбарь*, *пишт* заменились словами *палец*, *рыбак*, *поэт* и в настоящее время уже не употребляются. Это лексические архаизмы. Слова *влиял*, *чтец*, *истукан*, *негодяй* существуют в активном употреблении и сейчас, но не с теми значениями, которые характеризуют их в приведенных контекстах (*влиял* — вливал; *чтец* — читатель; *истукан* — статуя; *негодяй* — негодный, в данном случае — негодный к воинской службе). Это семантические архаизмы.

При внимательном рассмотрении лексических архаизмов, приведенных выше, можно заметить, что они не являются одинаковыми по отношению к тем словам, которые вытеснили их из активного употребления. В одном случае (*перст*) мы имеем дело с такими словами, которые ныне вытеснены в пассивный словарный запас словами с другой производной основой. Это собственно лексические архаизмы. Например: *вотще* — напрасно, *мание* — воля, желание, *лоно* — грудь, *сиречь* — то есть, *понеже* — потому что, *виктория* — победа, *ветрило* — парус, *доколь* — пока, *лицедей* — актер, *выя* — шея, *шуйца* — левая рука, *присно* — постоянно, *вельми* — очень, *иже* — который, *денница* — утренняя заря, *сей* — этот, *отроковица* — девочка-подросток, *вежды* — глазные веки и др.

В другом случае (*рыбарь*) мы имеем дело с такими словами, которым теперь в качестве языковой оболочки выражаемых ими понятий соответствуют слова с той же самой производной основой. Это лексико-словообразовательные архаизмы (ср.: *пастырь* — *пастух*, *ответствовать* — *отвечать*, *свирепство* — *свирепость*, *воитель* — *воин* и т. д.). В этом случае слово, употребляющееся в активном словаре сейчас, отличается от архаизма лишь с точки зрения словообразовательного строения. *Рыбарь* и *рыбак* различны между собой не своей производной основой *рыб-*, а присоединенными к ней суффиксами *-арь* в одном слове и *-ак* — в другом.

Вот, например, некоторые архаизмы такого рода, наблюдаемые в романе Пушкина «Евгений Онегин»: *соседственный*, *остановляет*,

покорствуя, кокетствуя, балтийским (ср.: *соседний, останавливает, покоряясь, кокетничая, балтийским*).

В третьем случае (*пиит*) мы имеем дело с такими словами, которые в настоящее время в качестве языковой оболочки соответствующих понятий заменены в активном словаре словами того же корня, но несколько иного звукового облика. Это лексико-фонетические архаизмы. Их не следует смешивать и отождествлять с фонетическими архаизмами, которые представляют собой устаревшие явления не в словах, а в звуках. Например, фонетическим архаизмом будет произношение е как [e], а не как [o] перед твердыми согласными под ударением (*потек*, а не *потёк, еще*, а не *ещё*), произношение мягкого *р* в словах типа *верх* и т. п. Лексико-фонетическими архаизмами являются такие слова, как *зерцало* (зеркало), *глад* (голод), *вран* (ворон), *клуб* (клуб), *воксал* (вокзал), *произм* (героизм), *стора* (штора) и др.

Семантические архаизмы — это слова, существующие и в современном русском литературном языке, но имеющие устаревшие значения. Семантический архаизм, иначе говоря, представляет собой устаревшее значение какого-либо слова, в иных значениях являющегося обычным словом современного русского литературного языка. Вот несколько примеров из произведений А. Пушкина: *Слух обо мне пройдет по всей Руси великой, и назовет меня всяк с уш и й в ней язык; Законов гибельный позор, Неволи немощные слезы...; Теперь смотритель, соображая все обстоятельства, догадывался, что болезнь была притворная; Прямым Онегин Чильд Гарольдом вдался в задумчивую лень.*

Выделенные слова в приведенных примерах употребляются и сейчас, однако в других значениях. Так, слово *сущий* выступает в приведенном контексте в значении «существующий», слово *язык* — в значении «народ», *гибельный позор* — в значении «зрелище гибели», слово *соображать* — в значении «обдумывать», слово *прямой* — в значении «настоящий».

Намеченные выше группы устаревших слов различаются между собой также характером и возможностью их употребления в различных стилях современного русского литературного языка. Архаизмы могут употребляться только с определенной стилистической целью, вне художественно-выразительной и изобразительной установки их использование не может быть оправдано и является ошибкой с точки зрения современного словоупотребления. Историзмы же, употребляясь иногда с теми же целями, что и архаизмы, возможны и вне определенных стилистических условий. Они как единственное выражение исчезнувших понятий, явлений, предметов встречаются в исторических работах, в описаниях прошлого, воспоминаниях и т. д.

Архаизмы используются в художественной литературе в основном с тремя различными стилистическими целями: 1) для воссоздания реальной исторической обстановки и речи героев (в исторических романах, повестях); 2) для создания торжественного стиля, взволнованно-патетической речи (например, в стихотворениях Пушкина «Пророк», «Анчар», «Вольность», «Клеветникам России», «19 октября», «Одегов щит», в стихотворениях Лермонтова «Умиравший гладиатор»;

«Поэт», «Пророк», «Сосед», в ряде авторских отступлений у Гоголя); 3) как одно из средств создания комического, иронии, сатиры, сарказма. Мастером употребления архаизмов в таких целях был Салтыков-Щедрин.

По происхождению как архаизмы, так и историзмы могут быть самыми разнообразными. Среди них встречаются и исконно русские слова (*льзья, дабы, оный, насильство, семо* — сюда, *сполох* — тревога, *заводчик* — зачинщик и т. п.), и старославянские (*глад, лобзать, святыня, глагол* — слово, *вещать* и др.), и заимствованные из других языков (*абшид* — отставка, *вояж* — путешествие, *сикурс* — помощь, *натура* — природа, *политес* — вежливость, *аксамит* — бархат и т. п.).

В произведениях прошлого (и художественных, и деловых, и научных и т. д.), даже если они написаны сравнительно недавно, мы встречаемся с историзмами и архаизмами, которые таковыми являются лишь для нас, но не были ими во время написания анализируемого произведения.

Следовательно, есть архаизмы и историзмы стилистического употребления (в современных нам художественных произведениях) и архаизмы и историзмы времени (они встречаются — иногда рядом с устаревшими словами стилистического употребления — только в произведениях, написанных в прошлом).

Об этих двух типах устаревших слов в пределах одного и того же литературно-художественного контекста дают представление отрывки из произведения Пушкина «Борис Годунов»:

- 1) — Приезжайте,
Ты, Трубецкой, и ты, Басманов: *помочь*
Нужна моим усердным *воеводам*.
Бунтовщиком Чернигов осажден.
Спасайте *град* и *граждан*.
- 2) Так точно *дьяк*, в *приказах* поседелей,
Спокойно *зрит* на правых и виновных,
Добру и злу *внимая* равнодушно,
Не *ведая* ни жалости, ни гнева.
- 3) Как хорошо! Вот сладкий плод ученья!
Как с облаков ты можешь *обозреть*
Все *царство вдруг*: границы, *грады*, реки.

В приведенных отрывках мы наблюдаем среди устаревших слов и историзмы — *воевода, дьяк, приказ* (в значении «учреждение»), *царство* (в значении «государство во главе в царем»), и архаизмы — *помочь* (помощь), *град, граждане* (жители города), *зреть* (смотреть), *внимать* (слушать), *ведать* (знать), *вдруг* (в значении «сразу»). Употреблены они Пушкиным в трагедии на историческую тему.

Однако было бы неправильным считать, что все эти слова использованы поэтом в качестве художественно-изобразительного средства с определенной стилистической установкой. Неверно было бы приписывать какие-то стилистические функции историзму *царство*, семантическому архаизму *вдруг*. Для Пушкина это были обычные слова его активного лексического запаса, повседневного употребления. Они перешли в пассивный запас русской лексики и приобрели в связи с этим определенную экспрессивно-стилистическую окраску позднее.

§ 28. **Неологизмы.** Противоположным процессу исчезновения слов из языка является процесс появления в нем новых слов. Н е о л о г и з м ы — слова, которые осознаются как новые лексические единицы, не вошедшие в активный словарный запас. Они до тех пор лишь и остаются неологизмами, пока окончательно не волеются в состав активной лексики, пока воспринимаются еще как слова, имеющие оттенок свежести и необычности. Так, не являются в настоящее время неологизмами слова *кругозор*, *будущность*, *гражданин* (в современном значении), бывшие ими в последней четверти XVIII в. (первое было введено Н. Г. Кургановым, второе — Карамзиным, третье, с новой, ныне существующей семантикой, — Радищевым). Не воспринимается сейчас как неологизм появившееся впервые у В. И. Ленина и им введенное в русскую лексику слово *партийность* (первый раз оно было употреблено В. И. Лениным в конце 1894 г. в работе «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве: «С другой стороны, материализм включает в себя, так сказать, партийность, обязывая при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы»¹). Вскоре после появления в начале XX в. в русском языке перешли в его активный словарный запас слова *антенна* (в современном значении), *аспирин*, *ангар*, *айсберг*, *автобус*; не воспринимаются как неологизмы, хотя и являются сравнительно недавними, слова *болельщик*, *вратарь*.

Следовательно, если то или иное слово, даже возникшее как языковой факт недавно, стало общеупотребительным, потеряло специфические стилистические качества и вошло в активный запас языка, оно уже не неологизм. С этой точки зрения неверно относить к неологизмам современного русского литературного языка, т. е. к пассивному запасу его лексики, абсолютно все слова, появившиеся в русском языке в советскую эпоху. Ведь подавляющее большинство их стало словами активного словарного запаса (*колхоз*, *комсомольский*, *трактор*, *заочник*, *спецовка*, *телевизор*, *ГУМ*, *капрон*, *электричка*, *новостройка* и т. д.), некоторые из них, побывав в активном запасе, превратились в устаревшие слова (*наркомат*, *МТС*, *нэп*, *женотдел* и т. п.).

В качестве неологизмов современного русского литературного языка можно назвать, например, такие слова, как *сейсмодин*, *дорнит*, *кардиомобиль*, *супертяжеловесы*, *картодром*, *искрин*, *зерновоз*, *турбоэлектробус*, *джинсовый*, *микрофильмировать*, *радиотелемастер*, *смесовая (ткань)*, *телесерия*, *фианит*, *фототкань* и т. д.

Неологизмы могут возникать в языке: 1) и как обозначение появляющихся в жизни новых вещей, явлений, качеств и т. д., 2) и как новое название того, что уже имеет наименование.

Возникновение неологизмов первого рода совершенно необходимо; они появляются в языке потому, что в жизнь его носителя — русского народа — входят новые вещи, предметы, явления и т. д. Как неологизмы в свое время воспринимались слова *пароход* (этим словом обозначался первоначально и паровоз), *нигилизм*, *радиовецание*, *аэроплан*, *советский* и т. п.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. I.— С. 419.

Неологизмы второго рода возможны, но не обязательны, хотя всегда в своем появлении обусловлены; они появляются в языке потому, что возникает необходимость дать свежее, новое наименование тому, что свое обозначение в языке уже получило. В этой связи как неологизмы в свое время воспринимались прочно вошедшие сейчас в активный запас слова *предложный падеж* (введено М. Ломоносовым), *самолет*, *мифология*, заменившие соответственно слова *сказательный падеж* (введено М. Смотрицким), *аэроплан*, *баснословие*.

В зависимости от того, новое ли это слово вообще или же это использование для выражения нового понятия уже существующего слова, неологизмы распадаются на лексические (образованные на базе существующих слов; заимствования из других языков) и семантические. Как семантические неологизмы (примеры лексических были даны выше в достаточном количестве) возникли в русском литературном языке второй половины XIX в. слова *подоплека*, *шумиха*, *помпадур* в современных значениях (ранее они обозначали, соответственно: «подкладка у крестьянской рубахи», «сусальное золото», «собственное имя фаворитки Людовика XV»).

Семантическими неологизмами в свое время были возникшие с соответствующими значениями лишь в советскую эпоху слова *Советы*, *партия* (в значении «Коммунистическая партия Советского Союза»), *призывы* (в значении «лозунги»), *плитка* (в значении «электрическая плитка»), *ясли* (в значении «детские ясли»), *перекрывать* (в значении «перевыполнить») и др. Таким же семантическим неологизмом еще совсем недавно было существительное *спутник*.

В зависимости от того, являются ли неологизмы простыми наименованиями чего-либо (если они возникают как названия появляющихся в жизни новых явлений) или также служат и определенным стилистическим целям (если они по-другому называют уже названное), их можно разделить на чисто номинативные неологизмы (*целинник*, *госхоз* и т. д.) и неологизмы номинативно-стилистические (*брякнуть* «позвонить», *показуха* и пр.).

В процессе развития языка в его (сначала пассивном) словарном запасе одинаково часто появляются слова как чисто номинативного, так и номинативно-стилистического характера. Последние обогащают и стилистическую систему русского языка в целом, и его синонимику в частности.

От неологизмов, реальных слов (на какое-то время пассивного словарного запаса) языка, выступающих как воспроизводимые значимые единицы (правда, с ярким налетом новизны и свежести), следует отличать контекстуальные образования (окказионализмы), которые не являются словами языка в полном смысле этого слова. Они существуют в качестве определенных номинативных единиц только в том или ином контексте и не обладают основным свойством любой единицы языкового стандарта — воспроизводимостью. Это образования, которые нами понимаются (и то иногда лишь в общих чертах), но совершенно не используются.

В отличие от слов типа *целиноградец*, *космонавт*, *полимеры*, которые выступали как «неологизмы на час», мы сталкиваемся с такими

лексическими единицами, которые в своем подавляющем большинстве как бы обречены быть «вечными неологизмами». Поскольку «слово не есть наша произвольная выдумка: всякое слово, получившее место в лексике языка, есть событие в области мысли» (В. Жуковский), любой неологизм, появляющийся в языке, должен быть оправдан в своем возникновении или потребностью назвать познанное, открытое, изобретенное и т. д., или определенными стилистическими задачами. Однако важной является не только оправданность индивидуально-стилистического образования.

Любой неологизм, появляющийся в лексике русского языка, не может быть новообразованием, созданным вне правил и законов русского словопроизводства, русской семантической системы и грамматического строя. Созданное без соблюдения указанного слово будет ненужным и бессмысленным набором звуков. Образование новых слов без учета активных тенденций современного русского словообразования всегда было чуждо нашим писателям и публицистам. Аномальными неологизмами характеризуется в целом лишь творчество некоторых символистов и футуристов (Хлебникова, Белого, Северянина и др.). Именно поэтому их словоновшества оказались мертворожденными; не только те, которые были образованы совершенно произвольно, но и те, которые базировались на реальном материале русского языка (вроде слов *будетляне*, *речар*, *охотея*, *кричак* и др.).

Новообразования, создаваемые писателями и публицистами с определенными стилистическими целями, вне «родного» словесного окружения теряют свою выразительность и могут быть даже непонятны. Авторские новообразования употребляются или для свежего и яркого выражения понятий, или для создания определенных художественных эффектов и тонкой словесной игры.

Именно указанным целям служат, например, выделенные окказионализмы: *Я влюблен, я очарован, Словом, я огончарован.* (Пушкин); *Ты скажешь — Ветреная Геба, Кормя Зевесова орла, Громок и плящ ий кубок с неба, Смеясь, на землю пролила.* (Тютчев); *Перья-облака, закат расканирейте.* (Маяковский); *Мир осинам, что раскинув ветви, Загляделись в розовую воду.* (Есенин); *Отец мне ничего про себя не пишет, а это беспокоит меня, ибо я все-таки его сын, т. е. мнителен и хандрлив* (каково словечко?). (Пушкин); *Мне думалось: ты за моей спиной пойдешь теперь без молвни и це ий бескрылой.* (Луконин); *Завтра, значит, будет праздник и ца.* — Праздник, Жанна, говорят. — Все равно, какая разница, лишь бы дали шоколад. (Инбер).

ЛИТЕРАТУРА

Виноградов В. В. Об омонимии и смежных явлениях // *Вопр. языкознания.* — 1960. — № 5.

Виноградов В. В. Основные типы лексических значений слова // *Вопр. языкознания.* — 1953. — № 5.

Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Лингвострановедческая теория слова. — М.: Русский язык, 1980.

Евгеньева А. П. Основные вопросы лексической синонимии // *Очерки по синонимике современного русского литературного языка.* — М.; Л.: Наука, 1966.

- Кожина М. Н. Стилистика русского языка.— М.: Просвещение, 1983.
- Крысин Л. П. Иноязычные слова в современном русском языке.— М., 1968.
- Лопатин В. В. Рождение слова.— М., 1973.
- Новиков Л. А. Семантика русского языка.— Л.: Русский язык, 1982.
- Новиков Л. А. Антонимия в русском языке: Семантический анализ противоположности в лексике.— М., 1973.
- Откупщиков Ю. В. К истокам слова: Рассказы о науке этимологии.— Просвещение, 1986.
- Протченко И. Ф. Лексика и словообразование русского языка советской эпохи.— М.: Наука, 1984.
- Русский язык и советское общество: Лексика современного русского литературного языка.— М.: Наука, 1968.
- Фомина М. И. Современный русский язык: Лексикология.— М.: Высшая школа, 1984.
- Шанский Н. М. В мире слов.— М.: Просвещение, 1985.
- Шанский Н. М. Лексикология современного русского языка.— М., 1972.
- Шанский Н. М. Слова, рожденные Октябрем.— М.: Просвещение, 1987.
- Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка).— М., 1973.
- Шмелев Д. Н. Современный русский язык: Лексика.— М.: Просвещение, 1977.

ФРАЗЕОЛОГИЯ

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ ОБОРОТ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЕДИНИЦА

§ 29. Фразеологизм (фразеологический оборот) как значимая единица, его соотношение со словом. Кроме отдельных слов, в русском языке, как и во всяком другом, в качестве особых лингвистических единиц употребляются и более сложные образования, называемые обычно фразеологическими оборотами или фразеологизмами (*нищие духом; как пить дать; мал золотник да дорог; медвежья услуга; не по дням, а по часам* и т. д.).

Необходимо четко отграничить фразеологизмы, с одной стороны, от свободных сочетаний слов, а с другой стороны, от отдельных слов.

Фразеологический оборот, во-первых, функционирует в языке на правах отдельного слова, во-вторых, по своей структуре он является сложным целым, компоненты которого осознаются как самостоятельные слова.

Учитывая дифференциальные признаки фразеологического оборота как лингвистической единицы, его можно определить следующим образом: фразеологический оборот — это воспроизводимая значимая единица языка из двух или более ударных компонентов словного характера, целостная по своему значению и устойчивая в своем составе и структуре.

Основным свойством фразеологического оборота, коренным образом отграничивающим его от свободного сочетания слов и в то же время сближающим его со словом, является воспроизводимость. Фразеологизмы не создаются в процессе общения, а воспроизводятся как готовые целостные единицы. Так, если свободные сочетания слов *За девять лет он ни разу не простудился. Все свои вещи она сдала в камеру хранения. Крыть крышу оказалось нечем* и т. д. создаются из отдельных слов во время общения, то фразеологические обороты *за тридцать земель* (далеко), *след простыл* (нет), *взять свои слова обратно, нечем крыть* и прочие извлекаются из памяти целиком, в виде готовых целостных образований, точно так же как отдельные слова.

Обороты *вводить в заблуждение, капля в море, всего ничего, сломя голову, во весь дух* и т. д. не образуются говорящими в речи из соответствующих слов (*вводить, в, заблуждение* и т. д.), а воссоздаются в целом, как синонимичные им слова *обманывать, мало, быстро* и т. д.

Свойством воспроизводимости объясняются все остальные признаки, одинаково присущие словам и фразеологическим оборотам,

прежде всего устойчивость в составе и структуре и целостность значения.

В смысловом плане фразеологизмы выступают как единое целое даже в том случае, когда их семантика (подобно «нефразеологизованным» словам типа *внимательность, формирование, волгоградский, охот* и т. д.) зеркально отражает значения образующих их слов; например: *всерьез и надолго, поджигатели войны, на данном этапе* и пр.

Фразеологические обороты состоят из компонентов, тесно связанных между собой как части целого и располагающихся друг с другом в строго установленном порядке. Постоянство состава и местоположения компонентов фразеологизма носит такой же характер, какой можно отметить для морфемного состава слова. Любое изменение порядка следования компонентов осознается говорящими как новообразование, лежащее за пределами системы языка. Имея в виду фразеологические обороты дублетного характера типа *гонять лодыря — гонять собак, от всей души — от всего сердца, задать баню — задать перцу, с головы до ног — с головы до пят, задать латы — задать стрекача* и т. д., можно подумывать, что в отдельных случаях состав компонентов фразеологизма способен меняться, однако это на самом деле не так. В действительности такого рода обороты представляют собой вполне самостоятельные по отношению друг к другу и одинаково воспроизводимые единицы, подобные синонимическим словам с одной и той же непроемкой основой (ср.: *верить — веровать, читка — чтение, ароматичный — ароматический* и т. п.).

Некоторые фразеологические обороты, включающие в свой состав глаголы, способны к двоякому расположению компонентов (ср.: *сгореть со стыда — со стыда сгореть, тянуть волынку — волынку тянуть, бить баклуши — баклуши бить* и т. д.), однако это не означает, что в них местоположение компонентов является незакрепленным: и в таких фразеологизмах местоположение образующих слов постоянно и фиксированно, но не единообразно, а в двух одинаково возможных вариантных формах¹.

Для подавляющего большинства фразеологических оборотов характерно и такое, казалось бы, чисто «словное» свойство, как *н е п р о и ц а е м о с т ь*: внутри них вставки обычно невозможны (*от мала до велика, во цвете лет, на седьмом небе, дело в шляпе, белый гриб, куры не клюют, всегда готов, сломя голову* и т. п.).

Важнейшее отличие основной массы фразеологизмов от подавляющего большинства отдельных слов выступает довольно четко и определенно. В качестве «лакмусовой бумажки» здесь могут быть использованы два факта: структурные особенности и характер грамматической оформленности.

В самом деле, «классические» слова являются образованиями, состоящими из частей, которые вне слова самостоятельно употребляться не могут. Они делятся (если не представляют собой корневых слов,

¹ Нечто подобное отмечается также и в отдельных сложных словах (*половодье — водополье, скалозуб — зубоскал* и др.).

не обладающих формами словоизменения) на морфемы, реально существующие лишь в слове (например: *молч-а-ть, супруж-еств-о дал-ек-о* и т. д.). Что же касается большинства фразеологических оборотов, то они состоят не из морфем, а из целых слов со всеми свойственными для них формами (например: *держати язык за зубами, узы Гименея* и др.), функционируют в языке как раздельно оформленные образования.

Таким образом, противопоставлять фразеологические обороты отдельным словам как образования, состоящие из слов, образованиям состоящим из морфем, нельзя, и прежде всего потому, что в составе отдельных фразеологических оборотов (сращений) (см. подробно § 36) нет настоящих слов, которым была бы присуща самостоятельная семантика.

Основным признаком, который дифференцирует слово и фразеологическое сращение, является акцентологическое оформление: слово (если оно не безударно) — лингвистическая единица с одним основным ударением, в то время как фразеологическое сращение — с двумя и более.

Сказанное позволяет определить фразеологическое сращение как семантически неделимый фразеологический оборот, состоящий из двух или более фонетических слов, отдельно значения не имеющих. Фразеологические сращения образуют промежуточную группу лингвистических единиц, стоящих ближе к слову, нежели к остальным фразеологическим оборотам, явно состоящим из слов. От слов фразеологические сращения отличает лишь иное фонетическое оформление.

В свете изложенного становится ясным, насколько важно при отграничении фразеологических сращений от слов учитывать традиционность многих наших отдельных написаний, сейчас уже не отражающих реальное лексическое членение речи. Далекое не все, написанное раздельно, оказывается в настоящее время фразеологизмом. Совершенно неверно, например, трактовать как фразеологические сращения слова *так как, стало быть, добро бы, потому что, даром что, пока что, что за* и т. д. только на том основании, что они пишутся раздельно. Все они не только употребляются в языке в виде неразложимого семантического целого, но и обладают одним основным ударением, как это свойственно одиночным самостоятельным словам. Никакой разницы в этом отношении между ними и словами типа *чтобы, тотчас также* и т. п. нет. Отличаются они лишь на письме, а не по своему лингвистическому существу.

В качестве фразеологизмов иногда трактуются такие факты, как *до упаду, в свете* (с точки зрения), *на руку* (кстати) и т. п., графически выступающие как предложно-падежные формы имен существительных. Однако это неверно.

Как известно, предложно-падежная форма не воспроизводится целиком, а создается всякий раз, когда в этом возникает необходимость в речи; ее семантика нефразеологична и равна сумме значений предлога и существительного; она проникаема; в ее составе не может быть ничего, что не употреблялось бы вне, в составе других сочетаний.

слов (например: *из воды, за домом; к слову* в предложении *К слову как определенной лингвистической единице надо подходить всесторонне; в сердцах* в словосочетании *в сердцах людей* и т. д.).

Ясно, что образования типа *к слову* (кстати), *в сердцах* (рассердившись), *на славу* (очень хорошо), *не место* (не следует) и т. п. предложно-падежными формами не являются: они воспроизводимы как целостные значимые единицы, непроницаемы в структурном отношении и имеют «фразеологизованное» значение, несоотносительное со значением этимологически выделяемых компонентов.

Поскольку в этих образованиях наблюдается всего одно ударение, они не могут быть интерпретированы и как фразеологизмы. Это самые обычные слова, лишь раздельно написанные. И здесь орфография отражает не современное лексическое членение речи, а языковое прошлое. Кроме раздельного написания, они ничем не отличаются от самых обычных «классических» слов, входящих в разряд наречий (ср. точное структурно-семантическое соответствие слов: *до упаду* и *дотла, с жиру и сразу, с ведома и снаружи, с кондачка и спозаранку, на руку* (кстати) и *напоказ, на славу* (очень хорошо) и *назло, к слову* (кстати) и *кстати, в свете* (с точки зрения) и *волю, до смерти* (очень сильно) и *доверху, на словах* (устно) и *наверху, на сносях и напоследок* и т. д.).

§ 30. Состав, структура и значение фразеологического оборота. Одной из наиболее характерных особенностей фразеологического оборота как воспроизводимой языковой единицы является по с т о я н с т в о его с о с т а в а. Любое устойчивое сочетание слов состоит всегда из одних и тех же слов. Всякое изменение состава фразеологизма воспринимается как его индивидуально-художественная трансформация, т. е. как ситуационный, или контекстный, фразеологический неологизм.

Определить состав фразеологического оборота нетрудно. Однако для этого необходимо строго ограничивать слова, входящие в фразеологизм, от тех, которые находятся вне его. Устанавливая границы фразеологизма, следует иметь в виду, что устойчивое сочетание слов всегда представляет собой воспроизводимую единицу (следовательно, значимую единицу с постоянным составом). Если это фразеологизм, эквивалентный слову, то в предложении он всегда выступает как неразложимая единица, выполняя функцию какого-либо его члена.

Например, в сочетании слов *падать, как снег на голову* фразеологизмом является *как снег на голову*. На это совершенно ясно указывает речевая практика: *Налет был, как снег на голову; Как снег на голову, явился он сам*. А вот в сочетаниях слов *ходить (идти) с перевальцем, быть под башмаком, упасть (падать) с дребезгом, танцевать до упаду, висеть на волоске* глаголы составляют неотъемлемую часть фразеологизма (в скобках указан вариант глагола, входящего в состав фразеологического оборота).

Необходимо четко ограничивать «факультативные», но постоянные компоненты, наблюдающиеся при варьировании фразеологического оборота, от временных и посторонних фразеологизму словесных добавлений (как вставочного, так и соположенного характера). При этом важно учитывать возможность эллиптического употребления фра-

зеологизма, когда в определенной речевой ситуации может опускаться и его обязательный компонент.

При определении состава фразеологических оборотов следует иметь в виду также и их различные — свободное или фразеологически связанное — значения, определяющие возможные для них словесные окружения или как переменные и многообразные (при свободном значении фразеологизма), или как постоянные и ограниченные (при фразеологически связанном значении). В последнем случае в качестве единичных фразеологизмов могут быть интерпретированы (и нередко объясняются) «фразеологические обороты второй степени» (см. с. 69).

Рассмотрим с т р у к т у р у фразеологизма. В качестве воспроизводимой языковой единицы он всегда выступает как определенное структурное целое. Составляющие фразеологизм слова образуют систему связанных и так или иначе соотношенных друг с другом компонентов, проявляющих себя в качестве значимых частей по-разному, однако аналогично значимым частям слова.

«Морфемный» характер слов в фразеологическом обороте особенно ярко виден при сопоставлении фразеологизмов и синонимичных им слов: одни морфемы и даже целые слова выполняют функцию формообразующих аффиксов, другие слова и их части выражают вещественное значение фразеологизма, т. е. выполняют функцию основы слова. Так, в фразеологизмах *хранить молчание*; *подруга жизни*, соответственно равнозначных словам *молчать*, *жена*, вещественное значение выражается частями *молчание*, *подруг-*, *жизни*, а грамматические значения — частями *хранить* и *-а* (ср.: *подругу*, *подругами* и т. д.), по существу так же, как в словах-синонимах (ср.: *молч-а(ть)*, *жен-а* и т. п.).

Особой структурной слитностью обладают такие фразеологические обороты, слова в которых совершенно не имеют грамматических форм: *спустя рукава*; *от нечего делать*. Такие фразеологизмы лишь акцентологически отличаются от слов, образованных с помощью лексико-синтаксического способа словообразования; ср.: *за здорово живешь* — *заблагорассудится*; *в один голос* — *втридорога*; *задним числом* — *сегодня*.

Один фразеологизм отличается от другого самым характером значения, его специфическими особенностями и проявлением в словесном окружении. Наблюдаются те же т р и основных т и п а з н а ч е н и й фразеологизмов, которые принято выделять в лексических единицах: свободное, фразеологически связанное и синтаксически сбукловленное.

Так, фразеологические обороты *носить на руках* (обожать); *дом отдыха*; *анютины глазки* имеют с в о б о д н о е значение номинативного характера. Связи и отношения этих фразеологизмов с окружающими словами определяются предметно-логически, т. е. соотношениями самих обозначаемых фразеологизмами явлений действительности, и поэтому являются широкими и разнообразными. Например, цветы анютины глазки могут быть красивыми, свежими, только что сорванными или, напротив, давно сорванными; эти цветы можно сорвать, поставить в воду, посадить, полить, они могут быть на земле, в вазочке, в

руках и т. д. В соответствии с этим фразеологизм *анютины глазки* может соединяться в предложении со словами *красивые, свежие, посадить, полить, вазочка, руки* и т. д. Но поскольку *анютины глазки* не могут быть ни глубокими, ни социальными, их нельзя ни рецензировать, ни наказывать, постольку фразеологизм *анютины глазки* не сочетается с вышеназванными прилагательными и глаголами.

Совершенно другими, узкими и строго ограниченными будут связи и отношения с окружающими словами у таких фразеологических оборотов, как *без задних ног* (очень крепко); *благим матом* (очень сильно); *во все лопатки* (очень быстро); *как свои пять пальцев* (очень хорошо). Все они будут иметь фразеологически связанное значение, проявляющееся лишь в соединении с определенными словами, принадлежащими к одной и той же семантической сфере. Связь фразеологизмов такого рода с называемыми явлениями действительности является не прямой, как у фразеологизмов со свободными значениями, а опосредованной. Их значение определяется лишь при постановке синонимичных им слов с прямым значением. Действительно, названные фразеологизмы выступают всегда в соединении с одними и теми же словами: *без задних ног* употребляется в настоящее время лишь со словом *спать*; *благим матом* соединяется только со словами *кричать, рвать, орать*; *во все лопатки* — лишь рядом со словом *бежать*, а *как свои пять пальцев* — со словом *знать*.

Связи этих фразеологических оборотов с другими словами не являются свободными, определяются не предметно-логически, как у фразеологизмов со свободным значением, а лексико-фразеологической системой современного русского литературного языка и обусловлены ее историческим характером. Например, *во все лопатки* (очень быстро) можно не только бежать, но и работать, писать, уставать, лететь, забыть и т. д. Поэтому, если бы связи фразеологизма *во все лопатки* определялись предметно-логически, он должен был бы связываться со словами *бежать, работать, писать, расти, забывать, уставать* и т. д. Однако он соединяется лишь со словом *бежать*. Значит, его связи с другими словами не определяются соотношениями, существующими между обозначаемыми явлениями объективной действительности, а выводятся из внутренних закономерностей системы современного русского языка.

Фразеологические обороты с фразеологически связанным значением в качестве значимых языковых единиц аналогичны словам с фразеологически связанным значением: *как дома* (непринужденно); *до корней волос* (очень сильно); *как убитый* (очень крепко). Как такие слова (ср.: *чревато*, известное только в фразеологизме *чревато последствиями*; *скоропостижная* — в *скоропостижная смерть*; *щекотливый* — в *щекотливый вопрос* и *щекотливое положение*), они также известны лишь в качестве компонентов более сложных конструкций, являющихся своеобразными «фразеологическими оборотами второй степени». Фразеологизмы *чувствовать себя как дома*; *покраснеть до корней волос*; *спать как убитый* с точки зрения степени их семантической слитности представляют собой фразеологические сочетания (см. § 38), в которых компонентом свободного употребления является

слово, а компонентом связанного употребления — фразеологические обороты.

Кроме фразеологических оборотов, имеющих свободные и фразеологически связанные значения, в русском языке существует также сравнительно немногочисленная группа фразеологизмов, обладающих синтаксически обусловленным значением, реализующимся в них лишь в том случае, если они выступают в предложении в качестве сказуемого: *чучело гороховое; слуга покорный; кровь с молоком; из молодых, да ранний; палка о двух концах*. В функции других членов предложения фразеологизмы с таким значением могут употребляться только анафорически, т. е. в фразе, идущей вслед за предложением, в котором они были сказуемыми. Как и слова с синтаксически обусловленным значением (*молодец, загляденье, бред, змея, шляпа* и др.), фразеологизмы с таким значением представляют собой экспрессивно-эмоциональные характеристики явлений действительности.

§ 31. Однозначность и многозначность фразеологизмов. Среди фразеологических оборотов с точки зрения их значения следует выделить две группы в зависимости от того, со словом или с предложением они соотносятся. Одну группу составляют фразеологизмы, равные по значению предложениям (такие обороты являются предложениями по структуре): *дело горит, молоко на губах не обсохло, только держись, сердце жжет* и т. п. Другую группу образуют фразеологизмы, выступающие как эквиваленты слов и словосочетаний; ср.: *как в аптеке* (точно); *дар слова* (красноречие); *держат язык за зубами* (молчать); *набить оскомину* (надоесть); *в час по чайной ложке* (очень медленно); *не по зубам* (трудно разжевать).

Фразеологические обороты, эквивалентные слову или словосочетанию, обладают значением, аналогичным значению слова. Это значение бывает в фразеологизме единственным; такие фразеологизмы можно назвать *однозначными* (моносемичными): *отправиться к праотцам* (умереть); *семи пядей во лбу* (очень умный). Однако наряду с одним значением у фразеологизма могут быть и другие; такие фразеологизмы можно назвать *многозначными* (полисемичными): *не по зубам* — 1) «трудно разжевать»; 2) «недоступно пониманию»; *во весь рост* — 1) «выпрямившись», 2) «во всем своем значении». В этом случае одно значение выступает как основное, исходное, а другие — как производные, вторичные.

Говоря о многозначных фразеологических оборотах, следует отметить, что явление полисемии во фразеологической системе русского языка наблюдается значительно реже и не носит такого разнообразного характера, как в лексической системе: подавляющее большинство фразеологизмов однозначны, среди многозначных почти все имеют не более двух значений.

§ 32. Фразеологические омонимы и антонимы. Как и в области лексики, в фразеологии многозначность смыкается с омонимией. **Фразеологические омонимы** — это такие сверхсловные образования, которые состоят из фонетически идентичных компонентов, но имеют совершенно различные значения, не осознаваемые как исходное и производное.

Фразеологические омонимы различаются по своему происхождению. Во-первых, они могут быть результатом распада многозначного фразеологического оборота из-за дифференциации соотносительных значений. Так появились, например, фразеологические омонимы *поставить на ноги* (вылечить) и *поставить на ноги* (воспитать); *забегать вперед* (начинать делать что-либо раньше времени) и *забегать вперед* (льстиво вести себя, стараясь быть замеченным).

Во-вторых, фразеологические омонимы могут быть и результатом случайного совпадения по звучанию компонентов таких фразеологических оборотов, которые возникли совершенно самостоятельно и в разное время. В качестве «исконно омонимичных» можно назвать фразеологизмы *зеленая улица* (строй солдат со шпицрутенами, сквозь который прогоняли провинившихся) и *зеленая улица* (свободный путь)¹; *показывать нос* (появляться на очень короткое время) и *показывать нос* (дразнить) и др.

В фразеологии омонимов значительно меньше, чем в лексике. Это объясняется большей фонетической «протяжностью» и структурной сложностью фразеологических оборотов, всегда выступающих по крайней мере как двуударные единицы, состоящие минимум из двух компонентов словного характера.

Не менее редко, чем омонимы, встречаются во фразеологии а н т о н и м ы, т. е. фразеологические обороты, обозначающие прямо противоположные явления объективной действительности, например: *воспрянуть духом* — *пасть духом*; *повернуться спиной* — *повернуться лицом*; *с открытой душой* — *с камнем за пазухой*; *жить своим умом* — *жить чужим умом*; *из одного теста* — *из другого теста*; *пойти в гору* — *катиться под гору*; *семимильными шагами* — *черепашьим шагом*.

§ 33. Фразеологические синонимы. В качестве значимой языковой единицы фразеологический оборот может быть эквивалентен не только слову (ср. *дать маху* — *ошибиться*; *молодые люди* — *юноши*; *сплошь и рядом* — *часто*), но и какому-либо другому фразеологизму (ср.: *намылить шею* — *дать нагоняй*; *подруга жизни* — *дражайшая половина*; *была не была* — *либо пан, либо пропал*; и *в ус не дует* — *и горя мало*; *в два счета* — *в один прием*). Этим объясняется существование в языке явлений фразеологической синонимии.

Фразеологические синонимы — это различные фразеологические обороты, обозначающие одни и те же явления объективной действительности. Однако, как и лексические синонимы, фразеологические синонимы различаются и тем, каким образом они обозначают одно и то же, и тем, какие семантические, лексико-грамматические и стилистические свойства им присущи.

Фразеологические синонимы могут, в частности, дифференцироваться оттенками значения, стилистической окраской, сферой употребления, словесными связями и т. п. Так, фразеологизмы-синонимы со значением «умереть»: *сыграть в ящик*, *дать дуба*, *ноги протянуть*,

¹ Из профессионального арго железнодорожников: *зеленая улица*, буквально свободная дорога, путь из сплошных зеленых светофоров.

испустить дух, уснуть вечным сном, приказал долго жить, отправиться к праотцам, сойти в могилу — различаются экспрессивно-стилистическими свойствами и сферой употребления; фразеологизмы со значением «много»: *полон рот, куры не клюют, хоть пруд пруди, с три короба, хоть отбавляй* — различаются прежде всего своими словесными связями.

Отличия, свойственные фразеологическим синонимам, объясняются самыми различными причинами, однако основной является их исходная образность, внутренняя форма. Например, фразеологические обороты *во весь опор* и *в мгновение ока* синонимичны, однако выражаемое ими значение «очень быстро» — разное. Фразеологизм *во весь опор* выражает только понятие чрезвычайной быстроты движения, в силу чего он употребляется лишь с такими глаголами, которые обозначают соответствующее действие: *во весь опор бежать (скакать, мчаться, нестись* и т. п.). Что касается фразеологизма *в мгновение ока*, то он выражает понятие чрезвычайной быстроты действия вообще, поэтому употребляется с более разнообразными глаголами: *в мгновение ока примчался (уснул, забыл, решил, починил* и т. д.).

Но дифференциация окружений у разбираемых фразеологических синонимов отмечается и тогда, когда они используются с одними и теми же глаголами движения. Фразеологический оборот *во весь опор* сочетается лишь с бесприставочными глаголами или с приставочными глаголами, обозначающими начало действия. Поэтому, например, *во весь опор* можно только бежать или побежать. Употребить этот фразеологизм (вместо слов *очень быстро*), скажем, при глаголе *прибежать* невозможно. Если мы хотим при глаголе *прибежать* выразить фразеологическое значение «очень быстро», то придется прибегнуть уже к фразеологизму *в мгновение ока* (ср.: *Прибежал он в мгновение ока*), который, напротив, не сочетается с глаголами несовершенного вида.

Отмеченная разница в употреблении фразеологических синонимов определяется, как уже указывалось, их исходной образностью. Фразеологический оборот *в мгновение ока* (очень быстро) (*мгновение* от *мигнуть*; *око* — глаз) восходит к обозначению маленького отрезка времени, буквально такого, в который можно лишь моргнуть, т. е. один раз опустить и поднять веки. Фраза *Прибежал он в мгновение ока* буквально значит «прибежал он, затратив столько времени, сколько нужно, чтобы моргнуть».

Значение фразеологического оборота *во весь опор* («очень быстро») связано уже не с выражением времени, затраченного на движение, а с наименованием образа движения. Первоначально фразеологизм *во весь опор* употреблялся лишь для обозначения особого хода лошади — галопа, когда она в полном смысле слова бежит «во весь опор».

Считается, что фразеологические синонимы обычно однотипны и по своей грамматической структуре. Это в принципе верно, но вовсе не структура фразеологических оборотов определяет или ограничивает их синонимию. Ведь синонимия возможна между фразеологизмами только в том случае, если они, помимо общего номинативного, имеют одно и то же лексико-грамматическое значение, т. е. выступают в функции одной и той же части речи; ср.: *ни в коем случае* — *ни под*

каким видом; от корки до корки — от доски до доски, но высуня язык — как угорелый; стреляный воробей — прошел огонь и воду. Фразеологические синонимы обычно однотипны по структуре потому, что чаще всего одну и ту же структуру имеют фразеологизмы, одинаковые по лексико-грамматическому значению.

В синонимическом ряду фразеологических оборотов в качестве доминанты выступают наиболее частотный и стилистически нейтральный фразеологизм. Однако, поскольку фразеологическая синонимия не только сосуществует с лексической, но и — в пределах эквивалентных слову фразеологизмов — образует с ней единое целое, доминантой (в таком случае общего, лексико-фразеологического ряда синонимов) нередко выступает слово. Оно является, естественно, также общеупотребительной единицей с так называемой нулевой стилистической характеристикой; ср.: *неожиданно* — *внезапно* — *как снег на голову* — *как из-под земли*.

§ 34. Фразеологический оборот в его отношении к части речи. Фразеологический оборот всегда выступает в предложении синтаксически неразложимым в качестве того или иного его члена.

Преимущественное употребление того или иного фразеологизма в функции именно этого, а не какого-либо другого члена предложения целиком зависит от его соотносительности с определенной частью речи, т. е. от его лексико-грамматического значения. Например, фразеологизмы *к шапочному разбору* (слишком поздно), *раз плюнуть* (легко), *рукой подать* (близко), *хоть отбавляй* (очень много) по своему лексико-грамматическому значению аналогичны наречиям и в силу этого в предложении являются обстоятельствами; фразеологизмы *задавать храповицкого* (спать), *действовать на нервы* (раздражать) соотносительны с глаголами и поэтому в предложении выступают в качестве сказуемого и т. д.

В соотношении фразеологического оборота с той или иной частью речи большое значение имеет характер грамматически стержневого слова, однако лексико-грамматическое значение стержневого слова далеко не всегда совпадает с лексико-грамматическим значением фразеологизма. Так, фразеологизм *рукой подать* в качестве стержневого слова имеет глагол *подать*, фразеологизм *битый час* имеет в качестве стержневого слова существительное *час*, однако в лексико-грамматическом отношении оба аналогичны наречию.

С точки зрения эквивалентности фразеологических оборотов той или иной части речи их можно разделить на семь основных групп:

- 1) глагольные фразеологические обороты (*упустить из виду*, *встать от сна*, *плакать в жилетку*, *стереть с лица земли*, *натянуть нос*, *пройти мимо* и т. д.);
- 2) субстантивные фразеологические обороты (*игра слов*, *краска стыда*, *дневное светило* — солнце, *авгиевы конюшни* и т. д.);
- 3) наречные фразеологические обороты (*на веки вечные*, *без году неделя*, *в три ручья*, *как снег на голову*, *изо дня в день* и т. д.);
- 4) адъективные фразеологические обороты (*какой ни на есть*, *кожа да кости* — худой, *себе на уме* — хитрый, *чистой воды* — настоящий, *еще какой* — замечательный и т. д.);

5) междометные фразеологические обороты (*Вот тебе и на!*; *И никаких звезд*; *Давно бы так!*; *Скажите, пожалуйста!* и др.);

6) модальные фразеологические обороты (*Что за вопрос?*; *Как бы не так!* *если хотите, к слову сказать, вообще говоря* и т. п.);

7) союзные фразеологические обороты (*несмотря на то что, в силу того что, подобно тому как, между тем как* и т. д.).

Наиболее богатыми и продуктивными, а также структурно более или менее однотипными являются фразеологические обороты первых трех групп.

§ 35. Морфологические свойства фразеологического оборота. Образующие тот или иной фразеологический оборот слова выступают в устойчивом сочетании слов или как морфологически неизменяемые, или как реализующие какие-либо грамматические формы, которые им свойственны в свободном употреблении. Условно можно говорить о морфологических свойствах фразеологизма, постоянно, однако, имея при этом в виду, что речь идет лишь о морфологии составляющих его компонентов.

Так, слова *считанные, битый, ясное, действующее, беговая, дни, час, дело, лицо, дорожка* и т. д., употребляясь свободно, как отдельные лексические единицы, обладают всеми присущими им формами рода, числа и падежа. Иная картина наблюдается во фразеологических оборотах *считанные дни, битый час, ясное дело, действующее лицо, беговая дорожка*. В первых трех оборотах слова не изменяются совершенно, они закреплены в одной единственной форме. В устойчивых сочетаниях слов *действующее лицо, беговая дорожка* компоненты реализуют все формы, присущие им, взятым отдельно (*действующие лица, действующего лица, беговыми дорожками, беговую дорожку* и т. д.). Как видим, несмотря на одинаковую структуру (прилагательное + существительное) фразеологизмы серьезно отличаются друг от друга своей «морфологией».

Морфологические свойства слов в пределах фразеологического оборота зависят в первую очередь от его лексико-грамматического значения и степени семантической слитности. Наречные, междометные, модальные и союзные фразеологические обороты всегда предстают перед нами как морфологически неизменяемые. В глагольных, субстантивных и адъективных фразеологизмах морфологические формы компонентов могут так или иначе реализоваться. Грамматически зависимые слова реализуют эти формы ограниченно. Значительно свободнее они проявляются в компонентах, в грамматическом отношении выступающих как стержневые.

В адъективных фразеологических оборотах способностью к образованию форм обладают лишь такие члены, как прилагательные и глаголы (например: *какой ни на есть, какая ни на есть, какому ни на есть* и т. д., *видал виды, видали виды* и т. д.).

Ограничения в реализации морфологических форм слов в пределах субстантивных оборотов, представляющих собой модель «прилагательное + существительное», касаются лишь образования форм числа и зависят от значения синонимичного обороту слова: если последнее характеризуется абстрактным значением и форм числа не имеет, не

будет их иметь и равнозначный ему по семантике фразеологизм (ср.: *запретный плод* и *желаемое, но запрещенное*, *краеугольный камень* и *основа*, *вавилонское столпотворение* и *суматоха* и т. д.).

Ограничения в образовании морфологических форм слов в пределах глагольных фразеологизмов ярче и чаще всего проявляются в неспособности многих глаголов к образованию видовых пар. Последнее прежде всего зависит от степени семантической слитности фразеологического оборота, а также от той конкретной семантики, которая свойственна фразеологизму как значимой единице (ср. одновидовые глаголы в *играть первую скрипку*, *точить лясы*, *натянуть нос*, *набрать воды в рот*, *выкинуть из головы* и др., с одной стороны, и *вести* — *сводить с ума*, *навести* — *наводить тень на плетень*, *мозолить* — *намозолить глаза*, *попасть* — *попадать впросак* и т. д. — с другой).

В том случае, когда компоненты фразеологизма оказываются способными к образованию тех или иных морфологических форм, возникают различные формы одного и того же фразеологизма (ср.: *срывать цветы удовольствия*, *сорвать цветы удовольствия*, *будет срывать цветы удовольствия*, *срывающая цветы удовольствия* и т. д.). От них надо отличать фразеологические варианты.

В а р и а н т ы фразеологического оборота — это его лексико-грамматические разновидности, тождественные по своему значению и степени семантической слитности, например: *бросить камень* и *бросить камнем*, *гроша ломаного не стоит* и *гроша медного не стоит*.

От вариантов фразеологического оборота следует отграничивать с и н о н и м и ч е с к и е фразеологические обороты.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОБОРОТЫ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ИХ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СЛИТНОСТИ

В качестве воспроизводимой языковой единицы фразеологический оборот всегда представляет собой единое смысловое целое, однако соотношение значения фразеологизма в целом и значений составляющих его компонентов может быть различным. С этой точки зрения фразеологические обороты современного русского литературного языка можно разделить на четыре группы: фразеологические с р а щ е н и я, фразеологические е д и н с т в а, фразеологические с о ч е т а н и я и фразеологические в ы р а ж е н и я.

Предлагаемая классификация фразеологических оборотов представляет собой разработку и уточнение классификации соответствующих языковых единиц, принадлежащей В. В. Виноградову.

§ 36. Фразеологические сращения. Семантически неделимые фразеологические обороты, в которых целостное значение совершенно несоотносительно с отдельными значениями составляющих их слов, называются ф р а з е о л о г и ч е с к и м и с р а щ е н и я м и. Значение такого рода фразеологических оборотов условно, как и семантика

слов с непроемной основой. Например, фразеологические обороты *бить баклуши* (бездельничать) и *очертя голову* (безрассудно) являются такими же немотивированными и условными обозначениями явлений объективной действительности, как составные по образованию слова типа *подражать*, *стремглав* и т. д., где производность не чувствуется и значение слова абсолютно несоотносительно со значениями составляющих его частей.

Фразеологическое сращение *неровен час* равно по смыслу *а вдруг* (например, *неровен час, он заметит это*). По своей семантике оно совершенно несоотносительно с теми значениями, которые свойственны словам *неровен* и *час*.

Такой оборот, как *и никаких гвоздей*, по значению равен словам *баста*, *хватит*. Его целостное значение не вытекает из тех отдельных значений слов *и*, *никаких*, *гвоздей*, которые присущи данным словам в их свободном употреблении.

Если элементы, составляющие фразеологическое сращение, и имеют одинаково звучащие с ними слова, то это соотношение является чисто омонимическим. Так, например, сочетание слов *перемывать косточки*, с одной стороны, может выступать перед нами как фразеологическое сращение, значение которого не вытекает из реальных значений отдельно взятых слов *перемывать* и *косточки* (сплетничать), а с другой стороны, может быть свободным употреблением этих слов в их прямом, номинативном, значении (*Косточки ископаемой птицы пришлось перемывать несколько раз*).

Следовательно, фразеологические сращения — это эквиваленты слов, подводимые под определенные грамматические категории как единые, абсолютно неразложимые смысловые единицы.

§ 37. Фразеологические единства. Вторую группу фразеологических оборотов составляют фразеологические единства. Они, как и фразеологические сращения, являются семантически неделимыми и целостными, однако их целостная семантика мотивирована отдельными значениями составляющих их слов. Неразложимое значение фразеологических единств возникает в результате слияния значений отдельных составляющих их частей в единой обобщенно-переносной семантике целого.

Семантическая неделимость фразеологических единств сближает их с фразеологическими сращениями, а их семантическая производность, обусловленность их значения смыслом отдельных слов отличает их от фразеологических сращений.

Возьмем в качестве примеров фразеологические единства *закинуть удочку*, *Зарыть талант в землю*, *семь пятниц на неделе*, *мелко плавает, из пальца высосать*, *первый блин комом* и т. д. Их значения в отличие от фразеологических сращений являются производными, вытекают из семантики образующих их слов. В этом отношении фразеологические единства аналогичны словам с производной основой, т. е. основой, делимой на морфологические части. Однако необходимо отметить, что эта мотивированность не прямая, а опосредованная. Все весьма многочисленные в русском языке фразеологические единства являются образными выражениями, составными единицами, понима-

ние которых обязательно связано с пониманием того внутреннего образного стержня, на котором они строятся.

Именно образность отличает фразеологические единства от омонимических свободных сочетаний слов. Такие сочетания слов, как *намылить голову*, *брать в свои руки*, *заткнуть за пояс*, *прокатить на вороных* и т. д., одинаково возможны и как фразеологические единства (тогда это будут образные выражения), и как обычные свободные сочетания слов (тогда эти слова будут употреблены в своих прямых, номинативных, значениях).

Фразеологические единства не представляют собой совершенно застывшую массу: составляющие их части могут отделяться друг от друга вставками других слов, например: *зарыть с в о й талант в землю*. Это свойство фразеологических единств резко отличает их не только от фразеологических сращений, но и от подавляющего большинства фразеологических сочетаний и фразеологических выражений.

§ 38. Фразеологические сочетания. Во ф р а з е о л о г и ч е с к и х с о ч е т а н и я х имеются слова как со свободным, так и со связанным употреблением.

Рассмотрим оборот *закадычный друг*. Слово *друг* имеет свободное употребление. Оно может сочетаться не только со словом *закадычный*, но и с целым рядом самых различных слов. Что же касается слова *закадычный*, то оно как бы прикреплено к слову *друг* и может употребляться только с ним.

То же самое наблюдается и во фразеологическом сочетании *заклятый враг*, в котором прилагательное *заклятый* является «вечным спутником» существительного *враг*.

Другие примеры фразеологических сочетаний: *утлый челн*, *кромешная тьма*, *скалить зубы*, *трескучий мороз*, *насунуть брови* и т. д.

Фразеологические сочетания почти не имеют омонимических им свободных словосочетаний. Особенностью их является то, что входящие в их состав слова с фразеологически связанными значениями могут заменяться синонимическими (*скоропостижная смерть* — *внезапная смерть*, *расквасить нос* — *разбить нос* и т. д.). Чем шире круг слов, с которым может соединяться член фразеологического сочетания, имеющий несвободное употребление, тем ближе это сочетание к разряду фразеологических выражений.

§ 39. Фразеологические выражения. По характеру связей слов и общему значению ф р а з е о л о г и ч е с к и е в ы р а ж е н и я ничем не отличаются от свободных словосочетаний. Они не только являются семантически членимыми, но и состоят целиком из слов со свободными значениями (*Любви все возрасты покорны; оптом и в розницу; всерьез и надолго; социалистическое соревнование*).

От фразеологических сочетаний они отличаются тем, что в них нет слов с фразеологически связанным значением. Составляющие их слова не могут иметь синонимических замен, которые возможны для слов с несвободным значением в группе фразеологических сочетаний (например, *разинуть рот* — *раскрыть рот*).

Основная специфическая черта, отграничивающая фразеологические выражения от свободных сочетаний слов, состоит в том, что в про-

цессе общения они не образуются говорящим, а воспроизводятся как готовые единицы с постоянным составом и значением.

Употребление фразеологического выражения *Любви все возрасты покорны* отличается от употребления, например, предложения *Стихи покоряли читателя своей искренностью и свежестью* тем, что оно извлекается говорящим из памяти целиком, так же как отдельные слова или фразеологические обороты, равнозначные слову, в то время как приведенное выше предложение создается говорящим по законам русской грамматики из отдельных слов в процессе общения.

Фразеологическое выражение *партийный билет* не образуется говорящими заново всякий раз, как только им случается об этом говорить, а воспроизводится так же, как, например, слово *партбилет*. Что касается сочетаний *партийное отношение*, *партийная прослойка*, *партийный стаж* и т. д., равно как и сочетаний *билет в кино*, *хороший билет*, *железнодорожный билет* и др., то все они создаются в соответствующей речевой ситуации.

Следует различать фразеологические выражения коммуникативного характера и фразеологические выражения номинативного характера.

Фразеологические выражения первого типа представляют собой предикативные сочетания, равные предложению. Они всегда являются целым высказыванием, выражают то или иное суждение: *Человек — это звучит гордо*; *Суждены нам благие порывы* и т. д.

Фразеологические выражения второго типа являются сочетаниями слов, идентичными лишь определенной части предложения. Они всегда выступают в качестве словесной формы того или иного понятия и, подобно словам, выполняют в языке номинативную (т. е. назывную) функцию: *трудовые успехи*, *на данном этапе* и т. п.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОБОРОТЫ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ИХ ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Среди фразеологических оборотов выделяются четыре группы: 1) исконно русские фразеологические обороты; 2) заимствованные фразеологические обороты; 3) фразеологические кальки и 4) фразеологические полукальки.

§ 40. Исконно русский фразеологический оборот как языковая единица. Под исконно русским фразеологическим оборотом следует понимать такое устойчивое сочетание слов, которое в качестве воспроизводимой единицы или возникло в русском языке, или унаследовано им из более древнего языкового источника. Имея в виду время появления исконно русских фразеологических оборотов в русском языке, их можно разделить на те же три группы, что и слова: общеславянские, восточнославянские и собственно русские

фразеологические обороты. Две первые группы сравнительно немногочисленны. Третья является самой богатой, постоянно и интенсивно увеличивающейся и сейчас.

В подавляющем большинстве исконно русские фразеологические обороты возникли из свободных сочетаний слов, которые по той или иной причине в определенный момент стали фразеологическими, т. е. воспроизводимыми как единое целое. Но среди устойчивых сочетаний слов исконно русского происхождения есть и такие, которые не восходят к свободным сочетаниям, а были образованы по аналогии с уже существующими выражениями.

§ 41. Причины превращения свободных сочетаний слов во фразеологические обороты. Основными причинами являются следующие: 1) постоянное употребление свободных сочетаний слов не в прямом, а в обобщенном и образно-переносном значении; 2) появление в свободном сочетании слов слова связанного, фразеологически ограниченного употребления и 3) выражение свободным сочетанием слов единого понятия, актуального для данной исторической эпохи.

Так, фразеологические обороты *у разбитого корыта, как белка в колесе, человек в футляре, бывшие люди* возникли на базе свободных сочетаний слов, появившихся соответственно под пером Пушкина, Крылова, Чехова и Горького, в результате метафоризации, при постоянном употреблении в переносном, образно-обобщенном значении вне того художественного контекста, в котором они зародились. В силу частого и длительного использования в метафорическом значении превратились во фразеологические обороты и сочетания: *в час по чайной ложке* (первоначально формула, разъясняющая способ приема лекарства), *хоть кол на голове теши* (такая крепкая голова), *на безрыбье и рак рыба, цыплят по осени считают* и т. д.

По другой причине превратились во фразеологические обороты первоначально бывшие свободными сочетаниями слов *красная девица, во сто крат* (*крат* — раз), *потерпеть фиаско, пропасть даром* (слово *даром* здесь употребляется в значении «бесполезно»), *истошный крик* и т. д. Они стали фразеологизмами потому, что в их составе с течением времени у слов со свободным значением появилось значение фразеологически связанное. Так, фразеологическое сочетание *красная девица* состоит сейчас из фразеологически связанного по своему употреблению в значении «красивая, хорошая» слова *красная* и свободного по своему употреблению слова *девица*. О том, что *красная* — «красивая, хорошая» — было раньше свободным по своему употреблению, говорят факты древнерусского языка, в котором это слово способно было соединяться с любым существительным: *уноша краснь зъло* (юноша очень красив); *коль красьна милость въ время скърби* (сколь хорошо благорасположение во время горя) и т. д.

Причиной превращения во фразеологические обороты словосочетаний *сдать в эксплуатацию, социалистическое соревнование, педагогическая практика, режим экономии* и т. п. является обозначение ими единого и притом актуального в настоящее время понятия. Это не значит, что, для того чтобы свободное сочетание слов превратилось во фразеологизм, оно должно обязательно стать единственным назва-

нием соответствующего явления (последнее может иногда выражаться и другими языковыми средствами), однако оно все-таки обязательно должно быть привычной и актуальной, а также частой или даже преимущественной формой выражения соответствующего понятия, по сравнению с которой другие являются или производными и зависимыми (ср.: *педагогическая практика* и *недпрактика* и т. д.), или менее яркими (ср.: *на сто процентов — полностью* и т. п.).

Благодаря постоянному употреблению свободных сочетаний слов в обобщенном, образно-переносном значении возникают фразеологические единства и фразеологические выражения коммуникативного характера. В результате появления в составе первоначально свободного сочетания слов слова связанного употребления образуются фразеологические сочетания. Постоянное и повторяемое обозначение исходно свободным сочетанием слов одного, актуального в данное время понятия приводит к образованию фразеологического выражения номинативного характера.

Исконно русские фразеологические сращения непосредственно из свободных сочетаний не образуются, они возникают в языке как вторичное явление, явление высшей степени фразеологизации, на базе различных фразеологических оборотов.

§ 42. Исконно русские фразеологические обороты, образованные по модели. В качестве примеров моделированных фразеологизмов можно назвать такие обороты, как *березовая каша*, *кормить завтраками*, *городить чушь*, *помирать со смеху*, *сапоги всмятку*, *без году неделя* и т. п. Все они возникли по модели уже существовавших в языке фразеологических оборотов, причем в одном случае с использованием одной их структуры, а в другом — с использованием как структуры, так и отдельных их компонентов. Например, фразеологизм *березовая каша* (порка) возник в качестве фразеологического единства не на базе свободного словосочетания «березовая каша» (такого никогда не было, как не было и нет березовой каши!), а сразу по модели, причем с использованием не только структуры фразеологических сочетаний типа *манная каша*, *пшениная каша*, *гречневая каша* и т. д., но и их грамматически опорного слова *каша*.

Таким образом, моделированные фразеологизмы «не проходят» стадии свободных сочетаний слов с прямым, номинативным, значением. По аналогии с уже имеющимися в языке фразеологическими оборотами они создаются сразу и как образное наименование того, что уже так или иначе названо. Появляются такого рода фразеологизмы всегда как фразеологические неологизмы индивидуально-авторского характера, однако они далеко не всегда закрепляются впоследствии в общем употреблении. Новообразования, возникающие в художественной и публицистической литературе, из контекстуальных оборотов превращаются в общеязыковые фразеологизмы особенно редко.

§ 43. Понятие «заимствованный фразеологический оборот». Под заимствованным фразеологическим оборотом следует понимать такое устойчивое сочетание слов, которое в качестве готовой воспроизводимой единицы языка пришло в русский язык

извне и употребляется в нем в том виде, в котором оно известно или было известно в языке-источнике, без перевода.

В современном русском литературном языке заимствованные фразеологические обороты распадаются на два разряда: 1) фразеологизмы, заимствованные из старославянского языка, и 2) иноязычные обороты без перевода из западноевропейских языков. Первый разряд довольно большой, более или менее стабильный и совершенно обрусевший, второй представляет собой небольшую (постоянно уменьшающуюся) группу книжных выражений.

От заимствованных фразеологических оборотов следует отграничивать как фразеологические кальки и полукальки (см. § 46), так и исконно русские фразеологические обороты, состоящие из иноязычных по происхождению слов. Так, фразеологизм *алгебра революции* состоит целиком из заимствованных слов, однако в качестве устойчивого сочетания слов он возник в русском языке и является исконно русским (ср. исконно русские слова типа *акмеизм*, *нигилист*, состоящие из иноязычных морфем, но возникшие в русском языке).

§ 44. Фразеологические обороты, заимствованные из старославянского языка. После появления на Руси христианства в древнерусском языке закрепились довольно большое количество старославянских выражений, представляющих собой ходячие цитаты из книг Священного писания (Библии, Псалтырей и т. д.).

В силу близости словарного состава и грамматического строя старославянского и древнерусского языков многие из этих фразеологических старославянизмов настолько прочно вошли в нашу фразеологическую систему, что не чувствуется не только их заимствованный характер, но и первоначально характерная для них книжная стилистическая окраска, например: *знамение времени*, *соль земли*, *всей души*, *в плоть и кровь*, *корень зла*, *козел отпущения*, *на сон грядущий*.

Значительная часть фразеологических старославянизмов в своем лексическом составе не содержит никаких специфических слов и грамматических форм, неизвестных современному русскому литературному языку в свободном употреблении (*метать бисер перед свиньями*, *нищие духом*, *не сотвори себе кумира*, *имеющий уши да слышит*, *альфа и омега*, *по образу и подобию*, *всем сердцем* и др.).

Однако многие старославянские по своему происхождению фразеологические обороты в силу традиции их употребления и устойчивости свойственного им лексического состава имеют в себе как устаревшие слова, так и архаичные грамматические формы: *ничтоже сумняшеся* (*ничтоже* — ничуть не, *сумняшеся* — сомневались); *тьма крошечная* (*крошечная* — беспросветная, буквально «внешняя»); *как зеницу ока* (*зеницу* — зрачок); *всякое даяние — благо* (*даяние* — подношение, дар; *благо* — хорошо); *глас вопиющего в пустыне* (*глас* — голос, *вопиющий* — кричащий); *не от мира сего* (*сей* — этот); *до скончания века* (*скончание* — конец, *век* — жизнь); *имя им легион* (*легион* — 10 000) и др.

От фразеологических оборотов, заимствованных из старославянского языка и представляющих собой те или иные изречения из церковно-богослужебных книг, следует отличать фразеологизмы, воз-

никшие позднее на базе библейских и евангельских мифов уже в русском языке. Такими, например, являются в фразеологической системе современного русского языка обороты *избиение младенцев, зарыть талант в землю, строить на песке, волк в овечьей шкуре, вавилонское столпотворение, Содом и Гоморра* и т. д.

§ 45. **Фразеологические обороты без перевода из западноевропейских языков.** В отличие от фразеологических старославянизмов, иностранный характер выражений, заимствованных русским языком без перевода из западноевропейских языков, как правило, совершенно ясен. Нередко они передаются посредством латинского алфавита Слова, из которых они состоят, сохраняют обычно все присущие им в языке-источнике свойства. В этом отношении иноязычные фразеологические обороты без перевода аналогичны лексическим варваризмам, и поэтому могут быть названы иностранными фразеологическими оборотами (например: *honoris causa* «ради почета, за заслуги» — из лат. яз.; *à la guerre comme à la guerre* — «на войне, как на войне» — из франц. яз.; *all right* «хорошо, все в порядке» — из англ. яз.). Чужезычность соответствующих выражений подчеркивается наличием многих из них фразеологических калек (например: *O tempora, o mores* и «О времена, о нравы!» (Цицерон) и т. д.).

Разбираемая группа невелика и продолжает уменьшаться. Сужение круга иностранных фразеологических оборотов происходит не только за счет ухода из употребления в силу их архаизации (например, устаревшие и малоупотребляемые сейчас выражения *ipso facto* «в силу самого факта», *profession de foi* «символ веры», *ultima ratio* «последнее средство» и т. д.), но и в силу того, что они или вытесняются более употребительными однозначными фразеологическими кальками, или сливаются в слова.

§ 46. **Понятие «фразеологическая калка».** Под фразеологической калкой следует понимать фразеологический оборот, появившийся в русском языке в результате буквального, т. е. пословного, перевода иноязычного оборота. Например, в современном русском литературном языке довольно часто употребляется фразеологический оборот *борьба за существование*. Это фразеологическая калка английского выражения *struggle for life*, восходящего к заключительным словам заглавия книги Ч. Дарвина «Происхождение видов путем естественного отбора, или Сохранение благоприятствуемых пород в борьбе за существование» (1859). Соответствующий фразеологизм был переведен по компонентам: существительное *struggle* — словом *борьба*, предлог *for* — предлогом *за*, существительное *life* — словом *существование*.

В разговорной речи употребительно фразеологическое сращение *иметь зуб (против)*. Своим происхождением оно обязано французскому обороту *avoir une dent (contre)* и представляет его калку, буквальный дословный перевод: *avoir* значит «иметь», *une dent* (ср. *дантист*) «зуб», *contre* (ср. *контрудар*) «против». Простой перевод этого французского выражения в том или ином контексте может быть осуществлен употреблением его русского семантического эквивалента *злиться (на кого-нибудь)*.

Пословный перевод иноязычного фразеологического оборота, каким является фразеологическая калька, может быть как абсолютно точным, так и в известной степени приблизительным. Последнее объясняется прежде всего тем, что лексико-грамматические нормы языка, оборот которого калькируется, в известной степени отличаются от лексико-грамматических норм русского языка. В силу этого фразеологические кальки могут быть точные и неточные.

Т о ч н ы е фразеологические кальки — воспроизведение лексико-грамматического состава чуждого фразеологизма без каких-либо отступлений (например: *задняя мысль*, передающее франц. *arrière pensée*; *иметь место*, передающее франц. *avoir lieu*; *синий чулок*, передающее англ. *blue stocking*, и т. д.). Н е т о ч н ы е фразеологические кальки — пословный перевод иноязычного фразеологического оборота с некоторыми отступлениями в лексико-грамматической передаче его отдельных компонентов. Например, тот факт, что в русском языке в качестве определения более обычны препозитивные прилагательные, нежели родительный падеж постпозитивного существительного, привел к тому, что в нем появились такие неточные кальки, как *железная дорога* (франц. *chemin de fer*, буквально «дорога железная») и т. д.

Ф р а з е о л о г и ч е с к а я полукалька появляется тогда, когда часть компонентов иноязычного фразеологического оборота переводится, а часть заимствуется без перевода. Так, французский фразеологизм *battre en brèche* подвергся в русском языке неполному калькированию, при котором слова *battre en* были переведены глаголом *пробить*, а слово *brèche* заимствовано. В результате возникла фразеологическая полукалька *пробить брешь*.

В качестве фразеологических полукалек (ср. лексические полукальки типа *гуманность*, *телевидение* и т. д.) можно назвать обороты: *сделать сцену*, *артезианский колодец*, *принять резолюцию* (франц. *faire une scène*; *puits artésien*, *prendre une résolution*)¹ и т. д.

§ 47. Фразеологические обороты с точки зрения сферы их первоначального употребления. Выше уже говорилось, на какие группы распадаются фразеологические обороты современного русского литературного языка с точки зрения их происхождения. Ясно, что эти группы совершенно не совпадают с теми, которые можно выделить точки зрения того, в какой сфере те или иные сочетания слов стали фразеологизмами. Так, профессиональные выражения могут быть как исконно русскими, так и кальками и полукальками, меткие слова выдающихся людей также могут быть заимствованными и т. д. Поэтому классификация фразеологических оборотов с точки зрения первоначальной сферы их употребления носит подчиненный характер, уточняя и детализируя генетическую классификацию фразеологизмов в целом.

Имея в виду сферу первоначального употребления, фразеологи-

¹ Кроме полукальки, этот французский фразеологизм дал уже в русском языке XVIII в. и фразеологическую кальку *принять решение*.

ческие обороты исконно русского характера можно разделить на следующие группы:

1) выражения из разговорно-бытовой речи, включая сюда и ходячие обороты, и пословицы, и поговорки (*потерять голову; на босу ногу; в сорочке родился; терпенье и труд все перетрут; мал золотник да дорог; вот тебе, бабушка, и Юрьев день; не все то золото, что блестит; цыплят по осени считают; сказка про белого бычка; скатертью дорожку за тридцать земель; сума переметная; хоть кол на голове теши; красная девица; чудеса в решете* и т. д.);

2) выражения из профессиональных диалектов и аргос (разделат под орех, без сучка, без задоринки — из речи столяров; ставить тупик, зеленая улица — из словоупотребления железнодорожников; играть первую скрипку, задавать тон — из профессионального диалекта музыкантов; ни в зуб ногой — из школьного аргоса и т. д.);

3) выражения из книжно-литературной речи, включая:

а) отсложения научной терминологии, например: *отрицательная величина, центр тяжести, довести до белого каления, привести общему знаменателю* и т. д.;

б) устойчивые обороты из художественной литературы и публицистики, которые обычно называются крылатыми словами: *а ларчик просто открывался; слона-то я и не заметил; Кукушка хвалит Петуха за то, что хвалит он Кукушку; медвежья услуга* (Крылов); *ничего не ново под луной* (Карамзин); *во всех ты, душенька, нарядах хороша* (Богданович); *с чувством, с толком, с расстановкой; свежо предание, да верится с трудом; служить бы рад — прислуживаться тошно; и дым отечества нам сладок и приятен* (Грибоедов); *жалок тот, в ком совесть нечиста; не мудрствуя лукаво; окно в Европу; глаголом жгет сердца людей* (Пушкин); *большому кораблю — большое плаванье; унтер-офицерская вдова сама себя высекла; мертвые души; есть еще порох в пороховницах* (Гоголь); *на заре туманной юности* (Кольцов); *жалкие слова; обыкновенная история* (Гончаров); *дворянское гнездо; отцы и дети; лишние люди* (Тургенев); *суждены нам благие порывы; рыцарь на час* (Некрасов); *кисейная барышня; мещанское счастье* (Помяловский); *смотри в корень* (Прутков); *чего изволите; применительно к подлости; административный восторг; мягкотелый интеллигент* (Салтыков-Щедрин); *живой труп* (Л. Толстой); *человек в футляре; двадцать два несчастья; как бы чего не вышло* (Чехов); *в карете прошлого далеко не уедешь; человек — это звучит гордо; рожденный ползать — летать не может; если враг не сдается — его уничтожат* (Горький); *во весь голос* (Маяковский).

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОБОРОТЫ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ИХ ЭКСПРЕССИВНО-СТИЛИСТИЧЕСКИХ СВОЙСТВ

Исходя из сферы употребления фразеологических оборотов современного русского литературного языка и присущих им экспрессивных особенностей, их можно разделить на три больших разряда: фразеология межстилевая, разговорно-бытовая и книжная.

Следует учитывать, конечно, что стилистическая дифференциация устойчивых сочетаний слов, равно как и принадлежность конкретному фразеологизму к тому, а не другому разряду, представляют собой явление историческое: все большее число фразеологических оборотов становится в процессе развития нашей речи межстилевыми, интенсивно возникают новые группы и модели среди фразеологии разговорно-бытовой и книжной, постоянно происходит экспрессивно-стилистическая переоценка отдельных фразеологизмов и т. д. Первый из отмеченных процессов для современного состояния русского литературного языка особенно характерен.

§ 48. Межстилевые фразеологические обороты. Под межстилевыми фразеологическими оборотами понимаются устойчивые сочетания слов, известные и употребляемые во всех стилях языка и представляющие в силу этого фразеологизмы с «нулевой» стилистической характеристикой (*сдержать слово, от всего сердца, тайное голосование, во всяком случае, игра слов, по свежим следам, под открытым небом*).

Межстилевые фразеологизмы, как и межстилевые слова, являются простыми наименованиями явлений объективной действительности, без какой-либо их оценки; они экспрессивно не окрашены и общеупотребительны, а поэтому в ряду синонимичных слов и оборотов всегда выступают как стилистически нейтральные (ср.: *сошел с ума и не все дома, сошел с ума и повредился в уме, поднять голову и задрать нос* и т. д.).

Фразеологических оборотов межстилевого характера много, и количество их, как уже отмечалось, постоянно растет. Однако их все же меньше, чем фразеологизмов, ограниченных в своем употреблении определенной сферой общения. Это объясняется тем, что подавляющее большинство фразеологизмов, эквивалентных по семантике слову, функционируют в русском языке в качестве образных синонимов слов и имеют какую-либо «сниженную» или «повышенную» экспрессивно-стилистическую окраску.

§ 49. Фразеологические обороты разговорно-бытового характера. Фразеологизмы разговорно-бытового характера отличаются от межстилевых фразеологизмов, с одной стороны, более узкой сферой употребления (они преимущественно или исключительно употребляются в устной речи), а с другой стороны, своей специфической «сниженной» экспрессивно-стилистической окраской (ласки, бранности, иронии, презрения, шутки, фамильярности и т. д.). Эти свойства особенно ярко видны при сравнении их с общеупотребительными синонимическими словами (ср.: *убежать — наострить лыжи; говорить — точить*

лясы; нестерпимо — мочи нет; насквозь — до последней нитки; вылечить — поднять на ноги; встревожить — поднять на ноги; выдумать — высосать из пальца; вмешиваться — совать нос; смелый — о двух головах; быстро — со всех ног; враждовать — быть на ножах; отругать — разделить под орех).

Почти все разговорно-бытовые фразеологизмы имеют образный характер и вносят в речь оттенок непринужденности и простоты и, более того, даже некоторой «вольности»: заморить червячка; свинку подложить; ни за понюшку табаку; танцевать от печки; как сельдь в бочке; сколько лет, сколько зим; последняя спица в колеснице; трянуть старинной; по всем статьям; шутки в сторону; веревки вить; раз и навсегда; и не подумаю; в некотором роде; пушкой не прошибешь; талия рюмочкой; стрелять из пушек по воробьям; сидеть на бобах; каши не сварить; маменькин сынок; подлить масла в огонь; грязь месить; мелкая сошка; мягко выражаясь; первый блин комом и т. д.

§ 50. Фразеологические обороты книжного характера. Фразеологизмы книжного характера отличаются от разговорно-бытовых фразеологических оборотов, с одной стороны, совершенно иной сферой употребления (они преимущественно или исключительно употребляются в письменной речи), а с другой стороны, своей специфической «повышенной» экспрессивно-стилистической окраской (книжности, торжественности, патетичности, поэтичности и т. д.). Подсобо книжной лексике, основной сферой употребления книжной фразеологии является строго нормированная литературная речь, стили публицистических и научных произведений, язык художественных произведений, и т. д. Поэтому наиболее яркие группы среди книжной фразеологии образуют фразеологические обороты терминологического, поэтического и публицистического характера.

Особые качества книжных фразеологизмов (как и фразеологизмов разговорно-бытового характера) яснее всего ощущаются тогда, когда они сравниваются с общеупотребительными лексическими синонимами (ср.: происходить — вести начало; сдать — сложить оружие; деньги — золотой телец; случай — игра судьбы; похороны — последний путь; уничтожить — стереть с лица земли; мгновенно — в мгновение ока; жизнь — житейское море; старость — вечер жизни; воздух — воздушный океан; армия — вооруженные силы и т. д.).

§ 51. Фразеологические архаизмы и историзмы. Устаревшие фразеологизмы, так же как и слова, распадаются на две категории: фразеологические историзмы и фразеологические архаизмы.

Фразеологические историзмы — это фразеологические обороты, вышедшие из активного употребления в связи с исчезновением соответствующего явления действительности (*частный пристав, требовать удовлетворения, временно обязанный, статский советник, мировой судья, столбовые дворяне, черта оседлости* и т. д.).

Под фразеологическими архаизмами следует понимать фразеологические обороты, вышедшие из активного употребления в связи с вытеснением их другими устойчивыми сочетаниями слов или отдельными словами, оказавшимися более подходящими для выражения соответствующих понятий (*биться об заклад — спорить,*

держат пари; блуждающие звезды — планеты; Новый Свет — Америка; камень горячий — сера; турецкие бобы — фасоль).

Устаревшие фразеологизмы, как и устаревшие слова, могут быть использованы для создания языкового колорита эпохи, торжественно-патетической речи или комического эффекта. Однако в силу их лексического состава и структуры стилистическое использование фразеологических архаизмов и историзмов иногда может быть подобным тому, какое характерно для фразеологических оборотов, входящих в активный словарный запас языка. В таком случае они подвергаются индивидуально-авторской обработке и выступают в соответствующем контексте уже как фразеологические неологизмы.

§ 52. Стилистическое использование фразеологических оборотов в художественной литературе и публицистике. Фразеологические обороты — яркое стилистическое средство, позволяющее сделать речь сильной и красочной, образной и убедительной.

Меткое крылатое слово, полная народной мудрости поговорка, выразительная идиома оживляют язык, он становится более сочным и эмоциональным. Эти качества фразеологических оборотов четко проявляются даже в разговорно-бытовом общении, когда никаких художественно-образительных целей говорящими не ставится. Однако особенно ясно отмеченные свойства фразеологических средств русского языка видны в произведениях художественной литературы и публицистики.

Стилистическое использование фразеологических оборотов писателями и публицистами всегда является творческим. Фразеологические обороты могут использоваться в определенных стилистических целях как без изменений, так и с иным смысловым значением, обновленной структурой или новыми экспрессивно-стилистическими качествами (в отличие от разговорно-бытовой речи, для которой характерно использование фразеологических оборотов лишь как готовых и целостных смысловых единиц языка).

При использовании в определенных художественных целях фразеологических оборотов без изменения они выступают в авторской речи как одно из средств, делающих речь более разнообразной, живописной, выразительной, а в речи персонажей — как одно из средств их языково-стилистической характеристики. Фразеологизм при таком употреблении не несет на себе никаких дополнительных экспрессивно-стилистических свойств, кроме тех, которые свойственны ему самому по себе. Например: *Твой отец добрый мальчик, — промолвил Базаров. — Но он человек отставной, его песенка спета* (Тургенев); *Но чтоб одни материалы собирать — как это у вас говорится — у ученых мужей слуга покорный* (Салтыков-Щедрин); *Куда, куда вы удалились, Весны моей златые дни* (Пушкин) и т. д.

Когда фразеологический оборот употребляется писателями и публицистами в измененном виде, с иной семантикой или структурой, он получает, помимо заложенных в нем самом (а иногда и вопреки им), новые эстетические и художественные качества, т. е. становится фразеологическим неологизмом.

Исследование писательской и публицистической практики XIX — XX вв. позволяет выделить следующие основные приемы индивидуально-художественной обработки и употребления общенародного фразеологического фонда:

1. Очень часто наблюдается наполнение фразеологического оборота новым смысловым содержанием при сохранении его лексико-грамматической целостности.

Примером такого употребления фразеологических оборотов может служить использование Тургеневым мятлевского оборота «Как хороши, как свежи были розы»¹ в стихотворении в прозе, озаглавленном этим оборотом. Цитируя этот оборот, Тургенев говорит читателю о милых и дорогих днях юности, о ставшей далеким прошлым любви и о горькой и одинокой старости.

2. Не менее частым является обновление лексико-грамматической стороны фразеологического оборота при сохранении его семантики и основных черт структуры. Обновление фразеологического оборота заключается или в замене одного из его компонентов синонимом, или в расширении его состава новым словом, например: *Поднимает площадь шум, экипажи движутся. Я хожу, стишки пишу в записную книжку и жу (Маяковский); Первый дачный блин вышел, кажется, комом (Чехов)*. В обороте *записная книжка* слово *книжка* заменено синонимом *книжица*, а в оборот *первый блин комом*, включено слово *дачный*.

3. Очень эффективным представляется использование фразеологического оборота в качестве свободного сочетания слов. Например, у Маяковского *Сочтемся славою, ведь мы свои же люди* (фразеологический оборот *свои люди — сочтемся*).

4. Не менее выразительным приемом является образование по модели фразеологизмов, существующих в общелитературном употреблении, новых, индивидуально-художественных оборотов.

По модели существующих фразеологизмов и с использованием отдельных их членов созданы, например, такие новообразования: *ваше местоимение* (Чехов) по образцу *ваше благородие*; *Но в ответ коварная она: — Как-нибудь один живи и грейся. Я теперь по махты влюблена в серый «Коминтерн», трехтрубный крейсер* (Маяковский) по образцу *влюблен по уши*; *Во всю ивановскую трачу деньги, которые получил за своего «Иванова»* (Чехов) по образцу *(кричать) во всю ивановскую*.

Только с использованием структуры общеупотребительных фразеологизмов создан оборот *сочинения сочиняешь*: «Нешто музыка без барабана может существовать? И того не понимаешь, а еще *сочинения сочиняешь!*» (Чехов) — по модели *шутки шутишь, думу думать* и т. д.

И то и другое сразу можно наблюдать, например, в отрывке: *Пользы от него, что молока от черта, что от пшенной*

¹ Выражение является первой строкой стихотворения И. Мятлева «Розы»:

Как хороши, как свежи были розы
В моем саду! Как взор прельщали мой!
Как я молил весенние морозы
Не трогать их холодной рукой!.

каши золотой руды (Маяковский). Оба выражения возникли на базе фразеологического оборота *как от козла молока*, но второе с использованием лишь структуры, а первое также с использованием компонента *молока*.

5. Ярким приемом создания стилистического эффекта является употребление фразеологизма, который надо понимать одновременно и как фразеологическое и как свободное сочетание слов, например: *С м а т ы в а й у д о ч к и с е й ч а с ж е,— обратился Сухарько к Павке.— Ну, быстрее, быстрее,— говорил он, видя, что Павка спокойно продолжает удить* (Н. Островский); *А давай-ка, Светлана, надень ты свое розовое платье. Возьмем мы из-за печки мою походную сумку, положим туда твоё яблоко, мой табак, спички, нож, булку и уйдем из этого дома к у д а г л а з а г л я д я т. Подумала Светлана и спрашивает: «А куда твои глаза глядят?»* (Гайдар); *В этой части он с о б а к у с ъ е л.— Ох, ах, не говорите так, наша мама очень брезглива* (Чехов).

6. Наиболее часто встречающимся приемом является употребление целью особой художественной выразительности не фразеологического оборота, а его общего образа или содержания. Фразеологического оборота, как целостной языковой единицы в контексте уже нет, однако для правильного понимания контекста и восприятия его эстетических качеств необходимо знать и иметь в виду фразеологизм в том виде, в каком он употребляется в языковой системе: *Самое последнее выведенное яйцо гораздо дороже и ценней вкуса, предлагаемого аскетизмом* (Салтыков-Щедрин), используется оборот *выведенного яйца не стоит*; *Мне делается неловко за публику, которая ухаживает за литературными болонками только потому, что не умеет замечать слонов* (Чехов), используется оборот *Слона-то я и не приметил*; *В этой теме, и личной, и мелкой, перепетой не раз и не пять, я кружил поэтической белкой и хочу кружиться опять* (Маяковский), используется оборот *кружиться как белка в колесе*; *Что будет — радуюсь тому, Пою о том, что есть. Пылать здесь сердцу моему И разрываться здесь* (М. Дудин), используется оборот *разрыв сердца*.

7. Встречается также (правда, значительно реже, нежели отмеченные выше приемы) смешение двух фразеологизмов: или «сливаются» воедино два фразеологических оборота, имеющих в качестве компонента одни и те же или омонимические слова, или объединению подвергаются фразеологизмы с синонимами и антонимами.

Например, в фельетоне Г Рыклина «Тысяча глупостей» сливаются обороты *и никаких гвоздей* и *гвоздь сезона*: «Солдаты требовали, чтобы им показали иностранные фильмы... даешь Фербенкса и Мэри Пинкфорд, и никаких других «гвоздей сезона!»

8. Довольно свободно писатели и публицисты для создания определенного художественного эффекта используют рядом с фразеологическим оборотом одно из образующих его слов (естественно, уже в качестве лексической единицы свободного употребления): *Нередко трон занимали ц а р и б е з ц а р я в г о л о в е* (И. Рябов); *В этом зареве ветровом Выбор был небольшой. Но лучше прийти с п у с т ы и р у к а в о м, Чем с п у с т о й д у ш о й* (Сурков).

При анализе стилистического использования фразеологических оборотов художниками слова следует всегда исходить из наличной фразеологической системы, строго и четко дифференцируя от авторской трансформации факты свободного употребления слов. Особенно важно — в силу возможности принять одно за другое — учитывать это при анализе речевой практики писателей и публицистов прошлого.

Важнейшие процессы в развитии лексики и фразеологии русского языка в советскую эпоху

§ 53. Пополнение лексики и фразеологии новыми единицами. Словарный состав языка является наиболее чувствительным к изменениям в жизни народа — носителя и творца языка. Непосредственно связанный с разнообразной деятельностью человека в обществе, он изменяется почти непрерывно.

Естественно поэтому, что те коренные сдвиги, которые произошли в общественно-политической, экономической и культурной жизни нашей Родины после Великой Октябрьской социалистической революции, привели к серьезному обновлению лексической системы русского языка. Это обновление современной словарной системы нашло особенно яркое отражение: 1) в появлении в активном словарном запасе новых слов и фразеологических оборотов; 2) в закреплении за целым рядом слов и оборотов новых значений; 3) в переходе некоторых устаревших слов и оборотов в пассивный словарный запас; 4) в утрате отдельными словами некоторых старых значений и 5) в расширении состава общенародной и межстилевой, т. е. общеупотребительной, лексики и фразеологии за счет отдельных, ранее стилистически ограниченных групп слов и оборотов.

Самым заметным и в то же время важным процессом, происходящим в словарном составе современного русского литературного языка, является процесс пополнения лексики и фразеологии новыми единицами, процесс возникновения и укрепления в общелитературном употреблении новых слов и выражений.

По своему происхождению и характерным особенностям они делятся на две большие группы. Первую группу составляют новобразования советской эпохи, появившиеся в русском языке (на базе существовавших в нем или появившихся извне слов) по действующим законам и моделям словообразования и возникновения фразеологизмов. Они образуют подавляющее количество лексико-фразеологического материала, вошедшего в русский язык в советскую эпоху. Среди них наблюдаются как слова, так и устойчивые выражения. Большая часть их представляет собой факт общелитературного употребления.

Весьма значительный пласт среди них составляют советизмы, т. е. такие слова и фразеологические обороты, которые являются

выражением и наименованием понятий, явлений и предметов, представляющих собой специфическую особенность нашей социалистической действительности (*колхоз, СССР, комсомол, плановость, перевыполнить, воскресник, подшефный, по-советски, марксистско-ленинский, культурно-бытовой, секретарь райкома, депутат Верховного Совета, лампочка Ильича, кандидат филологических наук, художественная самодеятельность, новатор производства, поделиться опытом, подхватить инициативу* и т. п.).

Вторую группу образуют заимствования советской эпохи из других языков. В количественном отношении они немногочисленны. За вычетом немногочисленных фразеологических калек, это отдельные слова. В подавляющем большинстве они представляют собой научно-технические термины. Среди них нет слов, выражающих понятия и называющих предметы, являющиеся специфической особенностью нашей советской жизни и, напротив, есть такие, которые характерны для капиталистического строя (*босс, вермахт, фашизм, реваншист* и т. д.).

В группе новообразований советской эпохи наблюдаются самые разнообразные по своему типу и структуре слова и фразеологические обороты. Среди новых слов, появившихся в русском языке после Октября, подавляющее большинство составляют образованные при помощи таких морфологических способов словообразования и по таким словообразовательным моделям, которые были продуктивными и до революции. В качестве такого рода слов можно указать: *атомход, телевизионный, самокритично, эстрадник, болельщик, орденоносец, новостройка, предпусковой, рельсоукладчик, экранизировать, снегование, нестандартный, бесперебойный, краснознаменный, самообслуживание, отставание, самоотвод, экскаваторщик, льготник, передовик, среднесуточная, ударник, отгрузить, месячник, домоуправление, перерасходовать, спаянность, заготовитель, тепловоз, грузовик, высокотоварный, суворовец, высотник, газоснабжение, шефствовать, сухофрукты, заочник, переподготовка, сработаться, электричка* и др. Особенно много новых слов, образованных при помощи продуктивных и прежде способов словопроизводства, появилось с суффиксами *-ние (-ение), -ость, -ик, -чик, -щик* и путем сложения слов или основ.

Однако есть в этой группе и такие слова, словообразовательная модель которых могла существовать и ранее, но лишь в качестве малопродуктивной.

Сюда относятся прежде всего:

1) сложносокращенные существительные: *КПСС, горсовет, парторг, юннат, завхоз, агитпункт, компартия, технорук, техред, вуз, завком, кожмит, партбюро, автобаза, сельпо, стенгазета, жилфонд, детсад, стройматериалы, авиапочта, сельхозартель, автозавод, аэродром, телецентр, леспромхоз, профсоюз, ОТК, МГУ, санбат, дот* и др.

2) сложносоединенные прилагательные: *трамвайно-троллейбусный, идейно-теоретическая, отчетно-выборное, хозяйственно-политический, научно-исследовательский, инженерно-технический, жилищно-бытовая, планово-экономический* и т. д.;

3) сложносоединенные существительные: *город-герой, мать-героиня, пистолет-пулемет, платье-костюм, кресло-кровать, фабрика-кухня, вагон-ресторан* и т. д.;

4) существительные, возникшие при помощи суффикса *-к-а* на базе словосочетания из существительного и прилагательного: *зенитка — зенитное орудие, фугаска — фугасная бомба, бетонка — бетонная дорога, тушенка — тушеное мясо, десятилетка — десятилетняя школа, многотиражка — многотиражная газета* и т. д.

§ 54. Семантические и стилистические изменения в лексике и фразеологии. Помимо появления собственно новых лексических единиц в результате того или иного морфологического способа словообразования, в советское время в целом ряде старых, существовавших и ранее слов появились новые значения и эмоционально-стилистические оттенки. Этот процесс развития в некоторых словах *н о в о й*, до этого неизвестной им *с е м а н т и к и* приводил или к возникновению у слова более разветвленной и многообразной гаммы значений, или к возникновению из одного слова двух слов-омонимов. Так, например, слово *кустарный* до революции было относительным прилагательным от слова *кустарь* и обозначало «производимый домашним, не фабричным способом» (например: *кустарная мастеровская; кустарное изделие* и т. д.). В наше время оно, сохранив старое значение, приобрело новое — «примитивный, неискусный, бессистемный», став в этом значении качественным прилагательным (например: *кустарное, чрезвычайно кустарное*).

Слово *пионер*, ранее обозначавшее солдата военно-инженерных войск и человека, прокладывающего новые пути в какой-либо области деятельности или знания, стало после революции названием члена детской коммунистической организации.

Среди семантических новообразований советской эпохи можно отметить, например, слова: *спутник, призывы* (в значении «лозунги»), *пол* (в значении «половина» в выражениях: *полпятого, полвторого*), *бригадир* (в значении «руководитель бригады как определенного коллектива»), *актив* (*партийный актив, профсоюзный актив*), *Октябрь* (в значении «Великая Октябрьская социалистическая революция»), *вожатый* (в значении «руководитель в пионерском отряде»), *либеральный* (в значении «нетребовательный»), *нагрузить* (в значении «дать поручение»), *зарядка* (в значении «комплекс физкультурных упражнений»), *плитка* (в значении «электрическая плитка»), *шефствовать* (осуществлять шефство над кем-нибудь), *ясли* (*детские ясли*), *участок* (область, сфера, отрасль какой-либо общественной деятельности), *перекрыть* (в значении «перевыполнить»), *титан* (в значении «кипятильник»), *сигнал* (в значении «предупреждение»), *самотеком* (в значении «стихийно») и т. д.

Данные слова в своих значениях нередко становятся базой для образования новых слов при помощи морфологического способа словообразования. Так, от слова *кустарный* в значении «примитивный, неискусный, бессистемный» в советскую эпоху было образовано слово *кустарно*; от слова *Октябрь* в значении «Великая Октябрьская социалистическая революция» появились слова *послеоктябрьский, октябре-*

нок; от слова *пионер* в значении «член детской коммунистической организации» возникли слова *пионерский*, *пионерия*, *пионервожатый*, *пионерка*; от слова *актив* в его новом значении были произведены слова *активизировать*, *активист* и т. д.

После Октября немало вошло в русский язык и устойчивых сочетаний слов различной смысловой спаянности, семантики и стилистического употребления. В качестве новых, советского времени фразеологических оборотов можно отметить выражения: *зеленая улица*, *торговая сеть*, *трудовые успехи*, *подъемный кран*, *звездный пробег*, *шагающий экскаватор*, *Почетная грамота*, *педагогическая практика*, *запасные части*, *главный агроном*, *старший преподаватель*, *самоходный комбайн*; *проводить беседу*, *проводить в жизнь*, *сдать в эксплуатацию*, *развязать войну*, *держат курс на что-нибудь*, *снять с работы*; *режим экономии*, *председатель колхоза*, *чувство нового*, *поджигатели войны*, *проверка исполнения*; *на все сто*, *крупным планом*, *высшее учебное заведение*, *страны народной демократии*, *целиком и полностью* и т. д.

Очень важны и те изменения, которые касаются не самого состава лексико-фразеологического материала, а его стилистического распределения, употребительности в более или менее широкой сфере языкового общения.

Основным процессом в данном случае является резкое увеличение (по сравнению с тем, что было до революции) в общей системе словарного состава пласта общенародной лексики и фразеологии. В связи с ликвидацией неграмотности, с невиданным подъемом культуры русского народа в советское время в общенародную лексику и фразеологию вошли многие слова и выражения по происхождению общественно-политические, научные и технические термины, ранее представлявшие стилистически ограниченные факты.

§ 55. Архаизация слов и фразеологизмов. Значительно в меньшей степени, нежели процесс появления новых слов и фразеологических оборотов, повлиял на изменение словарного состава русского языка в советское время процесс противоположный, процесс ухода некоторых слов и фразеологизмов из активного употребления в пассивный словарный запас, процесс перехода их в разряд устаревшей лексики и фразеологии. В своей подавляющей массе это было превращение фактов активного словарного запаса в историзмы, т. е. выход из активного употребления того или иного слова или оборота в результате исчезновения из нашей советской действительности соответствующих предметов, вещей, явлений и т. п. (исчезновение старой бюрократической государственной машины, старых общественных отношений, старого быта и т. д.). Сюда относятся слова: *царь*, *граф*, *урядник*, *городовой*, *лавочник*, *фрейлина*, *столначальник*, *сиделец*, *трактир*, *гимназия*, *гувернер*, *институтка*, *бонна*, *будуар*, *половой* (в трактире), *дума* (городская), *земство*, *сенат*, *казначейство*, *побдать*, *соха*, *кредитка*; *реальное училище*, *постоялый двор*, *титularный советник*, *классная дама*, *ваше благородие*, *милостивый государь* и т. п.

Несравненно меньше отмечается случаев вытеснения из активного словарного запаса одних слов и фразеологических оборотов другими, т. е. появление архаизмов. В качестве примеров можно при-

вести слово *аэроплан*, вытесненное из активного словарного употребления словом *самолет*; слово *авиатор*, на смену которому в активном словарном запасе пришло слово *летчик*; слово *манкировать*, отнесенное в пассивное употребление словом *пренебрегать*; слово *провинция*, ставшее малоупотребительным после укрепления в активном словарном запасе слова *периферия*; слово *бомбовоз*, отошедшее в пассивный словарный запас благодаря появлению слова *бомбардировщик* и т. д.

Особый разряд лексических архаизмов возникает в сфере топонимики в связи с переименованием ряда областей, городов, деревень, улиц и т. д. В эту группу входят слова типа *Петербург* и *Петроград* (ныне Ленинград), *Тверь* (ныне Калинин), *Козлов* (ныне Мичуринск), *Раненбург* (ныне Чаплыгин), *Полторацк* (ныне Ашхабад), *Триумфальная площадь* (ныне площадь Маяковского в Москве), *Тверская улица* (ныне улица Горького в Москве), *Гокча* (ныне Севан) и др.

ЛИТЕРАТУРА

Б а б к и н А. М. Русская фразеология, ее развитие и источники.— М.; Л.: Наука, 1970.

В и н о г р а д о в В. В. Основные типы фразеологических единиц в русском языке // Виноградов В. В. Русский язык: Грамматическое учение о слове.— 2-е изд.— М.: Высшая школа, 1972.

Д а н и л е н к о В. П. Русская терминология: Опыт лингвистического описания.— М.: Наука, 1977.

Ж у к о в В. П. Семантика фразеологических оборотов.— М.: Просвещение, 1978.

Л а р и н Б. А. Очерки по фразеологии // Уч. зап. ЛГУ. Сер. филолог. наук.— 1956.— № 198.— Вып. 24.

М о л о т к о в А. И. Основы фразеологии русского языка.— Л.: Наука, 1977.

О ж е г о в С. И. О структуре фразеологии // В кн.: Ожегов С. И. Лексикология. Лексикография. Культура речи.— М.: Высшая школа, 1974.

П о п о в Р. Н. Фразеологизмы современного русского языка с архаичными значениями и формами слов.— М.: Высшая школа, 1976.

Ш а н с к и й Н. М. Фразеология современного русского языка.— М.: Высшая школа, 1986.

ВАЖНЕЙШИЕ СЛОВАРИ РУССКОГО ЯЗЫКА

§ 56. Предмет лексикографии русского языка. Работа по сборанию и систематизации слов и фразеологических оборотов называется лексикографией. Ее основное содержание — составление лингвистических словарей, т. е. словарей, в которых представлена и объясняется лексика и фразеология какого-либо языка.

Разнообразным лингвистическим словарям противостоят специальные словари справочного характера, например: Большая Советская Энциклопедия, Краткий технический словарь, Сельскохозяйственный словарь-справочник, Словарь литературоведческих терминов, Словарь лингвистических терминов О. С. Ахмановой, Словарь-справочник лингвистических терминов Д. Э. Розенталя и М. А. Теленковой (пособие для учителей, 3-е изд. М., 1985). В них объясняются не слова, а предметы и лица, явления и понятия, обозначаемые теми или иными словами. К словарям этого типа относится также книга «Русский язык. Энциклопедия» (М., 1979).

Лингвистические словари в зависимости от своих целей и объясняемого языкового материала делятся на несколько категорий.

§ 57. Основные лингвистические словари русского языка.

1. Словари, в которых средствами родного языка объясняются слова чужого языка (и наоборот), называются *переводными* (русско-английский словарь, чешско-русский словарь и т. д.). Они могут быть как двуязычными, так и многоязычными.

2. Чрезвычайно распространены и словари, в которых объясняются слова, бытующие в родном языке. Наиболее известными и употребительными среди них являются *толковые словари*, в которых слова объясняются как с семантической и грамматической точек зрения, так и с точки зрения экспрессивно-стилистической. Дается в них также правописание и произношение слова, а иногда и указания этимологического характера.

Помимо слов, толковые словари включают в свой объяснительный материал и фразеологические обороты. Фразеологические обороты в них не образуют особых статей, а включаются в словарные статьи тех слов, которые являются их основными составными элементами.

Подавляющее большинство толковых словарей русского языка

является нормативными словарями, отражающими правила и законы русского литературного языка.

Толковые словари русского языка могут быть комплексными и аспектными. В первых слова объясняются как факты лексической системы языка в целом. Во вторых объясняются либо отдельные сообщества слов (синонимы, антонимы, паронимы, иностранные слова и т. д.), либо отдельные словесные характеристики (происхождение — в этимологических словарях, ударение — в акцентных словарях и т. д.).

Первым толковым словарем русского языка был «Словарь Академии Российской» (1789—1794).

Ценным лексикографическим пособием для каждого интересующегося русской лексикой и фразеологией является вышедший первым изданием в 1863—1866 гг. «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля. Словарь включает около 200 тысяч слов. В нем не только содержится лексика русской письменной речи XIX в., но и удивительно полно и широко представлены слова и фразеологические обороты живой, разговорной речи.

Замечательным научным трудом, отражающим лексику русского литературного языка, «как он образовался со времен Ломоносова», является неоконченный словарь отделения русского языка и словесности Академии наук. Первый том его (А — Д) под ред. Я. К. Грота был издан в 1895 г., затем словарь выходил отдельными выпусками под ред. А. А. Шахматова (Е — К), В. И. Чернышева, Л. В. Щербы и других до 1937 г.

Среди толковых словарей русского языка советской эпохи первое место по заслугам принадлежит «Толковому словарю русского языка» (1935—1940, т. I—IV) под ред. проф. Д. Н. Ушакова, составленному проф. В. В. Виноградовым, проф. Г. О. Винокуром, проф. Б. А. Лариным, доц. С. И. Ожеговым, Б. В. Томашевским. Этот словарь по типу и задачам представляет собой тот словарь «настоящего русского языка», «словарь слов, употребляемых *теперь* и *классиками*, от Пушкина до Горького»¹, о необходимости создания которого В. И. Ленин говорил еще в 1920 г.

Словарь под ред. Д. Н. Ушакова является нормативным словарем современного русского литературного языка. Его нормативность ясно сказывается не только в указаниях о значении слова, его грамматических свойствах, экспрессивно-стилистических качествах, орфографии и литературном произношении, но и в самом отборе языкового материала. В словаре объясняются лишь слова современного русского литературного языка (в том числе и общеупотребительные новообразования советской эпохи). Областные слова и специальные термины узкого употребления в словарь, как правило, не включаются. Всего в словаре 85 289 слов. В настоящее время словарь под ред. Д. Н. Ушакова во многом устарел.

На базе «Толкового словаря русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова создан С. И. Ожеговым однотомный «Словарь русского языка»

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 51.— С. 122.

(первое издание вышло в 1949 г.; девятое, исправленное и дополненное, под ред. Н. Ю. Шведовой — в 1972 г.). Словарь включает около 57 тыс. наиболее употребительных слов современного русского литературного языка.

С 1950 по 1965 г. вышло в свет 17 томов удостоенного затем Ленинской премии «Словаря современного русского литературного языка» Академии наук СССР. Этот словарь нормативный и толково-исторический одновременно. Он содержит «все лексическое богатство русского литературного языка с грамматической его характеристикой, преимущественно от эпохи Пушкина до наших дней».

На основе картотеки «Словаря современного русского литературного языка» АН СССР был создан краткий академический «Словарь русского языка» в четырех томах (М., 1957—1960; изд. 2, М., 1981—1984). Он представляет собой нормативный словарь современного русского литературного языка, очень близкий по своему профилю и объему к «Толковому словарю русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова, естественно с соответствующими изменениями в словарном составе.

Толковые словари могут охватывать либо всю лексику общенационального языка, либо лишь ту или иную ее часть (словари литературного языка, диалектные словари, словари писателей, словари терминов, сокращений и т. д.).

Диалектные словари могут строиться либо как словари, дающие характеристику всего словарного состава того или иного говора, диалекта, наречия, либо как словари, являющиеся собранием диалектной лексики в отличие от общенародной.

Наиболее важным из словарей второго типа является «Опыт областного великорусского словаря» Второго отделения Академии наук (1852 г.; в 1858 г. издано большое «Дополнение»). Несмотря на серьезные недочеты (недостаточное количество материала, несовершенная передача звучания слова, не всегда правильная характеристика диалектной принадлежности слова и т. д.), он как единственный пока полный диалектный словарь обобщающего характера не потерял научного значения до сих пор.

Среди словарей, отражающих специфику лексики отдельных диалектов (правда, с теми же недостатками, что и «Опыт» и «Дополнение» к нему), заслуживают внимания словари В. Богораза («Областной словарь колымского русского наречия», 1901), Н. Васнецова («Материалы для объяснительного областного словаря вятского говора», 1908), В. Добровольского («Смоленский областной словарь», 1914), Г. Куликовского («Словарь областного олонекского наречия», 1898), А. Подвысоцкого («Словарь областного архангельского наречия», 1885), А. Миртова («Донской словарь», 1929). В 1961 г. вышел «Краткий ярославский областной словарь» Г. Г. Мельниченко.

В 1965 г. началось издание многотомного «Словаря русских народных говоров» под ред. Ф. П. Филина (вышел уже целый ряд выпусков; издание продолжается). Эта работа представляет собой исчерпывающее собрание диалектных слов, зафиксированных во всех ранее вышедших областных словарях, словариках и списках (не только печатных, но и рукописных). Создание этого обобщающего

лексикографического труда по диалектологии сопровождается активной работой наших лингвистов по составлению самых различных диалектных словарей регионального и монографического характера. Среди последних особенно следует отметить «Словарь современного русского народного говора (д. Деулино, Рязанского района, Рязанской области)», выпущенный в 1969 г. издательством «Наука» под ред. И. А. Оссовецкого, и «Диалектный словарь личности» В. П. Тимофеева (Шадринск, 1971).

Особым видом толковых словарей являются словари иностранных слов, в которых дается характеристика лишь тех заимствованных слов, которые в силу узкой сферы употребления осознаются как «иностранные». Иноязычные слова широкого употребления, прочно вошедшие в плоть и кровь русского языка (вроде *комната, суп, кровать, базар, изюм* и т. п.), в таких словарях не толкуются. Словари иностранных слов выполняют две задачи: 1) объясняют значение того или иного иноязычного слова; 2) указывают происхождение его в русском языке, в связи с чем отмечаются язык-источник и исходное слово, даются иногда также указания относительно их грамматических свойств и произношения.

Наиболее известным является словарь под ред. И. В. Лехина, Ф. Н. Петрова и др. (7-е изд., переработанное. М., 1980). В нем объясняются 19 тыс. иностранных слов, наиболее распространенных в научной, публицистической и художественной речи. За объясняемым словом в скобках указывается язык-источник и заимствованное слово в латинской транскрипции, далее следует объяснение значения. Если слово пришло в русский язык через посредство какого-либо языка, то указывается как язык-источник, так и язык-передатчик.

Пользуясь словарем иностранных слов, следует иметь в виду, что как правило в нем отождествляется реальное возникновение слова в том или ином языке с этимологическим составом слова.

В нашей лексикографии существует лишь один словарь неологизмов. Это словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов «Новые слова и значения» под ред. Н. З. Котеловой и Ю. С. Сорокина (М., 1971). Словарь содержит около 3500 новых слов и значений, появившихся после Великой Отечественной войны (особенно в 50—60-х гг. XX в.). Словарная статья содержит толкование семантики слова, примеры, в отдельных случаях — стилистическую помету. Неологизмы более позднего времени нашли отражение в книге «Новые слова и словарь новых слов», под ред. Н. З. Котеловой (Л., 1983.— С. 158—222) и в словаре: Новые слова и значения / Под ред. Н. З. Котеловой (М., 1984).

В ономастических словарях русского языка объясняются собственные имена. Это «Словарь русских личных имен» Н. А. Петровского (М., 1966) и «Краткий топонимический словарь» В. А. Никонова (М., 1966). Как первые опыты этого рода, они неполны по материалу и не очень совершенны в лингвистическом и лексикографическом отношении. Тем не менее это работы нужные и полезные. Словарь Н. А. Петровского содержит около 2600 мужских и женских имен, известных русскому языку. «Краткий топонимический словарь»

содержит сведения историко-лингвистического характера приблизительно о четырех тысячах различных географических названий, употребляющихся сейчас в русском языке. В словарной статье толкуется не только топоним, но и соответствующий географический объект, так что справочник В. А. Никонова носит полуэнциклопедический, полужыковедческий характер.

В словаре сокращений расшифровываются сокращенные слова русского языка. Около 15 тыс. слов содержит «Словарь сокращений русского языка» Д. И. Алексеева и др. (2-е изд., исправленное и дополненное, 1977).

Словарь языка писателя охватывает лексику, использованную во всех произведениях автора. В качестве примера словаря такого типа следует назвать «Словарь языка Пушкина» (т. 1—4. М. 1956—1961, отв. ред. акад. В. В. Виноградов).

Кроме того, создаются толковые словари языка отдельных произведений. Примером может служить «Словарь автобиографической трилогии М. Горького» (под ред. Л. С. Ковтун; выходит отдельными выпусками с 1974 г.).

Объектом описания и характеристики фразеологических словарей являются уже не отдельные слова, а целостные фразеологические обороты. В этих словарях объясняются значения фразеологических оборотов, их происхождение и экспрессивно-выразительные свойства.

В 1967 г. вышло первое издание «Фразеологического словаря русского языка» (под ред. А. И. Молоткова). В этом словаре предлагаются объяснения значений и контексты употребления более 5 тыс. фразеологических оборотов русского языка. За пределами фразеологического словаря оказались пословицы и поговорки и устойчивые сочетания слов типа: 1) *египетская работа*, 2) *одержатъ победу*, 3) *впадать в истерику*, 4) *из года в год*, 5) *анютины глазки* и т. д. Представленный в словаре под ред. А. И. Молоткова фразеологический материал в результате этого значительно уступает тому, который мы находим в толковых словарях (см. выше).

«Словарь русских пословиц и поговорок» (М., 1966), составленный В. П. Жуковым, содержит большой и интересный материал, посвященный фразеологизмам коммуникативного характера, структурно равным предложениям.

Из старых справочников по русской фразеологии наиболее известным и содержательным является словарь М. И. Михельсона «Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний» (т. I—II, 1903—1904).

Кроме словаря М. И. Михельсона, среди работ, посвященных русской фразеологии, следует прежде всего отметить одноименные сборники «Крылатые слова» С. В. Максимова (1-е изд., 1890) и Н. С. и М. Г. Ашукиных (1-е изд., 1955; 2-е изд., 1960). Несмотря на то что эти работы составлены неспециалистами и в силу этого имеют очень существенные недостатки как в классификации материала, так и в его объяснении, они полезны, одна (Максимова) — для объяснения некоторых оборотов разговорной фразеологии, другая (Ашуки-

ных) — для объяснения некоторых оборотов книжной фразеологии, появившихся в XX в.

Фразеологический материал в известной степени освещается и в толковых словарях русского языка. Особенно богато он представлен в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. Даля, в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова и в «Словаре современного русского литературного языка» АН СССР.

2. Кроме комплексных толковых, к словарям, объясняющим слова, употребляющиеся в лексике родного языка, относятся также и а с п е к т н ы е словари (словари синонимов, словообразовательные, этимологические и т. д.).

В словарях с и н о н и м о в при помощи одних слов объясняются значения и экспрессивно-стилистические свойства других, являющихся синонимическими. Словари синонимов представляют собой собрания синонимических рядов со стержневым словом ряда в качестве заглавного. Научного словаря синонимов русского литературного языка, охватывающего все основные синонимические ряды, пока еще нет.

Полезна книга В. Н. Ключевой «Краткий словарь синонимов русского языка» (1956; 2-е изд., 1961). Словник словаря во втором издании составляет около 3 тыс. слов. В конце книги в качестве приложения даны алфавитный индекс синонимов (с выделением основных слов) и индекс синонимических рядов. Словарная статья в «Кратком словаре синонимов русского языка» состоит из указания синонимического ряда, объяснения разницы, существующей между синонимами, и примеров.

В 1968 г. издательство «Советская энциклопедия» выпустило «Словарь синонимов русского языка», составленный З. Е. Александровой. В словаре содержится около 9 тыс. синонимических рядов.

В 1970—1971 гг. вышел двухтомный «Словарь синонимов русского языка» Академии наук СССР под ред. А. П. Евгеньевой. В 1975 г. на его основе создан однотомный «Словарь синонимов». Словарь снабжен введением, излагающим точку зрения автора на проблему синонимов, а также объясняющим особенности построения словаря. В словаре дается подробное семантико-стилистическое объяснение всех слов синонимического ряда, иллюстрируемое затем примерами.

Боле 2 тыс. пар или групп о м о н и м о в содержит «Словарь омонимов русского языка» О. С. Ахмановой (М., 1974).

В словарях а н т о н и м о в собраны пары слов, объединенных противоположностью значений. Преподавателям и студентам адресованы словари антонимов Л. А. Введенской (Ростов-на-Дону, 1971) и Н. П. Колесникова (под ред. Н. М. Шанского. Тбилиси, 1972). Наиболее полным является «Словарь антонимов русского языка» М. Р. Львова (под ред. Л. А. Новикова. М., 1985).

С л о в о о б р а з о в а т е л ь н ы е словари знакомят читателя с морфологической структурой слова. Первой попыткой создания такого учебно-методического пособия, как толково-нормативный справочник для учителей, является «Школьный словообразовательный словарь» З. А. Потихи, во втором издании (М., 1964) под ред. и с

предисловием чл.-кор. АН СССР С. Г. Бархударова. Этот словарь знакомит читателя с морфемным строением около 25 тыс. слов.

В 1985 г. вышел «Словообразовательный словарь русского языка» А. Н. Тихонова, включающий в себя около 145 000 слов.

Формы словоизменения отражены в «Грамматическом словаре русского языка». А. А. Зализняка (М., 1977). Словарь содержит характеристики около 100 тыс. слов.

Исторические словари содержат указания о том, как звучало слово, какие значения и грамматические свойства оно имело в прошлом. Настоящего исторического словаря русского языка, в котором бы давалась история слова (т. е. время возникновения в качестве языковой единицы, изменение и развитие его значений, модификация его словообразовательной структуры и звучания и т. д.), пока еще нет.

Русская лексикография располагает в настоящее время небольшими по материалу словарями А. Дювернуа («Материалы для словаря древнерусского языка», 1894) и Г. Кочина («Материалы для терминологического словаря Древней Руси», 1937) и словарем И. И. Срезневского «Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» (в трех томах и одном дополнительном, 1893—1912; фототипически переиздан в 1958 г.).

Словарь И. И. Срезневского представляет собой обширное собрание словарного материала (около 120 тыс. слов) из древнерусских памятников XI—XV вв. самых разнообразных жанров и содержания. Несмотря на ряд недостатков (недостаточно удовлетворительная классификация значений слов и их толкование, отсутствие стилистических помет при словах и исторической перспективы в определении значения, неразграниченность древнерусских и старославянских фактов и т. д.), этот труд является пока незаменимым при чтении древнерусских памятников и изучении древнерусского языка. В словаре в алфавитном порядке даны все без исключения слова и случаи их употребления из памятников до XV в. и почти все из памятников XV в.

Историческим словарем, содержащим, правда, уже не нарицательные, а собственные (причем лишь антропонимические) имена, является также и «Словарь древнерусских личных собственных имен» Н. М. Тупикова (Спб., 1903).

В 1975—1986 гг. появились 11 выпусков (А — Н) «Словаря русского языка XI—XVII вв.», составляемого в Институте русского языка АН СССР, издание продолжается.

Начал выходить «Словарь русского языка XVIII века» под ред. Ю. С. Сорокина. В 1984—1985 гг. вышло два выпуска (А — В, Л., Наука).

Задача этимологического словаря заключается в разъяснении происхождения слов того или иного языка или языковой семьи. В такого рода словарях даются указания относительно исконного или заимствованного характера слова, указывается, от какого слова оно образовано, в ряде случаев — при помощи какого способа образования возникло, каково его наиболее древнее значение и какой признак был положен в основу названия. В этимологическом словаре

читатель получает ответ на вопрос, откуда именно заимствованы иноязычные слова, прочно вошедшие в лексику современного русского литературного языка (как указывалось, такие слова словарем иностранных слов не объясняются).

Наиболее известным этимологическим словарем русского языка является «Этимологический словарь русского языка» А. Преображенского (от *а* до *сулея* в выпусках 1910—1914 гг., от *тело* до *яцур* в «Трудах Института русского языка», т. I, 1949 г.; в 1960 г. словарь фотомеханическим способом был издан полностью).

На немецком языке был издан в Германии этимологический словарь русского языка М. Фасмера («Russisches etymologisches Wörterbuch». Heidelberg. 1950—1958). В 1964—1973 гг. он вышел в переводе чл.-кор. АН СССР О. Н. Трубачева на русском языке.

В 1961 г. появился «Краткий этимологический словарь русского языка» Н. М. Шанского, В. В. Иванова и Т. В. Шанской (под ред. чл.-кор. АН СССР С. Г. Бархударова). Третье исправленное и дополненное издание этого словаря как специальное пособие для учителя вышло в 1975 г.

С 1963 г. издается «Этимологический словарь русского языка» (под ред. Н. М. Шанского) — многотомный справочник, составляемый с учетом всех новейших достижений советской и зарубежной этимологии и лексикографии. По своему общему словообразовательно-историческому характеру этот словарь примыкает к «Краткому этимологическому словарю русского языка» Н. М. Шанского, В. В. Иванова, Т. В. Шанской. Его основное отличие от краткого этимологического словаря заключается в размере словника (как максималистский он включает все слова, требующие этимологического толкования) и в наличии соответствующего научного аппарата, состоящего из критико-библиографических данных, параллелей для исконно русских слов и сопоставительного материала для заимствований. В настоящее время вышло 8 выпусков (А — К).

В 1970 г. появилась специально адресованная учителям работа Г. П. Цыганенко — «Этимологический словарь русского языка» (Киев, «Радянська школа»).

Как справочный материал для учителей в журнале «Русский язык в школе» (1979, № 1—6; 1980, № 1—2) опубликован «Краткий этимологический словарь русской фразеологии» Н. М. Шанского, В. И. Зиминой и А. В. Филиппова. В 1987 г. он вышел отдельной книгой в издательстве «Русский язык». В качестве справочного материала для учителей в журнале «Русский язык в школе» опубликован «Краткий словообразовательно-этимологический словарь русской полисемии и однокорневой омонимии» Н. М. Шанского, Н. Н. Романовой и А. В. Филиппова (1983, № 4—6; 1984—1986, № 1—5).

Обратные словари представляют собой алфавитное собрание существующих в языке слов, расположенных по азбучному порядку не слева направо, а, наоборот, справа налево.

Первым полным обратным словарем современного русского языка является вышедший в ГДР словарь Г. Бильфельдта (Rückläufiges Wörterbuch der russischen Sprache der Gegenwart. Berlin. 1958). Он

содержит около 80 тыс. слов современного русского литературного языка, извлеченных из наших последних толковых словарей и «Орфографического словаря русского языка» под ред. С. И. Ожегова и А. Б. Шапиро.

В 1968 г. в Польше появился обратный словарь, созданный на основе «Материалов для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского под ред. А. Обрембской-Яблоньской: *Index a tergo do materialów do słownika języka staroruskiego* I. I. Srezniewskiego. Warszawa, 1968.

В 1974 г. вышел составленный редакцией русских словарей изд-ва «Советская энциклопедия» самый большой «Обратный словарь русского языка» (около 125 тыс. слов).

Основная задача частотных словарей заключается в ознакомлении читателя со степенью употребляемости слов в речи. Являясь результатом того или иного статистического исследования определенного лексического материала, частотные словари включают в свой состав (с указаниями частоты употребления слова и количества текстов, в которых оно встретилось) либо абсолютно все извлеченные из соответствующего материала лексические единицы, либо только те из них, частота употребления которых является не меньше какой-нибудь заданной величины.

Настоящим частотным словарем следует считать, в сущности, лишь такой, в котором частотную квалификацию имеют все встреченные в анализируемом материале слова. Полным частотным словарем современного русского литературного языка может быть словарь только что указанного типа, причем основанный на статистических исследованиях достаточного количества самых различных в экспрессивно-стилистическом отношении текстов. Такого словаря еще нет. Впрочем, немного частотных словарей русского языка и таких, которые построены на ограниченном материале и представляют собой собственно частотные словари наиболее частых по своему употреблению слов.

Работа Г. Г. Йоссельсона «*The Russian Word Count*» (Detroit, 1953) построена на самом различном по жанровой принадлежности материале и основана на статистическом анализе употребления около одного миллиона слов. Основным недостатком этого словаря, снижающим в известной степени его статистическую ценность, является недифференцированное использование автором хронологически различных текстов, в частности даже такого материала, который относится не к современной речи, а к литературному употреблению XIX в.

«Частотный словарь современного русского литературного языка» Э. А. Штейнфельдт (Таллин, 1963) содержит 2500 наиболее употребительных, по мнению автора, слов. Для статистического рассмотрения ею бралось 400 тыс. слов из современных текстов различных жанров. Кроме всевозможных дополнительных материалов, этот словарь содержит три списка слов: 1) общий список по частоте, 2) список слов по частям речи и 3) общий список слов по алфавиту.

«Частотный словарь русского языка» под ред. Л. Н. Засориной (М., 1977) составлен на основании обработки средствами вычислительной техники одного миллиона словоупотреблений, что дало 40 тыс. единиц словаря.

Совсем недавно появились у нас и «региональные» частотные словари: языка газеты Г. П. Поляковой и Г. Я. Солганика (М. 1971) и научной литературы Е. М. Степановой (М., 1970).

Частотные словари не только имеют большое практическое значение (для составления учебников и словарей-минимумов, в работах по машинному переводу и т. д.), но и могут быть использованы для изучения некоторых теоретических вопросов лексикологии.

3. Чисто практическими являются орфографические словари, в которых указывается правописание слова, словари орфоэпические, сообщающие одновременно и свойственное слову произношение и ударение, и словари правильностей, дающие справки о литературных нормах грамматики и словоупотребления (по отношению к наиболее частым и трудным случаям).

Орфографические словари в качестве специальных справочников по правописанию слов начали появляться в конце XIX в.

Первым таким словарем, содержащим около 3 тыс. слов, был «Справочный указатель», изданный акад. Я. К. Гротом в качестве приложения к его работе «Русское правописание» (1885), которая была первой научно обоснованной попыткой унифицировать русскую орфографию.

Среди орфографических словарей, появившихся в советское время, особенно известен неоднократно издававшийся «Орфографический словарь» Д. Н. Ушакова и С. Е. Крючкова (первое издание относится к 1933 г.).

После упорядочения русского правописания в 1956 г. важнейшим орфографическим справочником — с учетом сделанных изменений — стал академический «Орфографический словарь русского языка» под ред. С. И. Ожегова и А. Б. Шапира (первое издание вышло в 1956 г.). Этот словарь содержит около 110 тыс. слов. 13-е, исправленное и дополненное издание вышло в 1974 г. под ред. С. Г. Бархударова, И. Ф. Протченко и Л. И. Скворцова. Наряду с правописанием «Орфографический словарь русского языка» отражает также имеющиеся в настоящее время фонетические, акцентологические и грамматические варианты слов, а также содержит сведения морфологического и орфографического характера.

Большой и полезный орфографический словарь, включающий только «трудные случаи», содержит «Справочная книга корректора» К. И. Былинского и А. Н. Жилина (1960). Он включает, помимо нарицательных, также собственные имена (ср.: *Авенир, -а, Авксентий, -я, Агриппина, -ы, Каллистрат, -а, Эреб, -а* и т. д.). В этом словаре мы находим немало (иногда узких по сфере своего употребления) слов, отсутствующих в академическом орфографическом словаре.

Одному из наиболее сложных вопросов русской орфографии посвящен изданный в 1972 г. словарь-справочник «Слитно или раздельно?» (около 43 тыс. слов). Составители — Б. З. Букчина, Л. П. Калакуцкая, Л. К. Чельцова, под ред. Д. Э. Розенталя. В 1982 г. вышло в свет исправленное и дополненное издание этого словаря-справочника: Б. З. Букчина, Л. П. Калакуцкая. «Слитно или раздельно?» (около 82 тыс. слов).

В 1984 г. опубликован словарь-справочник Д. Э. Розенталя «Прописная или строчная?» (около 8500 слов и словосочетаний).

Среди орфоэпических словарей заслуживает упоминания в первую очередь словарь-справочник «Русское литературное произношение и ударение» под ред. Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова (первое издание появилось в 1955 г. и содержало около 50 тыс. слов).

На основе второго издания этого словаря (1959 г.) в 1983 г. вышел «Орфоэпический словарь русского языка» под ред. Р. И. Аванесова. Авторы: С. Н. Борунова, В. Л. Воронцова, Н. А. Еськова. Словарь содержит около 63 500 слов.

Полезным справочником по акцентологии является также «Словарь ударений для работников радио и телевидения» (составители Ф. Агеев и М. Зарва), созданный в 1960 г. под руководством К. И. Былинского. Второе, переработанное и дополненное издание вышло в 1967 г.

Пособия, содержащие справки по наиболее трудным и в то же время постоянно встречающимся случаям употребления слов и форм, были и остаются, в общем, редкими, хотя первый словарь подобного рода — «Справочное место русского языка» — появился еще в 1843 г. Из дореволюционных работ такого профиля, помимо известной работы В. И. Чернышева «Правильность и чистота русской речи» (ч. I и II, Пг., 1914—1915), заслуживает серьезного внимания, пожалуй, лишь «Словарь неправильных, трудных и сомнительных слов, синонимов и выражений в русской речи» И. И. Огиенко (Киев, 1914). До сих пор не определен, по существу, даже словник и характер такого рода пособий.

Словарь-справочник «Правильность русской речи» под ред. С. И. Ожегова (составители Л. П. Крысин и Л. И. Скворцов. М., 1962) является первым опытом нормативного пособия, специально посвященного вопросам словоупотребления. В нем «содержится около 400 словарных статей, посвященных наиболее типичным случаям трудностей современного словоупотребления».

Акцентологические, произносительные, формально-грамматические, словообразовательные и формообразовательные варианты слов рассматриваются в словаре-справочнике «Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка» (под ред. К. С. Горбачевича. Л., 1973). Важная задача этого словаря состоит в предупреждении от типичных, распространенных в речи ошибок.

В 1976 г. появился «Словарь трудностей русского языка» Д. Э. Розенталя и М. А. Теленковой. Цель авторов — дать читателю справку о написании, произношении, формообразовании слова, познакомить с грамматической и стилистической характеристикой, сочетаемостью, управлением, а также правильностью употребления слов.

В том же году издана монография Л. К. Граудиной, В. А. Ицковича и Л. П. Катлинской «Грамматическая правильность русской речи. Опыт частотно-стилистического словаря вариантов». В книге нашли отражение варианты грамматических форм и конструкций. Словарь «отвечает на разнообразнейшие вопросы из области грамматической стилистики». В 1986 г. вышел «Словарь грамматических трудностей русского языка» Г. Ф. Ефремовой и В. Г. Костомарова. Он пред-

ставляет собой аспектный словарь, описывающий и толкующий наиболее сложные явления русской грамматики в учебных целях.

Одним из видов толковых словарей нормативного характера являются словари паронимов. Несомненно, что появились современные словари паронимов на основе отбора материала из недифференцированных случаев всякого рода неправильностей, отмечаемых начиная со «Справочного места русского слова» Н. А. Греча, 1839 (см. указание на случаи смешения слов типа *горбунья — горбушка, китаянка — китайка* и др.).

В качестве первого опыта словаря паронимов можно назвать словарь-справочник Ю. А. Бельчикова и М. С. Панюшевой «Трудные случаи употребления однокоренных слов русского языка» (М., 1968). Работа содержит 180 групп (в большинстве — пар) однокоренных слов, различающихся свойственными им значениями и употреблением. Паронимы располагаются в алфавитном порядке. В словарной статье дается толкование паронимов, затем их словесные связи и употребление в современном русском литературном языке; включает словарную статью раздел «Ошибочно», в котором «представлены примеры ошибочного или неточного использования однокоренных слов».

Значительно большим по словнику является «Словарь паронимов русского языка» Н. П. Колесникова (Тбилиси, 1971). В этой книге содержится 1432 гнезда паронимов, что объединяет более 3 тыс. слов. Паронимические гнезда даются в алфавитном порядке. В конце словаря приложен указатель, облегчающий поиски необходимого «сомнительного» слова. Словарная статья состоит из паронимов и толкования их значений.

В 1974 г. появилась книга «Паронимы в русском языке» О. В. Вишняковой, в которой дается характеристика паронимов как языковой единицы и небольшой словарь.

4. Учебные словари отличаются объемом отбираемого лексического материала, принципами отбора, ориентировкой на ту или иную программу, учетом уровня знаний читателей-учащихся.

Для учащихся средней школы ежегодно издается краткий «Орфографический словарь» Д. Н. Ушакова и С. Е. Крючкова, который впервые вышел в свет в 1934 г. При подготовке к 27-му изданию (1972) была проведена проверка словника по новым орфографическим справочникам, в словарь включены новые слова (*атомоход, кибернетика, космонавт* и т. д.), исключены отдельные устаревшие слова и формы.

Новый тип комплексного школьного словаря представляет собой «Школьный грамматико-орфографический словарь» Б. Т. Панова и А. В. Тёкучева (М., 1985). В словарной статье содержатся орфографические и орфоэпические сведения о слове, отмечено его морфемное членение, указаны некоторые, наиболее трудные грамматические формы. Кроме того, дается толкование значений тех слов, понимание которых вызывает затруднение школьников.

В 1978 г. вышел «Школьный словообразовательный словарь русского языка» А. Н. Тихонова, построенный по принципу словообразовательных гнезд, т. е. алфавитно расположенных непроемных

(с синхронной точки зрения) слов со всеми однокоренными производными. Словарь дает возможность познакомиться со словообразовательной структурой и морфемным составом более 30 тыс. слов.

В 1980 г. изданы «Школьный словарь антонимов русского языка» М. Р. Львова и «Школьный фразеологический словарь» В. П. Жукова. Эти словари знакомят учащихся с выразительными средствами русского языка. Употребление антонимов и фразеологизмов иллюстрируется примерами из произведений художественной литературы. В фразеологическом словаре приводятся справки о происхождении некоторых фразеологизмов.

В 1981 г. вышел в свет «Школьный толковый словарь русского языка» М. С. Лапатухина, Е. В. Скорлуповской, Г. П. Снетовой, под ред. Ф. П. Филина.

В 1983 г. издан первый «Школьный словарь иностранных слов» В. В. Одинцова, Г. П. Смолицкой, Е. И. Голановой, И. А. Василевской, под ред. В. В. Иванова. В нем учащиеся могут получить справку о значении и употреблении наиболее распространенных иностранных слов в русском языке.

Для нерусских, изучающих русский язык, помимо простых переводных словарей, издаются словари и специального характера. Среди них следует отметить в первую очередь толковые словари активного типа: «4000 наиболее употребительных слов русского языка» под ред. Н. М. Шанского (М., 1978, изд. 2, М., 1981), «Краткий толковый словарь русского языка (для иностранцев)» под ред. В. В. Розановой (М., 1978), «Учебный словарь сочетаемости слов русского языка» под ред. П. Н. Денисова и В. В. Морковкина (М., 1978), «Учебный фразеологический словарь русского языка» Е. А. Быстровой, А. П. Окуневой и Н. М. Шанского (Л., 1984). Базисную лексику и фразеологию в различных русско-иноязычных вариантах представляют «4000 наиболее употребительных слов русского языка» под ред. Н. М. Шанского (на англ., нем., франц., исп., итал., словац., чеш., болг., польск., вьетнамск., румынск., узбекск. языках,— М., 1975—1984) и «700 фразеологических оборотов русского языка» Н. М. Шанского и Е. А. Быстровой (на англ., франц., нем., итал., чеш. фин., исп., узбекск. турецк. дари, тадж., туркм. языках,— М. 1975—1985).

ЛИТЕРАТУРА

К а р п ю к Г. В. Русская лексикография в советскую эпоху // Рус. яз. в школе.— 1967.— № 5.— С. 19.

Л е в а ш о в Е. А., П е т у ш к о в В. П. Ленин и словари.— М., 1975.

С о р о к о л е т о в Ф. П. Шестьдесят лет русской советской лексикографии // Рус. яз. в школе.— 1977.— № 5.— С. 15.

Щ е р б а Л. В. Опыт общей теории лексикографии // Избр. работы по языкознанию и фонетике.— Л., Изд-во Ленингр. ун-та, 1958.— Т. 1.

ФОНЕТИКА

§ 58. Введение. Предмет и задачи фонетики. Фонетика (от греч. *phōnē* «звук») — наука о звуковой стороне языка, изучающая способы образования звуков речи, их изменения в речевом потоке, их роль в функционировании языка как средства общения людей.

Звуковая материя языка есть основа его существования, есть та база, которая позволяет языку быть средством общения людей, т. е. выполнять коммуникативные задачи. Вне звуковой материи язык не существует и не может существовать, идет ли речь об устном или о письменном его проявлении: письменная форма языка — это всего лишь «перевод» (в той или иной степени точный) устной речи в графико-орфографическую оболочку, условно принятую и понятную всем владеющим данным языком.

Изучать фонетику языка можно с разными целями, в зависимости от чего различаются общая фонетика, описательная фонетика, сопоставительная фонетика и историческая фонетика.

Общая фонетика изучает способы и характер образования звуков в разных языках мира и на основе такого изучения вырабатывает понятия об общих законах звучащей человеческой речи, о природе гласных и согласных, о возможном строении слогов, о типах ударения, наконец, о функционировании звуков в языке как средстве общения. Общая фонетика, таким образом, — это теоретическая область знания о звуковой стороне человеческого языка. Разработка теоретических проблем и выработка понятий об общих законах звучащей речи осуществляются как методами непосредственных наблюдений над фонетикой самых различных языков, так и методами инструментального исследования. Эти последние методы, связанные с использованием при изучении звуков речи различных точных приборов, позволяют получить объективные данные об отдельных звуках, их признаках, их изменениях в потоке речи — данные, зафиксированные в цифрах, графиках и т. п. Изучение звуковой стороны языка инструментальными методами осуществляется экспериментальной фонетикой.

Описательная фонетика имеет дело с каким-либо конкретным языком (или диалектом) на определенном этапе его исторического развития. Надо иметь в виду, что, как и все уровни системы языка (грамматический, словообразовательный, лексический), фонети-

ческий ее уровень не является чем-то неподвижным: наоборот, в каждый период существования языка, на каждом синхронном срезе, т. е. на каждом этапе его истории, в том числе и в современном состоянии, в фонетике есть нарождающиеся, новые явления и есть умирающие, старые явления, и описательная фонетика, представляя звуковую сторону языка как синхронную систему, вскрывает в ней те явления, которые отражают прошлое, и те явления, которые представляют будущее в этом синхронном состоянии данного языка.

Как и общая фонетика, описательная фонетика использует метод непосредственного наблюдения над живой звучащей речью (литературной или диалектной), а также инструментальные методы исследования. Таким образом, описательная фонетика изучает прежде всего тот язык, которым пользуется общество, современное исследователю, хотя принципиально возможно описание фонетической стороны языка и в определенный прошлый момент ее состояния.

Сопоставительная фонетика, как говорит уже само ее название, связана с сопоставительным изучением звуковой стороны двух или нескольких языков. Она основывается на описательных фонетиках и устанавливает сходства и различия сопоставляемых языков по составу звуков, по их распределению в потоке речи, по их изменениям и т. д. В результате устанавливается специфика звуковой стороны разных языков, что имеет большое значение для преподавания того или иного языка в иноязычной аудитории.

Историческая фонетика устанавливает пути исторического развития звуковой системы. Изучению подвергаются явления, характеризующие фонетику языка в его прошлом, и процессы, определяющие изменения в фонетике, прошедшие подчас в очень отдаленные от современности эпохи. Сведения об этих явлениях и процессах историческая фонетика черпает как из современных фактов, характеризующих данный язык, особенно его диалекты, сохраняющие многие архаические черты в фонетике, так и из памятников письменности прошлых эпох.

Когда говорится о фонетике современного русского литературного языка, то имеется в виду его описательная фонетика. Однако прежде чем перейти непосредственно к характеристике русской литературной фонетики, необходимо обратить внимание на специфику фонетики как одного из уровней языковой системы.

Звуковые единицы языка (звуки), в отличие от других его единиц — морфем, слов, словосочетаний, предложений, — не обладают значением. Мы можем сказать, какое значение имеет слово (например, *писать*), какое значение привносит в слово суффикс (скажем, *-чик*), какое значение имеет та или иная падежная форма или какое-либо словосочетание, но мы не можем установить значение гласного [а] или согласного [т], потому что они никаким значением не обладают. Однако, не обладая самостоятельным значением, звуковые единицы служат для образования других языковых единиц, как грамматических, так и лексических, имеющих свою семантику, — слов и составляющих их морфем, словосочетаний и предложений. Поэтому можно утверждать, что звуковая сторона языка существует не сама по себе и не

сама для себя, а в грамматике и лексике данного языка. Иначе говоря, фонетика существует лишь постольку, поскольку звуковые единицы и их сочетания реализуются в словарном составе и грамматическом строе, т. е. играют определенную функциональную роль. Вне этой реализации в грамматике и лексике звуковые единицы остаются внеязыковыми фактами, ибо не играют функциональной роли.

§ 59. Фонетическая транскрипция. Для того чтобы как можно точнее записать звучащую речь, пользуются специальной системой записи, которая называется фонетической транскрипцией. Принятые в разных языках системы графики и орфографии в принципе не приспособлены к точному воспроизведению звучащей речи, ибо их назначение несколько иное. Например, хотя русская графика и орфография более близки к передаче живого произношения, чем графика и орфография иных языков, все же они не дают точного представления о произношении. Доказательством может послужить хотя бы то, что в русской графике и орфографии есть ряд случаев обозначения одного и того же звука разными буквами (ср. орфографические написания *плот* и *плот* при одинаковом произношении [плот] и [плот]) или, наоборот, обозначения одной и той же буквой разных звуков (ср.: *плоды* и *плот*, фонетически [пллды] и [плот]).

Существует несколько систем фонетической транскрипции, весьма различных по своему характеру, но построенных по одному и тому же принципу. Основной принцип любой системы фонетической транскрипции заключается в том, что в ней один знак всегда обозначает один и тот же звук, причем для обозначения одного звука всегда используется один и тот же знак.

При транскрипции русской речи обычно используется русский алфавит. Для обозначения некоторых звуков или отдельных качеств тех или иных звуков привлекаются буквы другого алфавита или условные обозначения и диакритические значки (т. е. значки над и под буквами).

Для усвоения принципов фонетической транскрипции русского литературного произношения надо запомнить следующее:

1. В системе фонетической транскрипции используются все гласные буквы русского алфавита, кроме *я, ю, ё*, которые в русской графике обозначают те же звуки, что *а, у, о* после мягких согласных, или сочетания звуков [ja], [ju], [jo].

2. В системе фонетической транскрипции используются все согласные буквы русского алфавита, кроме *щ*, которая в русской графике обозначает долгий мягкий звук [ш'], например: *щука* ([ш'у́кла]), *ищи* ([иш'и]).

3. Буквы *ъ* и *ь* используются в транскрипции для обозначения ослабленных, или редуцированных, гласных среднего ряда среднего подъема [ъ] и переднего ряда средне-верхнего подъема [ь] в безударных слогах, например: *вы[н'ъс]* *вынос*, *вы[в'ъс]* *вывоз*, *вы[н'ъс]* *вынес*, *вы[в'ъс]* *вывез*.

4. Вместе с тем в русской фонетической транскрипции используется буква *ј*, которой нет в русском алфавите и которая обозначает среднеязычный согласный, например: [ј'ám]а, [ј'óлк]а, [ј'у́н]оша, а также

буква *у* для обозначения звонкого фрикативного заднеязычного согласного, например: [сб^у-бы] *сох бы*.

5. Для обозначения гласного звука, который произносится в первом предударном слоге после твердых согласных в соответствии с ударными [а] и [о], используется условное обозначение *л* (знак «крышечка»), например: [дл^{мá}] *дома*, [дл^{лá}] *дала*, а для обозначения гласного звука в соответствии с [а], [о], [е] в том же слоге, но после мягких согласных — знак [и^е] (т. е. знак, обозначающий звук [и], склонный к [е]), например: [п'и^ет] *ак пятак*, [н'и^ес] *у несу*, [в-л'и^ес] *у в лесу*.

6. В фонетической транскрипции используются следующие диакритические значки:

1) точка слева рядом с гласной буквой означает передвижку артикуляции звука в переднюю зону образования в начальной стадии его произношения; точка справа — передвижку звука в переднюю зону в конечной стадии его произношения; две точки сверху — передвижку звука в переднюю зону на всем протяжении его произношения, например: [м'·ал] *мал*, [ма·т'] *мать*, [м'äт'] *мать*;

2) знак ^ над гласной буквой означает закрытость, напряженность соответствующего гласного звука, например: [д'ён'] *день*, [в'ит'] *вить*;

3) знак ˘ под гласной буквой означает неслоговой характер соответствующего звука, например: [мои] *мой*, [влинá] *война*;

4) запятая справа сверху над согласной буквой означает мягкость соответствующего звука, например: [п'ел] *пел*, [у'гъл'] *уголь*;

5) черта над согласной буквой означает долготу соответствующего звука, например: [л^{дá}·т'] *отдать*, [ш^ы·т'] *шить*;

6) знак л под буквой сонорного согласного *л*, *р*, *м*, *н* обозначает оглушение этого согласного, например: [косм] *косм* (от *космы*), театр] *театр*;

7) знак ˆ («дужка») над сочетанием двух согласных означает их слитное произношение, например: [лт'эдз-бы] *отец бы*, [но́-д'ж'-бы] *ночь бы*.

7. Каждый отдельный транскрибируемый знак, слово или часть слова заключается в квадратные скобки. В каждом слове указывается ударение.

СОГЛАСНЫЕ И ГЛАСНЫЕ ЗВУКИ И ИХ КЛАССИФИКАЦИЯ

Все звуки речи делятся на две большие группы — на согласные и гласные, основное различие между которыми определяется тем, что при образовании согласных выдыхаемый воздух преодолевает полную или частичную преграду в полости рта или носа, тогда как при образовании гласных такой преграды ни в полости рта, ни в полости носа нет и воздух проходит свободно. И согласные, и гласные образуются в результате работы разных органов речи (эта их работа называется артикуляцией), причем для образования согласных большую роль

играют одни органы речи, а для образования гласных — другие. Кроме того, при прохождении воздуха через гортань и полость рта возникает музыкальный тон (голос) или различные шумы: голос возникает при прохождении воздуха в гортани, а шумы — в полости рта. Наличие голоса характеризует гласные звуки, а наличие шума или разных комбинаций голоса и шума — согласные ¹.

§ 60. Классификация согласных звуков. Все согласные русского литературного языка классифицируются по четырем признакам: 1) по участию в их образовании голоса и шума; 2) по месту образования шума, т. е. по месту образования преграды, на которую наталкивается выдыхаемый воздух; 3) по способу образования шума, т. е. по способу преодоления преграды; 4) по наличию или отсутствию смягчения (палатализации, ср. лат. *palatum* «мягкое нёбо»). Каждый согласный звук может быть охарактеризован по этим четырем признакам, и каждый согласный отличается от каждого другого согласного комбинацией этих четырех признаков.

По участию голоса и шума все согласные делятся на сонорные и шумные. Сонорными являются такие согласные, в образовании которых участвуют голос и незначительный шум. При образовании этих согласных голосовая щель сужена, голосовые связки напряжены и колеблются под воздействием выдыхаемого воздуха. К сонорным в русском литературном языке относятся [р], [л], [н], [м] и [р'], [л'], [н'], [м'], [j].

Шумными являются такие согласные, в образовании которых шум преобладает над голосом. С этой точки зрения, они делятся на звонкие шумные, образование которых характеризуется шумом в сопровождении голоса, и глухие шумные, которые образуются только шумом (произнесение глухих шумных определяется тем, что голосовая щель открыта, а голосовые связки не напряжены и не колеблются). Звонкие шумные русского литературного языка — это [б], [б'], [в], [в'], [д], [д'], [з], [з'], [ж], [ж'] ², [г], [г'], а глухие шумные — [п], [п'], [ф], [ф'], [т], [т'], [с], [с'], [ш], [ш'], [ц], [ч'], [к], [к'], [х], [х'].

По месту образования шума все согласные делятся на губные и язычные, так как в их образовании участвуют два активных органа речи — губы и язык: в образовании губных согласных активную роль играет нижняя губа, а в образовании язычных согласных — язык. Активные органы речи действуют (артикулируют) по отношению к пассивным — верхней губе, альвеолам, зубам, твердому нёбу, — и в зависимости от того, по отношению к каким пассивным органам действуют активные, губные и язычные согласные делятся на ряд более мелких групп.

¹ В современном языкознании используется и акустическая характеристика согласных и гласных, когда звуки описываются не с точки зрения артикуляции органов речи, т. е. с точки зрения говорящего, а с точки зрения акустических, физических законов, т. е. с позиции слушающего: в этом случае учитывается участие голоса и шума в образовании звуков, тон и тембр звучания звука и т. д. Однако для описания конкретной фонетической системы определенного языка целесообразнее опираться на артикуляционные характеристики: они позволяют четко отделить согласные от гласных и дать ясное описание образования каждого отдельного звука.

² Например, в словах до[ж']á (дождя), во[ж']и (вожжи), ё[ж']у (езжу).

Губные согласные делятся на губно-губные и губно-зубные. Первые образуются смыканием нижней губы с верхней — к ним относятся [п], [п'], [б], [б'], [м], [м']; вторые образуются сближением нижней губы с верхними зубами — к ним относятся [ф], [ф'] и [в], [в'].

Язычные согласные делятся на передне-, средне- и заднеязычные в зависимости от того, какая часть языка — передняя, средняя или задняя — выполняет активную роль при образовании звука. При этом переднеязычные согласные делятся на две группы в зависимости от того, поднимается ли передняя часть языка к верхним зубам или к альвеолам, — на зубные и нёбно-зубные. К переднеязычным зубным согласным, при образовании которых передняя часть языка смыкается или сближается с верхними зубами, относятся [т], [т'], [д], [д'], [с], [с'], [з], [з'], [ц], [н], [н'], [л], [л']. К переднеязычным нёбно-зубным, образуемым более верхним подъемом передней части языка к нёбу и созданием преграды в области альвеол, относятся [ш], [ж], [ш'], [ж'], [ч'], [р], [р'].

Среднеязычным, а по пассивному органу средненёбными, т. е. образуемым поднятием средней части языка к среднему нёбу, в русском языке является согласный [й].

Заднеязычными, по пассивному органу задненёбными, которые образуются преградой в результате сближения задней части языка с мягким нёбом, являются [к], [к'], [г], [г'], [х], [х'].

По способу образования шума, или по способу преодоления преграды, согласные делятся на смычные (взрывные), фрикативные (щелевые), аффрикаты, смычно-проходные и дрожащие.

Смычные (взрывные) согласные образуются полным смыканием органов произношения, и поэтому воздух, наталкиваясь на эту преграду, с силой разрывает ее, в результате чего и возникает характерный для этих согласных шум. К смычным в русском языке относятся [п], [п'], [б], [б'], [т], [т'], [д], [д'], [к], [к'], [г], [г'].

Фрикативные (щелевые) согласные образуются неполным сближением активного и пассивного органов речи, в результате чего между ними остается узкая щель, через которую проходит воздух; шум образуется трением воздуха о стенки щели. Фрикативными согласными являются [ф], [ф'], [в], [в'], [с], [с'], [з], [з'], [ш], [ж], [ш'], [ж'], [й], [х], [х'].

Аффрикаты — это сложные по работе органов речи звуки: в начальной стадии артикуляции они образуются как смычные, т. е. путем полного смыкания органов речи, но в конце артикуляции происходит не мгновенное размыкание смычки, а переход ее в щель, как у фрикативных. В русском литературном языке есть две аффрикаты — [ц] и [ч'].

Смычно-проходными согласными являются те, образование которых характеризуется полным смыканием органов речи с одновременным прохождением воздуха через полость рта или полость носа. В зависимости от того, через какую полость проходит воздух, смычно-проходные делятся на носовые и ртовые (или боковые). К но-

с о в ы м смычно-проходным относятся [н], [н'], [м], [м']; к р т о в ы м, или б о к о в ы м,— [л], [л'].

Наконец, д р о ж а щ и м и (или в и б р а н т а м и), к которым в русском языке относятся [р] и [р'], являются согласные, при образовании которых кончик языка то смыкается, то размыкается с альвеолами при прохождении воздушной струи (вибрирует).

П о н а л и ч и ю или о т с у т с т в и ю с м я г ч е н и я (палатализации) все согласные делятся на т в е р д ы е и м я г к и е, различие между которыми заключается в том, что у мягких согласных к основной артикуляции органов речи добавляется дополнительная, так называемая «йотовая» артикуляция, т. е. основная артикуляция согласного осложняется дополнительной средненёбной артикуляцией, свойственной согласному [j]. Твердые согласные не имеют такой дополнительной артикуляции. Мягкими в русском литературном языке являются согласные [п'], [б'], [ф'], [в'], [м'], [т'], [д'], [с'], [з'], [ш'], [ж'], [ч'], [н'], [л'], [р'], [к'], [г'], [х']; остальные согласные — твердые. Мягкие согласные, получающие «йотовую» артикуляцию как дополнительную, называются п а л а т а л и з о в а н н ы м и в отличие от [j], у которого эта артикуляция не дополнительная, а основная и который поэтому является п а л а т а л ь н ы м.

Таким образом, каждый согласный русского литературного языка может быть охарактеризован по совокупности четырех признаков, которые выступают в разных комбинациях. Например, [б] — звонкий шумный, губно-губной, смычный, твердый; [л'] — сонорный, переднеязычный, смычно-проходной, мягкий и т. д. В таблице состав согласных русского языка с характеризующими их признаками может быть представлен в следующем виде (см. с. 115).

§ 61. Классификация гласных звуков. Как уже говорилось, гласные характеризуются тем, что в их образовании участвуют музыкальный тон, голос, который образуется в гортани в результате ритмических колебаний голосовых связок; шум в образовании гласных не участвует. Вместе с тем полости глотки и рта играют роль резонатора: при прохождении через них выдыхаемого воздуха возникают дополнительные тона (обертоны), придающие каждому гласному свою окраску. Различия гласных определяются разным укладом органов речи — губ, языка, нижней челюсти,— что меняет объем и характер резонирующих полостей.

Артикуляционная классификация гласных строится на том, что все они характеризуются тремя признаками: 1) степенью подъема языка при образовании гласных, 2) местом подъема языка и 3) огубленностью•неогубленностью.

П о с т е п е н и п о д ь е м а я з ы к а, т. е. по движению языка по вертикали, по степени его приближения к нёбу при образовании звука все гласные делятся на звуки верхнего, среднего и нижнего подъемов. Гласные в е р х н е г о подъема — это [и], [ы], [у], с р е д н е г о подъема — [е], [о], н и ж н е г о подъема — [а].

П о м е с т у п о д ь е м а я з ы к а, т. е. по движению языка по горизонтали при образовании звука, гласные делятся на звуки переднего, среднего и заднего рядов. При образовании гласных п е

Согласные русского языка

Участие шума	Способ образования	Участие голоса	Место образования										
			Губные				Язычные						
			губно-губные		губно-зубные		переднеязычные			среднеязычные	заднеязычные		
			тв.	мяг.		мяг.	зубные		нёбно-зубные		средненёбные	задненёбные	
							тв.	мяг.		мяг.	мяг.	тв.	мяг.
Шумные	Смычные	глухие звонкие	п б	п' б'		т д	т' д'				к г	к' г'	
	Щелевые	глухие звонкие			ф в	ф' в'	с з	с' з'	ш ж	ш' ж'	х	х'	
	Аффрикаты	глухие звонкие					ц			ч'			
Сонорные	Щелевые										й		
	Смычно-проходные	Носовые	м	м'		н	н'						
		Ёзовые (ртовые)					л	л'					
	Дрожащие (вibrанты)							р	р'				

реднего ряда язык продвигается вперед, кончик языка упирается в нижние зубы, а средняя часть языка несколько приподнимается. Так образуются гласные [и] и [е]. При образовании гласных заднего ряда язык отодвигается назад, кончик языка отходит от нижних зубов, а к нёбу приподнимается задняя часть языка. Так образуются гласные [у] и [о]. Гласные среднего ряда [ы] и [а] занимают среднее положение между передними и задними гласными.

По огубленности неогубленности гласные делятся на лабиализованные (от лат. *labium* «губа») и нелабиализованные. Лабиализованные гласные характеризуются тем, что при их образовании губы вытягиваются вперед и округляются. К лабиализованным русским гласным относятся [у] и [о], причем степень лабиализации [у] сильнее, чем степень лабиализации [о]. Остальные гласные русского литературного языка являются нелабиализованными.

Таким образом, можно определить каждый гласный по совокупности трех присущих ему признаков. Например, [и] — верхнего подъема, переднего ряда, нелабиализованный; [о] — среднего подъема, заднего ряда, лабиализованный и т. д. В таблице состав гласных русского литературного языка с характеризующими их признаками может быть представлен в следующем виде:

Степень подъема языка	Зона образования		
	передняя	средняя	задняя
Верхняя	и	ы	у
Средняя	е		о
Нижняя		а	
Огубленность-неогубленность	Нелабиализованные		Лабиализованные

Методическое примечание. В действующем учебнике русского языка (Ладыженская Т. А., Баранов М. Т., Григорян Л. Т., Кулибаба И. И., Тростенцова Л. А. / Научный редактор Н. М. Шанский, Русский язык. Учебник для 4 класса. — М., 1986) и в справочнике для учащихся (Баранов М. Т., Костяева Т. А., Прудникова А. В. Русский язык / Под ред. Н. М. Шанского. — М., 1986) в разделах, посвященных фонетике, и в частности составу гласных и согласных, можно обнаружить некоторые расхождения с положениями настоящей книги. Эти расхождения касаются, во-первых, отсутствия в указанных пособиях в составе согласных звука [ж'], а во-вторых, отнесения согласного [й'] (= [j]) к непарным звонким. Согласный [ж'] в русском языке в настоящее время неустойчив: в литературном произношении он за-

меняется долгим твердым согласным (é[ж]у, во[ж]и), а иногда сочетанием [жд'] (до[жд']ик). Именно этим и объясняется отсутствие [ж'] в школьном учебнике и в справочнике. В связи с тем что сонорные ближе к звонким, чем к глухим, при отсутствии этой категории в школьной программе сонорные согласные можно отнести к звонким.

Кроме того, в названных двух книгах гласный [ы] отнесен, как и [a], [o], [y], [e], [i], к основным звукам (т. е. к фонемам). Такое отношение к [ы] можно обнаружить и в некоторых научных трудах. Вопрос о трактовке [ы] как аллофона фонемы ⟨и⟩, а не как самостоятельной фонемы рассмотрен в § 87 настоящей книги.

СОЧЕТАЕМОСТЬ СОГЛАСНЫХ И ГЛАСНЫХ ЗВУКОВ

§ 62. Синтагматика фонетических единиц. Согласные и гласные русского литературного языка выше были охарактеризованы как изолированные звуки. Такое изолированное описание целесообразно для того, чтобы яснее представить признаки того или иного звука в отличие от других звуков, но в языке изолированное употребление звуков — явление чрезвычайно редкое: оно возможно лишь в том случае, когда отдельный звук одновременно является и отдельным словом (типа союзов *а, и* или предлогов *в, к, с* и т. п.). В подавляющем же большинстве случаев звуки употребляются в сочетании с другими звуками в составе слов и их форм, т. е. в потоке речи. Сочетаемость звуков в потоке речи образует синтагматику фонетических единиц. Синтагматика имеет свои законы, которые связаны с возможностями и ограничениями в сочетаемости звуковых единиц друг с другом.

Особенности синтагматики звуковых единиц имеют исторический характер: они меняются в разные эпохи развития языка и определяют специфику его фонетической системы в каждый данный период развития. Современный русский литературный язык также имеет свои особенности в синтагматике звуковых единиц.

Здесь надо иметь в виду, что звуки в потоке речи, оказываясь рядом друг с другом или находясь в определенных фонетических позициях (например, для гласных — в позиции под ударением или в безударных слогах, для согласных — на конце слова или перед разными согласными), могут, во-первых, изменять свое качество под влиянием соседних звуков, а во-вторых, взаимно меняться, определяя тем самым особенности звуковой системы языка. В связи с этим можно говорить о *п о з и ц и о н н ы х* и *з м е н е н и я х* звуков и о *п о з и ц и о н н о й* м е н е звуков. От этих двух явлений надо отличать явление чередования звуков при образовании слов или их форм.

П о з и ц и о н н а я м е н а — это такая мена звуковых единиц, которая определяется действующими в данном языке синтагматическими законами сочетаемости звуков. Синтагматические законы разрешают или не разрешают появление звуковых единиц в определенных позициях или ту или иную сочетаемость звуковых единиц; одни соче-

тания разрешены этими законами, а другие — не разрешены. Так, например, в русском литературном языке действует синтагматический закон, который запрещает звонким шумным выступать в позиции перед глухими шумными и наоборот; звонкие шумные запрещены и в абсолютном конце слова. Следовательно, если в позиции перед гласными или, другими словами, в с о ч е т а н и и с последующими гласными могут равно выступать звонкие и глухие шумные, то в позиции перед глухими шумными могут быть только глухие, а перед звонкими — только звонкие; в абсолютном конце слова могут быть только глухие шумные. Например, [пруда́] — [прута́] и одинаково [прут], [рлжók] — [пушók] и [рлшкá] — [пушкá], не[сý] — ве[зý] и не[ст'й] — ве[ст'й] и т. д.

П о з и ц и о н н ы е и з м е н е н и я звуков — это такие их изменения, которые возникают под воздействием соседних звуков. В этом случае происходит у п о д о б л е н и е качества одного звука качеству другого¹. Например, в русском литературном языке наблюдаются позиционные изменения согласных в положении перед согласными: в группах из двух согласных первый смягчается под воздействием следующего за ним мягкого: [н'ос] — не[с'т'й], [два] — [д'в'е], зве[здá] — зве[з'д'йэ], [кóн'ч'ик] и т. д. Однако это позиционное изменение не проходит непосредственно в разных группах согласных и неодинаково у разных носителей языка (см. подробнее ниже, § 63).

Уподобление может быть устойчивым, но может быть и неустойчивым, так как оно имеет характер п р о ц е с с а, а не закона. Действие синтагматического закона на позиционные изменения не распространяется: они могут осуществляться и не осуществляться или осуществляться непосредственно, или осуществляться по-разному у разных носителей языка. Конечно, устойчивые изменения осуществляются более последовательно, чем неустойчивые, но все же они остаются только изменениями, а не меной.

Как позиционная мена, так и позиционные изменения наблюдаются и в области согласных, и в области гласных звуков русского литературного языка. Позиционная мена согласных связана с отношениями глухих и звонких шумных в положении перед шумными и на конце слова, а также с меной твердого / мягкого согласного в позиции перед [e]; позиционные же их изменения — с отношениями твердых и мягких согласных в положении перед согласными, а также с некоторыми явлениями в произношении согласных на стыках морфем и знаменательных слов. Позиционная мена гласных связана с их распределением в ударных и безударных слогах; позиционные же их изменения — с воздействием на гласные предшествующих и последующих согласных.

Ч е р е д о в а н и е ж е з в у к о в — это такая мена звуков при образовании слов и их форм, которая определяется не фонетическими, а словообразовательными или морфологическими причинами. Такие чередования с о п р о в о ж д а ю т образование слов и их форм. На-

¹ Традиционно процессы уподобления звуков определяются как а с с и м и л я ц и я, когда речь идет об уподоблении друг другу рядом стоящих согласных, и как а к к о м о д а ц и я, когда речь идет о взаимодействии соседних гласных и согласных. Однако и в том и в другом случае возникают позиционные изменения, носящие характер живых фонетических процессов.

пример, образование уменьшительных существительных муж. рода с суффиксом *-ок* от слов, оканчивающихся на заднеязычный [к], [г] или [х], сопровождается чередованием этого заднеязычного соответственно с [ч'], [ж], [ш]: *крюк — крючок, рог — рожок, слух — слушок*. Это чередование не обусловлено фонетически, т. е. влиянием соседних звуков, так как перед [о] может быть и заднеязычный, а не только шипящий (ср.: *кот, год, ход*), а на конце слова может быть шипящий, а не только заднеязычный (ср.: *ключ, нож, туш*); оно обусловлено способом образования именно данной категории существительных. При образовании личных форм настоящего времени глаголов с основой на [т], [д], [с], [з] наблюдается чередование этих согласных с шипящими: [т] || [ч'], [д] || [ж], [с] || [ш], [з] || [ж], например: *воротить — вору́чу, водить — во́жу, носить — но́шу, морозить — моро́жу*. И здесь это чередование не объясняется фонетически: перед [и] могут быть как переднеязычные, так и шипящие (ср.: *молчи, пиши, води, вози*), а перед [у] — как шипящие, так и переднеязычные (ср.: *плету, веду, несу, везу*) — оно характеризует образование личных форм настоящего времени именно данных глаголов. Поэтому для фонетики чередования звуков не имеют значения, и они не являются предметом ее изучения.

§ 63. Позиционная мена и позиционные изменения согласных. Согласные русского литературного языка в том их составе, который был определен выше, выступают в положении перед гласными, причем перед [а], [о], [у] могут употребляться все согласные, т. е. в русском языке есть сочетания всех согласных с этими тремя гласными; перед [и] выступают только мягкие согласные, а перед [ы] — только твердые. Что же касается позиции перед [е], то она требует специального рассмотрения, так как в современном литературном языке она превращается из позиции, в которой происходит позиционная мена твердого согласного на мягкий, в позицию, в которой могут выступать все согласные, что связано с распространением произношения твердых перед [е] в заимствованных словах и аббревиатурах (см. подробнее ниже). Однако в целом можно сказать, что позиция согласных перед гласными является такой позицией, в которой не происходит ни позиционной мены (за исключением частично позиции перед [е]), ни позиционных изменений согласных.

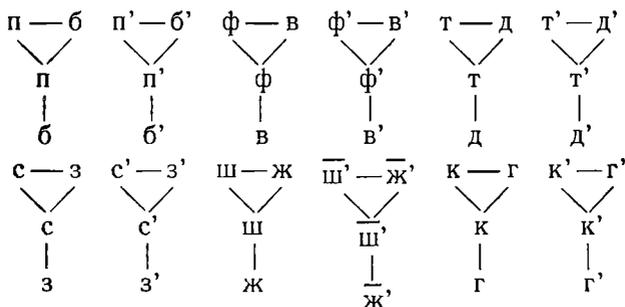
П о з и ц и о н н а я м е н а с о г л а с н ы х в русском литературном языке связана прежде всего с отношениями г л у х и х - з в о н к и х шумных в положении перед шумными. Согласно синтагматическим законам, в русском литературном языке в положении перед глухими шумными звонкие шумные позиционно меняются на глухие (лу[пк]á (от *лубок*), ла[фк]а, гря[тк]а, ся[т'-к]а *сядь-ка*, нй[ск]ю, ле[с'т'] *лезть*, лб[шк]а, нб[кт']и), а глухие шумные перед звонкими — на звонкие (о[дг]ада́ть, [з]да́ть, [з]д'е́лать, [г-до́му]); в абсолютном конце слова выступают только глухие шумные (бо[п], сы[п'], кро[ф], кро[ф'], су[т], ся[т'], во[с], ле[с'], му[ш], до[ш'], сне[к]), т. е. происходит мена звонких на глухие.

Таким образом, если в положении перед гласными равно могут выступать глухие и звонкие [п] — [б], [п'] — [б'], [ф] — [в], [ф'] — [в'], [т] — [д], [т'] — [д'], [с] — [з], [с'] — [з'], [ш] — [ж], [ш'] — [ж'],

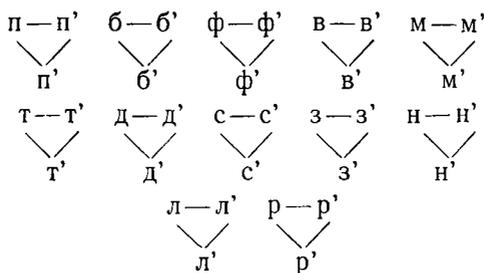
[к] — [г], [к'] — [г'], то в положении перед глухими шумными выступают только [п], [п'], [ф], [ф'], [т], [т'], [с], [с'], [ш], [ш'], [к], [к'], а в положении перед звонкими — только [б], [б'], [в], [в'], [д], [д'], [з], [з'], [ж], [ж'], [г], [г']. В абсолютном конце слова возможны только те же глухие, что и перед глухими шумными, за исключением [к'], который отсутствует в современном литературном языке в этой позиции.

Надо иметь в виду, что в словарном составе русского языка и в его морфологических формах могут отсутствовать образования с сочетаниями некоторых глухих согласных, особенно глухих мягких, перед глухими шумными: в одних случаях это отсутствие связано с нераспространенностью сочетаний мягких согласных с последующими согласными, в других — со случайным отсутствием таких образований; сказанное относится и к звонким согласным в положении перед звонкими шумными.

В результате позиционной мены в русском литературном языке образуется перекрещивающийся тип позиционно меняющихся глухих-звонких шумных согласных, когда в одной позиции — перед гласными — выступают глухие и звонкие, а в других — или только глухие, или только звонкие. Этот ряд позиционно меняющихся согласных образуют следующие группы глухих-звонких:

Позиционная мена согласных в русском литературном языке связана также с отношением твердых мягких согласных перед [e]. Это значит, что если с гласными [a], [o], [y] равно сочетаются как твердые, так и мягкие согласные (например, [мол] — [м'ол], [пат] — [п'а́тый], [бал] — [б'а́зь], [форт] — [ф'о́дор], зат[вóр] — ко[в'о́р], [тот] — [т'о́тя], [дол] — [д'о́рн], [сор] — [с'о́ла], [зов] — [з'о́рна], [шолк] — [ж'о́ны], [ш'о́тка], [ж'о́т], [ч'о́лка], яй[цо́м], [но́ры] — [гн'о́т], [рот] — в[р'о́т], [лоб] — [л'о́г], [кол] — [к'о́льн]), то в сочетании с [e], как правило, выступают только мягкие согласные (например, *по[р'а] — за[р'а́], но по[р'е́] — за[р'е́]; ви[но́м] — ко[н'о́м], но ви[н'е́] — ко[н'е́], се[лу́] — ру[л'у́], но се[л'е́] — ру[л'е́] и т. д.). При такой позиционной мена образуется также перекрещивающийся тип позиционно меняющихся твердых-мягких согласных, когда в одних позициях — перед [a], [o], [y] — выступают как твердые, так и мягкие согласные, а в другой — перед [e] — только мягкие. Этот тип позиционно меняющихся согласных образуют следующие группы твердых-мягких согласных:

В силу малой распространенности в русском литературном языке мягких [к'], [г'], [х'] заднеязычные в образовании рядов позиционно меняющихся твердых-мягких согласных не участвуют.

Однако вопрос о позиционной мене твердых-мягких согласных перед [е] осложняется тем, что в современном литературном языке такой мены перед данным гласным может и не быть: во-первых, перед [е] выступают твердые шипящие [ш] и [ж] и аффриката [ц] (например, [шэ]сть, [жэ]сть, [цэ]лый), а во-вторых, — это главное — в широко распространенных заимствованных словах и аббревиатурах в сочетании с [е] выступают и другие твердые согласные, например: [пэ]р, [купэ], [бэк] (футбол.), [вэ]ф) ВЭФ, [мэ]р, [клфэ], бре[тэл'], мо[дэл'], шо[тсэ], каш-[нэ] и т. д. Это обстоятельство приводит к тому, что позиция перед [е] перестает быть такой, в которой могут выступать только мягкие согласные. Следовательно, синтагматический закон, диктующий необходимость позиционной мены твердых-мягких перед [е], в современном языке действует ограниченно: ему абсолютно подчинена такая позиционная мена только на стыке морфем (прежде всего — на стыке основы и флексии, корня и суффикса); внутри морфем позиционной мены твердых-мягких перед [е] может и не быть.

Позиционные изменения согласных в русском литературном языке связаны прежде всего с соотношениями твердых-мягких согласных при их сочетаемости в потоке речи. Конкретно с тем, что твердые согласные, попадая в положение перед следующим мягким, испытывают влияние этого согласного и произносятся мягко, однако при этом не все согласные смягчаются перед мягкими согласными, так же как не перед любыми мягкими согласными происходит подобное смягчение: одни согласные больше поддаются такому смягчению, другие — меньше, перед одними согласными смягчение наблюдается чаще, перед иными — реже.

Кроме того, смягчение согласных перед мягкими согласными в современном русском литературном языке во многом уступило место произношению твердых согласных, тогда как в старомосковском произношении, характерном для литературного языка второй половины XIX — начала XX в., смягчение согласных перед мягкими согласными было распространено гораздо шире. Так, например, нормой современного литературного языка является сохранение твердости [р] перед мягкими губными и перед мягкими зубными звуками, а также перед [ч'] и [ш']: ко[рп']еть, ско[рб']еть, ко[рм']ить, со[рв']ёшь, в ша[рф']е, ка[рп']ина, се[рд']иный, фо[рс']ить, ко[рз']ина, вто[рн']ик,

жу[ср'л']и, го[рч']ица, нату[рш']ик и т. д. Точно так же обстоит дело с произношением губных перед мягким заднеязычным [к']: в современном литературном языке они произносятся твердо, тогда как раньше они произносились мягко; ср.: ла[пк']и, ля[мк']и, ла[фк']и, гри[пк']и.

Что касается существующего в современном литературном языке смягчения согласных перед мягкими согласными, то оно наблюдается прежде всего при произношении зубных [т], [д], [с], [з], [н] перед мягкими зубными [т'], [д'], [с'], [з'], [н'], [л'], а также перед [ч'], [ш']; такое смягчение наблюдается чаще всего в корнях слов: [з'д']есь, в[о[с'с']е, [с'н']ег, ка[з'н']и, по[с'л']е, ко[з'л']ик, ме[с'т']и, пе[т'л']и, ба[н'т']ик, о[д'н']и, пе[н'с']ия, бе[н'з']ин и т. д. То же самое наблюдается и на стыке корня и суффикса: за[д'н']ий, пу[т'н']ик, карма[н'ч']ик. Реже такое смягчение осуществляется на стыке согласных [з], [д] корня и суффикса -л-: сле[з'л']ивый и сле[зл']ивый, га[д'л']ивый и га[дл']ивый и т. п.

Смягчение согласных перед мягкими отмечается и на стыке приставки и корня, хотя и непоследовательно. Так, всегда мягко произносится конечный согласный в приставках *раз-*(*рас-*), *из-*(*ис-*), *без-*(*бес-*), *воз-*(*вос-*), *через-*(*чрес-*) перед мягкими [с'], [з'] корня: ра[с'с']еять, бе[з'з']емельный, че[р[с'с']е[д]ельник, бе[с'с']ильный, во[с'с']едал и т. д. Перед иными же мягкими зубными конечный согласный этих приставок может произноситься и мягко, и твердо: ра[с'т']ирать и ра[ст']ирать, бе[з'д']елка и бе[зд']елка, ра[з'л']еяться и ра[зл']еяться, во[з'н']ик и во[зн']ик. В отличие от указанных приставок приставка *с-* перед всеми мягкими зубными произносится мягко: [з'д']елать, [с'н']имать, [с'л']ивать.

Точно так же всегда мягко произносится и предлог *с* перед начальным мягким зубным последующего слова: [с'-т']еми, [з'-д']елом, [с'-н']ими, [с'-л']ипой, [з'-з']имы, [с'-с']еном и т. п. В предлогах же *из*, *без*, *через* (так же как и в приставках подобного типа) конечный согласный всегда мягко произносится лишь перед начальными [с'] и [з'] корня, а перед остальными мягкими зубными, которые начинают слово, — то мягко, то твердо: и[с'-с']ебя, бе[с'с']ена, бе[з'з']емли, че[р[с'с']е[г], но: бе[с'т']ебя и бе[с-т']ебя, че[р[з'д']е[н]ь и че[р-з]д'е[н]ь, и[з'-н']их и и[з-н']их и т. д.

Что касается сочетаний [т] и [д] с последующими мягкими зубными на стыке приставки и корня, то в сочетании с [т'] и [д'] конечные согласные приставок могут произноситься и мягко, и твердо, в зависимости от чего при образовании долгого согласного на стыке возникает мягкий или твердый затвор (пауза перед размыканием органов речи): о[т'т']еснить, о[д'д']ирать, о[т'т']януть, о[д'д']елать и о[тт']еснить, о[дд']ирать, о[тт']януть, о[дд']елать. При сочетании же [т], [д] с [с'], [з'] первые произносятся твердо: по[тс']есть, на[дз']ирать и т. д.

Смягчение зубных перед мягкими губными наиболее последовательно происходит внутри корня слова, ср.: ве[т'в']и, че[т'в']ерть, [д'в']е, ме[д'в']едь, [з'в']ерь, и[з'б']е, [з'м']ей, [с'в']ет, [с'в']инья, [с'п']ичка, [с'п']еть, [с'м']еть. Однако отмечается и твердое произношение согласных перед мягкими губными.

Приставки *с-*, *раз-* (*рас-*), *из-* (*ис-*), *без-* (*бес-*), *чрез-* (*чрес-*) перед мягкими губными обычно произносятся с мягким конечным согласным: [с'п']илить, [с'в']ернуть, [с'м']ерить, и[з'б']ить, и[з'в']инить, б[э]з'м'ёрный, ч[р]ез'м'ёрный, р[а]з'в'ёл и т. п. Наоборот, приставки *под-*, *над-*, *пред-*, *от-* перед мягкими губными в современном литературном языке произносятся твердо: по[дб']ежал, на[тп']исать, пре[дв']ещать, о[дб']ить, о[тп']исаться. Очень слабо представлено смягчение зубных перед мягкими губными на стыке предлога и корня. В основном в данном положении смягчается предлог *с*: [с'-в']едром, [з'-б']едой, [с'-м']ёста. Предлоги же *из*, *без*, *через* чаще произносятся с твердым зубным: и[с-п']ёсни, и[з-б']ёлки, б[е]з-в'ёса, ч[е]р[е]с[с-п']ёнъ и т. д. (хотя, впрочем, возможно и смягчение зубного в конце предлога). Наконец, предлоги *от*, *над*, *под*, *перед* произносятся перед мягкими губными твердо: о[т-м']еня, на[д-м']йром, на[т-п']исьмом, по[т-п']ёной, пере[д-м']ёстью.

Смягчение губных перед мягкими губными в современном русском языке очень редко. В старомосковском произношении такое смягчение наблюдалось шире. Так, твердый губной произносится перед мягким на стыке предлога и корня: о[б-б']ерег, о[п-п']ёнъ; почти всегда твердо произносится первый согласный в сочетаниях [фм'], [мб'], [мп']: р[и]ф[м']е, б[о]м[б']ит, л[а]м[п']е. Сочетание [бв'] на стыке приставки и корня произносится с твердым [б]: о[бв']ёл, о[бв']ёл, но внутри корня — с мягким: лю[б'в']и. Всегда смягчается [м] перед [м']: г[а]м[м']е, с[у]м[м']е; приставка или предлог *в* всегда смягчается перед [в'], [ф'], [м']: [в'в']ёл, [ф'ф']ильме, [в'м']ёсте, но перед [п'] и [б'] чаще произносится твердо: [в-б']едё, [фп']ерёд, [в-б']ёлой, [ф-п']ёсне.

Колебания в смягчении согласных перед согласными, разная степень этого смягчения (мягкость, иногда полумягкость или сохранение твердости), его неустойчивость — все это свидетельствует о том, что в данном явлении обнаруживается не позиционная мена согласных, обусловленная синтагматическими законами, а позиционные их изменения, вызванные возможным влиянием соседних звуков.

К позиционным изменениям принадлежат и изменения г л у х и х а ф ф р и к а т [ч'] и [ц] в звонкие [д'ж'] и [дз] и глухого ф р и к а т и в н о г о [х] в звонкий фрикативный [γ] на стыке двух слов перед звонкими шумными, например: [доч'] — [дод'ж'-бы] *дочь бы*, [ат'ец] — [ат'эдз-бы] *отец бы*, [пат'ух] — [пат'уγ-бы] *потух бы*. Подобные позиционные изменения, возникающие при слитном произношении двух слов, могут и не возникать, если между этими словами будет хотя бы незначительная пауза.

Наконец, позиционным изменением является о г л у ш е н и е с о н о р н ы х согласных в конце слова после глухого шумного и в начале слова перед глухим шумным: *пухл* [пухл], *рыхл* [рыхл], *пёстр* [п'остр], *драхм* [драхм], *воплъ* [вопл'], *вепрь* [в'епр'], *рта* [рта], *мха* [мха] и т. д.

Позиционная мена воспринимается и осознается слушающими и говорящими, так как она отражает законы функционирования фонетической системы: нарушение этих законов означает разрушение фонети-

ческой системы данного языка. Позиционные же изменения не воспринимаются и не осознаются, так как они не связаны с синтагматическими законами фонетической системы и поэтому могут осуществляться или не осуществляться: для функционирующей фонетической системы позиционные изменения в принципе безразличны. Характер позиционных изменений согласных, описанных выше, вполне это подтверждает.

§ 64. Позиционные изменения и позиционная мена гласных. Позиционные изменения гласных в русском литературном языке связаны с воздействием на них соседних — предшествующих и последующих — согласных, прежде всего — твердых и мягких. Это воздействие наиболее ярко обнаруживается тогда, когда гласные находятся в ударном слоге. Именно в этой позиции в литературном языке выступают все гласные, которые были охарактеризованы выше, однако выступают они не всегда в одном и том же виде. По отношению к соседним согласным гласные под ударением могут быть в следующих восьми позициях:

I. В абсолютном начале слова перед твердым согласным: [й]ва, [у]хо, [ó]ко, [á]лый¹.

II. В абсолютном начале слова перед мягким согласным: [йв']е, [у'л']ей, [ó'ч']и, [á'л']енький.

III. После твердого перед твердым согласным: [был], [дул], [пэр], [хор], [бал].

IV. После мягкого перед твердым: [б'ил], [л'ук], [л'ес], [н'ос], [м'ат].

V. После твердого перед мягким: [бы'л'], [су'т'], [пэ'ри]; [но'сит], [ма'т'].

VI. После мягкого перед мягким: [б'й'л']и, [л'у'т']ик, о [л'э'с']е, [т'от']я, [м'ят'].

VII. В абсолютном конце слова после твердого: ра[бý], в ле[сý], шос[сэ], ки[нó], ви[нá].

VIII. В абсолютном конце слова после мягкого: ве[л'й], го[р'у], в ок[н'э], в[с'о], мо[р'á].

Если внимательно рассмотреть эти позиции и характер гласных в них, то можно установить, что [а], [о] и [у] выступают как наиболее независимые от качества соседних согласных в положении между твердыми согласными, в абсолютном начале слова перед твердыми и в абсолютном конце слова после твердых; в положении же рядом с мягкими согласными они подвергаются изменениям, которые заключаются в том, что под воздействием этих согласных [а], [о] и [у] передвигаются в более переднюю зону образования. Если учесть, что в русском языке воздействие предшествующего согласного на гласный всегда сильнее, чем воздействие последующего согласного на этот гласный, то можно считать, что особенно независимы от позиции гласные [а], [о] и [у] в абсолютном начале слова перед твердым согласным. Это подтверждается еще и тем, что в такой звуковой характеристике [а], [о], [у] выступают и в изолированной позиции, т. е. вне связи с другими звуками. Значит,

¹ Гласный [о] в абсолютном начале слова под ударением: выступает только в местоимениях *этот, такой*, в слове *эный* и в междометиях *эх, эва*.

для этих гласных звуковой их вид [a], [o], [y] является основным, а [·a] — [a·] — [ä], [·o] — [o·] — [ö], [·y] — [y·] — [ÿ] — разновидностями основного вида. Именно поэтому [a], [o], [y] оцениваются как передние гласные (см. § 61): все более передние их разновидности, возникающие в результате воздействия соседних мягких согласных, не выступают в русском языке в изолированном употреблении.

Что же касается гласных [e] и [и], то они наиболее независимы в положении абсолютного начала слова перед твердым согласным¹, в абсолютном конце слова после мягкого и в положении после мягкого перед твердым согласным. В такой же звуковой характеристике, как в этих позициях, они выступают и в изолированном употреблении. Соседние же твердые согласные оказывают на [e] и [и] воздействие, сообщая им передвижку в более заднее образование (ср.: [йз]бы — [в-ыз]бу, [с'е]в — [сэ]В), а если эти гласные попадают в позицию между мягкими согласными, они становятся напряженными, закрытыми. Поэтому для данных гласных звуковой их вид [e], [и] является основным, а [э] — [э·] — [ê] и [ы] — [ы·] — [ÿ] — разновидностями основного вида. Именно это обстоятельство обуславливает трактовку [e] и [и] как гласных переднего образования (см. § 61): все более задние, а также напряженные, закрытые их разновидности, возникающие в результате воздействия соседних твердых и мягких согласных, не выступают в русском языке в изолированном употреблении.

В этом плане в несколько особом положении находится гласный [ы], который может быть произнесен в изолированной позиции (и с этой точки зрения [ы] как будто бы может быть приравнен к [e] и [и]), однако отсутствие этого гласного в абсолютном начале слов в русском языке, с одной стороны, и явная связь [и] и [ы], выражающаяся в изменении [и] в [ы] после твердых согласных (ср.: [йр]а — [к-ыр']е, [и]стория — пре[ды]стория и т. п.), — с другой, обуславливают возможность трактовки [ы] как разновидности [и].

Воздействие согласных на гласные, таким образом, определяет позиционные изменения гласных в положении под ударением. Такие же позиционные изменения испытывают гласные и в безударных позициях, с той только разницей, что в безударных слогах, по синтагматическим законам русского литературного языка, выступают не все и не те же самые гласные, что в положении под ударением (см. ниже).

Позиционные изменения ударных гласных в русском литературном языке могут считаться достаточно устойчивыми, однако степень передвижки передних гласных в переднюю зону образования и степень передвижки передних гласных в переднюю зону или приобретения ими напряженности и закрытости неодинаковы как для положения гласных в окружении разных по характеру образования согласных, так и для разных носителей литературного языка.

Позиционная мена гласных в русском литературном языке зависит от их ударного и безударного положений.

Дело заключается в том, что русский язык характеризуется словес-

¹ В силу ограниченности [e] в абсолютном начале слова (см. выше) эта позиция для данного гласного должна быть исключена.

ным силовым ударением, при котором гласный ударного слова отличается от гласных безударных слогов большей напряженностью артикуляции, большей долготой и громкостью; например, гласный [y] в [ум] более напряжен, долг и громок, чем [y] в [ума] или в [угд'йт'].

В связи с тем что в многосложном слове ударный гласный оказывается более сильным, гласные безударных слогов ослабляются и могут иметь иное качество. Если сравнить русские ударные и безударные гласные, то можно установить, что гласные [y], [и] и [ы] в безударных слогах становятся слабее, короче или произносятся с меньшей напряженностью артикуляции, но качественно они являются теми же гласными, что [y], [и], [ы] под ударением, например: [úx]o — [ушнóи] — [уткл'нóс, [íв]a — [игл'á] — [игрл'к'í], [сы́р]o — [сыро́и] — [сырл'в'áт]. Лишь количественное ослабление испытывают эти гласные и в заударных слогах, например: [вóду], [кó'н'и], [ры́бы]; [пó-п'ьлу], [крó'л'ик'и], [в'ы' в'ьл-бы].

В отличие от этих звуков гласные [a], [o], [e] в безударных слогах не выступают, и в соответствии с ними в положениях без ударения в русском литературном языке произносятся иные гласные.

В русском литературном языке есть различия между гласными, которые выступают под ударением, в первом предударном слоге и в остальных безударных слогах. Под ударением могут быть шесть гласных: [a], [o], [e], [y], [и], [ы] (после мягких) и [ы] (после твердых); в первом предударном слоге выступают гласные [y], [и] (после мягких), [ы] (после твердых), а также [л] (после твердых) и [и^е] (после мягких); в остальных безударных слогах — гласные [y], [и] (после мягких), [ы] (после твердых), а также [ъ] (после твердых) и [ь] (после мягких).

Гласный [л] — это звук, имеющий характер [a], но более краткий. Он произносится в первом предударном слоге после твердых согласных в соответствии с ударными [a] и [o] ([дал] — [дл'а], [дом] — [дм'а]). Гласный [и^е] — это звук [и], склонный к [e], переднего ряда, верхне-среднего подъема, нелабиализованный. Он произносится в первом предударном слоге после мягких согласных в соответствии с [a], [o], [e] под ударением ([п'áт'] — [п'и'ет'í], [н'ос] — [н'и'ес'ý], [л'ес] — в [л'и'ес'ý]). Гласный [ъ] — так называемый редуцированный (ослабленный) звук заднего ряда, средне-верхнего подъема, нелабиализованный. Он произносится в безударных слогах, кроме первого предударного, после твердых согласных в соответствии с [a] и [o] под ударением (во втором предударном слоге: [сат] — [сэд]овóд, [вóды] — [вэд]овóз; в заударных слогах: [дал] — [в'ыд'ъ], [дом] — [н'а-д'ъм]). Гласный [ь] — тоже редуцированный звук, но переднего ряда, средне-верхнего подъема, нелабиализованный. Он произносится в безударных слогах, кроме первого предударного, после мягких согласных в соответствии с ударными [a], [o], [e] во втором предударном слоге: [п'áт'] — [п'ът']а-чóк, [л'от] — [л'ьд]окóл, [л'ес] — [л'ьс]овóз; в заударных слогах: [зап'р'áч'] — [в'ып'р'ьк], [в'ол] — [в'ьв'ьл], [л'ес] — [в'ьл'ьс]).

Следовательно, можно установить, что в первом предударном слоге в русском литературном языке выступают гласные верхнего подъема нелабиализованные [и] и [ы] и лабиализованный [y] и гласные неверхнего подъема [л] после твердых и [и^е] после мягких согласных. В ос-

тальных безударных слогах выступают те же гласные верхнего подъема, а также гласные неверхнего подъема [ъ] после твердых и [ь] после мягких согласных. Различения гласных среднего и нижнего подъемов, как это наблюдается под ударением, в безударных слогах нет: гласные верхнего подъема противопоставлены здесь единой группе гласных неверхнего подъема, причем в этой последней группе нет лабиализованных звуков.

Позиционная мена ударных и безударных гласных обусловлена синтагматическим законом, согласно которому в безударных слогах могут быть гласные только двух степеней подъема — верхнего и неверхнего, а в зоне неверхнего подъема — только нелабиализованные гласные.

Можно установить соответствия между ударными и безударными гласными, но эти соответствия свидетельствуют лишь о закономерной позиционной мене гласных под ударением и без ударения, а не о позиционных изменениях: данная позиционная мена осуществляется последовательно, как отражение закономерностей функционирования фонетической системы русского литературного языка.

В результате такой позиционной мены в русском литературном языке образуется параллельно перекрещивающийся тип позиционно меняющихся ударных и безударных гласных, когда одни гласные в разных позициях сохраняют свое качество, а другие, различаясь в одной позиции, заменяются одним гласным другого качества в иных позициях. Этот ряд позиционно меняющихся гласных может быть представлен в следующем виде:

Под ударением	В 1-м предударном слоге		В остальных безударных слогах	
	после мягк.	после тв.	после мягк.	после тв.
{и} {ы} {у} {а} {о} {е}	[и] [у] [и ^е]	— [ы] [у] [а]	[и] [у] [ь]	— [ы] [у] [ъ]

Таким образом, особенности функционирования фонетической системы русского литературного языка связаны прежде всего с действием в ней синтагматических законов сочетаемости звуковых единиц, определяющих характер позиционной мены согласных и гласных звуков на синтагматической оси системы. Закономерная позиционная мена согласных и гласных обуславливает внутренние связи звуковых единиц в системе, их организацию в единое целое.

Вместе с тем в фонетической системе, в результате влияния одних звуковых единиц на другие в потоке речи, развиваются и позиционные изменения звуков, не обусловленные синтагматическими законами и потому проявляющиеся не столь последовательно, как позиционная

Однако и позиционная мена, и позиционные изменения обуславливают специфику фонетической системы современного русского литературного языка и особенности ее функционирования.

ОБРАЗЕЦ ФОНЕТИЧЕСКОЙ ТРАНСКРИПЦИИ

Т е к с т

А. С. Пушкин. «Полтава» (отрывок)

Горит восток зарею новой.
Уж на равнине, по холмам
Грохочут пушки. Дым багровый
Кругами всходит к небесам
Навстречу утренним лучам.
Полки ряды свои сомкнули.
В кустах рассыпались стрелки.
Катятся ядра, свищут пули;
Нависли хладные штыки.

Ф о н е т и ч е с к а я т р а н с к р и п ц и я

[гaр'йт вaстoк зaр'бeу нoвьд'//

уш нь-рaвн'ин'ь / пь-хaлмaм
грaхo'ч'ут пyшк'и дым блгрoвьц
кpyгa'м'и фсxo'д'ит к-н'ьб'и'c'aм /
нaфстр'eч'у yтp'ьн'им луч'а'м //
пaлк'и р'иeды свaи сaмкнy'л'и //
ф-кyстaх рaсьпaл'ис' стр'и'eлк'и //
кaт'aцъ j'aдръ с'в'ищ'ут пy'л'и //
нaв'исл'и хлaдныи штык'и]

СЛОГОРАЗДЕЛ И ТИПЫ СЛОГОВ

§ 65. Членение звучащей речи. Человеческая речь представляет собой непрерывный поток звуков, который, однако, не является сплошным: с фонетической точки зрения он может быть расчленен на определенные единицы. Самой крупной единицей при таком членении выступает т е к с т, который в фонетическом плане ограничен паузами и имеет собственный звуковой рисунок. Текст членится на ф р а з ы, выделяющиеся интонацией законченности, а также логическими ударениями. Фразы членятся на с и н т а г м ы, каждая из которых характеризуется интонацией незаконченности; между синтагмами появляются непродолжительные паузы. Еще более мелкой единицей является ф о н е т и ч е с к о е с л о в о — комплекс звучания, объединенный единым словесным ударением. Фонетическое слово образуется единым, без пауз, произношением слова с примыкающими к нему предлогами и частицами (типа *на-стoл, давай-же* и т. п.). Наконец, слова (в том числе и фонетические) делятся на с л о г и, состоящие из звуков речи. Слог выделяется в слове толчками речевого выдоха: на

каждый слог приходится один такой выдох. Слог — это минимальная, далее неделимая произносительная единица (звук речи — это не произносительная единица, а функциональная: с помощью звуков различаются слова и формы слов).

§ 66. Слог как фонетическая единица. С а р т и к у л я ц и о н н о й точки зрения с л о г — это звук или сочетание звуков, произносимых одним выдыхательным толчком. С а к у с т и ч е с к о й точки зрения слоговая граница, т. е. деление на слоги, проходит рядом со звуком наименьшей звучности. Звучность — это слышимость звука на расстоянии. С этой точки зрения, наиболее звучными являются гласные, а из согласных — сонорные. В составе слога один звук выделяется среди других наибольшей звучностью, вокруг него группируются звуки, имеющие меньшую звучность. Звук, имеющий наибольшую звучность, выступает как носитель слога, как с л о г о в о й, а остальные — как н е с л о г о в ы е. Так как наиболее звучными являются гласные, они и выступают чаще всего в качестве слоговых. Слоговыми могут быть также сонорные, но в русском языке они в такой роли выступают очень редко и только в беглой речи (ср. произношение слова *прово́лока* как [п'р'о́вл'къ], *делала* как [д'э́лл'] и т. п.).

Слог, который оканчивается слоговым звуком, называется о т к р ы т ы м, а слог, оканчивающийся неслоговым звуком, — з а к р ы т ы м. Ср.: [кл/сá], [гб/ль/ву], [ý/жъ] и т. д. и [стоп], [док], [рош].

Звучность можно обозначить цифрами, и тогда если 4 — это звучность гласных, то 3 — звучность сонорных, 2 — звучность звонких шумных, 1 — звучность глухих шумных. Слогоделение в следующих словах может быть представлено так:

[рл/слá];	[ку/пл'ý];	[ккм/бáин];	[дом];	[кáр/тъ].
34 134	14 13 4	1432433	243	143 14

Однако слогораздел в русском литературном языке имеет определенные закономерности и особенности, что связано с общим характером русской слоговой структуры.

§ 67. Структура слога. Основной закон, которому подчиняется структура слога русского языка, — это з а к о н о т к р ы т о г о с л о г а, сущность которого заключается в том, что звуки в слоге должны располагаться по восходящей звучности и оканчиваться наиболее звучным звуком, т. е. гласным. Наиболее полно этот закон осуществляется в начале неначального слога слова, в связи с чем наблюдаются следующие закономерности в отнесении к одному или разным слогам сочетаний согласных между гласными.

1. Сочетания шумных между гласными относятся к следующему слогу:

[мл/стá];	[кá/скъ];	[ии ^е /здá];	[лá/пкъ].
34114	14114	34 224	34 114

2. Сочетания шумных с сонорными также отходят к следующему слогу:

Конечный слог опять-таки может строиться, как и нена-
 чальный и начальный, по принципу восходящей звучности и включать
 в себя сочетания: шумный + гласный ([кл/сá]); шумный + шумный +
 + гласный (14
 [кá/стъ]); сонорный + гласный ([кл/рá]), шумный +
 114 34
 + сонорный + гласный ([кл/злá]). Но вместе с тем только конечный
 234

слог может оканчиваться сочетанием двух шумных, двух сонорных,
 шумного с сонорным или двух шумных с последующим сонорным:

[пл/мóст]; [горн]; [бл/л'éz'н']; [кл/н'ýстр] (от *канистра*).
 3411 2433 3 42 3 3 4113

В последнем случае конечный слог характеризуется нисходяще-вос-
 ходящей звучностью.

Особые случаи слогоделения возникают иногда на стыке морфем —
 приставки и корня, корня и суффикса, а также предлога со знамена-
 тельным словом. Эти особые случаи связаны с невозможностью некото-
 рых сочетаний согласных в русском языке. Речь при этом идет о не-
 возможности произнесения в пределах одного слога, во-первых, трех
 одинаковых согласных перед гласным и, во-вторых, двух одинаковых
 согласных перед последующим иным согласным. Иначе говоря, если
 возникают сочетания трех согласных [с] с гласными или двух [с] с по-
 следующим [т] + гласный, то они подвергаются упрощению в сочета-
 нии [с] + [с] + гласный или [ст] + гласный. Вместе с тем сочетание
 двух [с] с последующим [т] + гласный в определенных условиях (в
 книжной речи и большей частью на стыке приставки и корня) сохра-
 няется, но в этом случае слогораздел проходит между двумя одина-
 ковыми согласными: с / с + т + гласный. Упрощение чаще всего
 обнаруживается тогда, когда морфологический стык оказывается ма-
 лоощутимым, когда морфологическое членение слова затемнено; если
 же слово членится на морфемы достаточно определенно, то сочетание
 сохраняется. В зависимости от изложенного и возникают особенности
 в слогоразделе. Например: *без стыда* — [б'ь/стыдá] или [б'ьс/стыдá];
бесспорно — [б'ь/спóрнъ] или [б'ьс/спóрнъ]; но только: *искусство* —
 [и/скý/ствъ], *русский* — [рý/ск'иц].

УДАРЕНИЕ

§ 68. **Определение ударения.** У д а р е н и е — это выделение
 определенной произносительной единицы в составе другой такой
 единицы более высокого уровня: ударение выделяет в слове слог, в
 синтагме или во фразе — слово. Отсюда и различия словесного,
 синтагматического и фразового (или логического) ударения. В русском
 языке основным является словесное ударение, а синтагматическое и
 фразовое — производные от словесного: ударение в синтагме или во
 фразе возникает как усиление словесного ударения.

С артикуляционной точки зрения ударение связано с усилением толчка речевого выдоха. С акустической же точки зрения ударение проявляется в усилении громкости: ударный слог произносится громче безударных.

§ 69. Особенности русского словесного ударения. Русское словесное ударение может быть охарактеризовано как слоговое, или динамическое: ударный слог в слове отличается большей силой, напряженностью, а следовательно, громкостью. Этим признаком русское ударение отличается от музыкального ударения, когда ударный слог характеризуется изменением высоты тона (как, например, в сербском или китайском языках).

Вторая особенность русского ударения — его разноместность, т. е. способность характеризовать любой слог слова: начальный (*гóрод, дéрево, ўчит*), конечный (*завóд, мука́, ходи́ть*), средний (второй — *пóриша, голóвка, посмóтрит*, третий — *голова́стик, поросёнок, умори́ться* и т. д.). Оно не закреплено, таким образом, на определенном слоге (как, например, во французском — на конечном, в польском — на предпоследнем).

Наконец, третьей особенностью русского ударения выступает его подвижность, т. е. возможность передвигаться с одного слога на другой при словоизменении. При этом в русском языке все-таки преобладают слова с неподвижным ударением, которое может всегда находиться или на основе (например, *горóх*), или на окончании (например, *существó*). Что же касается слов с подвижным ударением, то подвижность эта может иметь определенные разновидности. Например, есть существительные, у которых в единственном числе ударение на основе, а во множественном — на окончании (ср. *сло́во — слова́*), и есть такие, у которых в единственном числе ударение на окончании, а во множественном — на основе (ср. *се́ла — сёлá*).

Надо иметь в виду еще и такие явления, связанные с русским ударением, как наличие в русском языке слов, которые в речи оказываются не имеющими ударения, и слов, имеющих не одно, а два, иногда — три ударения. К первым принадлежат служебные слова — предлоги, частицы и союзы, которые при произнесении сливаются с самостоятельными словами, образуя фонетическое слово. Слова, которые присоединяются к последующему слову, называются проклитиками; например: *под-дóм, от-на́с*. Слова же, которые присоединяются к предшествующему слову, называются энклитиками; например: *ста́ть-ли, да́й-же*. Проклитики и энклитики не имеют ударения. Вместе с тем энклитикой может стать и самостоятельное слово, если при сочетании его с предлогом происходит перетягивание ударения на предлог: [*за́*]город, [*по́д*]сом, [*на́*]лок, [*по́д*]ору. В этом случае самостоятельное слово теряет ударение.

С другой стороны, в слове может быть два или три ударения — одно основное, а второе и третье — побочные. Они обозначаются знаком ` . Это наблюдается в сложносокращенных словах, в которых вторая часть равна отдельному слову, (*па́ртсобра́ние, прѐдбѐлѐт, агѐнтбѐзд*), в собственно сложных словах (*пти́цефа́рма, те́лерепо́ртаж, се́ноко́сийлка, тѐрфо́перерабо́тка*); если в сложносокращенном слове выделяются два

сокращенные части, то оно имеет одно основное и два побочных ударения (*агропрóдмкóмплекс, сёлхóзартéль, фáбзавкóм*).

§ 70. Функции русского ударения. В русском языке ударение, во-первых, играет лексикологическую роль: оно является дополнительным средством различения слов (основным средством этого различения выступают фонемы); ср. *áтлас* — *атлáс*, *дорóга* — *дорогá*, *зáмок* — *замóк*, *крéжки* — *кружкí*, *мúка* — *мука́*, *носкí* — *носки*, *óрган* — *оргáн*, *прóпасть* — *пропáсть*, *хаóс* — *хаос* и т. д. Русскому ударению присуща также морфологическая функция: оно выступает как дополнительное средство различения грамматических форм слова (основным средством этого различения являются морфологические элементы); ср. *ру́ки* — *рукí*, *вóды* — *воды́*, *узнáют* — *узнаóт*, *úчит-ся* — *учítься*, *засы́пает* — *засыпáет* и т. д.

Вместе с тем следует иметь в виду, что в русском языке некоторые слова имеют акцентные варианты, т. е. ударение в них может находиться на разных слогах, и этот факт расценивается как наличие вариантов литературной нормы; к таким словам относятся, например, *íначе* — *инáче*, *твóрог* — *творóг*, *мышлениe* — *мышлéние* и некоторые другие. Однако подобная вариантность ударения встречается редко, и в целом русские слова имеют зафиксированное и устойчивое ударение.

ОРФОЭПИЯ

§ 71. Нормы произношения и фонетическая система русского литературного языка. Орфоэпия (от греч. *orthos* «простой, правильный» и *epos* «речь») — это совокупность правил, устанавливающих нормализованное произношение.

Не все, что характеризует устную речь, принадлежит произношению в собственном смысле этого слова. Устную речь, например, характеризует интонация, темп, дикция, но все это не относится к произношению. Более того, казалось бы, правильное ударение — это то, что должно быть приписано произношению, однако русское ударение с его разноместностью (т. е. возможностью находиться на разных слогах слов) и подвижностью (т. е. возможностью передвигаться на разные слоги при изменении слова) характеризует каждое отдельное слово или форму, а не определяет произносительную систему. Между прочим, поэтом ударение и не является собственно предметом фонетики, т. е. учения о звуках речи (хотя традиционно и включается как самостоятельный раздел при описании фонетики): как говорилось выше (см. § 64), гласные звуки русского литературного языка подвергаются позиционной мене в зависимости от их ударного или безударного положения, но правила произношения безударных гласных непосредственно не определяются ударением.

Таким образом, орфоэпические правила охватывают только область произношения отдельных звуков в определенных фонетических позициях или сочетаний звуков, а также особенности произношения звуков в тех или иных грамматических формах, в группах слов или в отдельных словах.

Нормы произношения должны соблюдаться каждым, кто хочет владеть правильной литературной речью. Нормы эти носят различный характер и имеют различное происхождение.

В одних случаях фонетическая система диктует только одну возможность произношения. Иное произношение будет нарушением законов фонетической системы, что может привести или к полному разрушению взаимопонимания (например, неразличение твердых-мягких согласных и произношение или только твердых, или только мягких), или, во всяком случае, к нарушению внутренних связей и отношений элементов фонетической системы (например, различение глухих и звонких согласных в любом фонетическом положении). В этих случаях литературные нормы имеют объективный характер. Это не значит, конечно, что любой носитель русского языка, для которого он является родным, усваивает такие нормы вместе с языком. Например, носители различных русских диалектов вместе с языком усваивают и нормы своего диалекта, которые объективно, по характеру фонетической системы, могут отличаться от литературных норм.

В других случаях фонетическая система разрешает не одну, а две или несколько возможностей произношения. В таких условиях одна возможность признается общественной практикой литературно правильной, нормативной, а другие или оцениваются как варианты литературной нормы, или признаются нелитературными. Например, как уже говорилось (см. § 64), в русском литературном языке система безударных гласных покоится на различии гласных двух подъемов — верхнего и неверхнего, причем в области неверхнего подъема выступают только нелабиализованные [л], [ъ] после твердых и [и^е], [ь] после мягких согласных. Однако к гласным неверхнего подъема нелабиализованным относятся и такие, как [а], [е], [ы^е] (звук [ы], склонный к [е]), как после мягких [и^е], см. § 64), а следовательно, фонетическая система допускает произношение и этих гласных. Иначе говоря, если носитель русского языка произносит не [вдá], [длмá], [з'и^е]мля, [н'и^есú], а [вэдá], [дэмá], [з'е]мля, [н'есú] или [вэдá], [дэмá], [з'а]мля, [н'асú] и т. д., то он не нарушает законов русской фонетической системы — принцип позиционной мены ударных и безударных гласных сохраняется полностью; однако он нарушает нормы литературного произношения, установленные общественной практикой. Еще один пример: фонетическая система равно разрешает произносить [ч'т] и [шт], такие сочетания разрешены в любой позиции — в начале слова, например [ч'ту] и [штап], в середине слова, например [пóч'тъ] и [кштáн], в конце слова, например [мач'т] и [кошт]. С этой точки зрения правило произношения [шт] в словах *что* и *чтобы* есть не объективно диктуемая фонетической системой норма, а норма, установленная общественной практикой. Влияние орфографии на произношение в свое время вызвало появление у некоторых носителей литературного языка произношения [ч'то], [ч'тóбы]. Это первоначально расценивалось как нарушение литературной нормы, а в наши дни признается вариантом литературного произношения.

§ 72. Развитие норм русского литературного произношения. Нормы литературного произношения — это и устойчивое, и развивающееся

явление. В каждый данный момент в них есть и то, что связывает сегодняшнее произношение с произношением, свойственным прошлым эпохам развития литературного языка, и то, что возникает как новое в произношении под действием живой устной практики носителей языка, как результат действия внутренних законов развития фонетической системы. Современное русское литературное произношение начало складываться еще в XVIII в. на основе так называемого московского просторечия, образовавшегося на базе взаимодействия северновеликорусских и южновеликорусских говоров. К XIX в. старомосковское произношение сложилось во всех своих основных чертах и, как образцовое, распространило свое влияние и на произношение населения других крупных культурных центров. Старомосковское произношение в определяющих его особенностях сохранилось и как норма современного литературного языка, однако за прошедшие периоды истории, и особенно в последние 60 лет, литературные нормы подверглись изменениям под влиянием различных причин. Поэтому современное литературное произношение в целом ряде моментов уже отошло от старомосковских норм и продолжает изменяться.

Можно по-разному относиться к факту изменения произношения под влиянием живой устной речи, разговорной стихии, орфографии и т. д.: можно встать на точку зрения пуристов и отвергать всякие изменения, полагая, что нормы всегда незыблемы (и поэтому, скажем, старомосковское произношение должно сохраняться и культивироваться во всех его чертах и особенностях); можно, наоборот, встать на точку зрения тех, кто считает, что «все дозволено» и что живая разговорная стихия должна беспрепятственно проникать в литературную речь (и поэтому неважно, как говорит человек,— главное, чтобы его понимали). Однако ни та, ни другая точки зрения не могут быть приняты.

Пуризм означает отрицание возможности развития языка, насильственное навязывание ему того, что противоречит современной общественной языковой практике, стремление сдерживать то, что уже получило свое признание в устной разговорной речи, и не дать ему проникнуть в литературный язык. Но, как известно, навязать языку что-либо невозможно: язык развивается по своим законам, независимо от воли людей, и поэтому важно понять эти законы и пути развития языка. С другой стороны, отрицание необходимости единых устойчивых норм произношения, как и вообще норм литературного языка, не может быть принято потому, что при отсутствии таких норм взаимопонимание говорящих и слушающих нарушается или осложняется, так как слушающий начинает обращать внимание не на то, что говорят, а на то, как говорят, т. е. не на внутреннее содержание речи, а на ее внешнее выражение.

Необходимость единых норм произношения обусловлена еще и тем, что звуковая сторона языка связана с орфографией, с правилами правописания, которые тоже должны быть едины, чтобы обеспечить легкость понимания текста при чтении. Обучение единым правилам орфографии облегчается при единстве норм произношения носителей языка.

§ 73. Единство русского литературного произношения. Варианты норм. Из сказанного ясно, что нормы русского литературного произношения — это устойчивое и динамически развивающееся явление; они опираются на законы функционирования фонетической системы языка и на общественно выработанные и традиционно принятые правила, которые подвергаются изменениям в процессе развития устной литературной речи в результате влияния на нее различных факторов языкового развития. Эти изменения первоначально носят характер колебания норм, но, если такие изменения не противоречат фонетической системе и приобретают широкое распространение, они приводят к возникновению вариантов литературной нормы, а затем и, возможно, к укоренению новой нормы произношения.

Необходимостью единства норм литературного произношения обусловлено обучение этим нормам в школе, культивирование их средствами массовой коммуникации — через печать, радио и телевидение, через кино и театр. Все это создает условия для распространения норм русского литературного произношения в широких массах советского народа.

В наши дни борьба за правильную русскую речь и за соблюдение норм литературного произношения приобретает особенно важное значение в связи с тем, что русский язык, став средством межнационального общения народов СССР, все больше распространяется среди иноязычных народов нашей страны.

Надо иметь в виду, что полного единства русского литературного произношения никогда не было: в крупных культурных центрах старой России, таких, как Петербург, Казань, Нижний Новгород, Воронеж, Одесса и др., всегда были местные отличия в литературном произношении, связанные прежде всего с влиянием местных диалектов или воздействием письменности («выговор по письму»). И в наши дни такие отличия сохраняются. Кроме того, своеобразному «варьированию» подвергается русское литературное произношение в национальных республиках нашей страны: влияние родных языков на русскую речь людей иных национальностей вызывает определенные и различные отклонения от литературных норм.

Таким образом, источником отклонений от норм литературного произношения являются диалектные особенности, свойственные речи многих носителей русского языка, орфография и влияние родного языка (если речь идет о произношении нерусских, овладевших русским языком как неродным). Оставляя в стороне, как специальный, вопрос о русском произношении нерусских, следует подробнее рассмотреть факты, связанные с влиянием диалектов и орфографии.

В связи с тем что русские диалекты могут иметь фонетические системы, отличные в определенных звеньях от системы литературного языка, или иначе реализовывать возможности произношения, чем они реализуются в литературном языке, — в связи с этим, усваивая литературные нормы, носители диалектов могут сохранять в своем произношении те фонетические особенности, которые свойственны этим диалектам. Так, северновеликорусские говоры имеют такую фонетическую систему, в которой отношения ударных и безударных гласных

оказываются иными, чем в литературном языке: в таких диалектах три степени подъема гласных и их различия по наличию-отсутствию лабиализации равно характерны и для ударных, и для безударных слогов; иначе говоря, без ударения различие [o] и [a] сохраняется. Такие говоры называются *окающими*; носители их по-разному произносят [далá], [трава́] и [дома́], [стола́], в то время как, согласно литературной норме, в первом предударном слоге во всех этих словах произносится звук [л]. Оканье как диалектная особенность очень устойчиво, и люди, знавшие это явление в своем диалекте, усваивая нормы литературного произношения, вместе с тем долго удерживают безударное [o], отличающееся от [a]. Или, например, носители южновеликорусских говоров, для которых характерен заднеязычный звонкий согласный не взрывного ([ŋ]), а щелевого образования ([ɣ]), в соответствии с которым на конце слов и перед глухим согласным произносится [x], а не [k], как в литературном языке, долго и устойчиво сохраняют эту диалектную особенность (т. е. произношение [ɣ]олова́, но[ɣ]а́, [нох], [с'н'ех] и т. п.), нарушая тем самым литературные нормы.

С другой стороны, приобщение к литературному языку через письменность, через чтение литературы приводит к возникновению произношения в соответствии с написанием, что также может повлечь за собой нарушение литературных норм. Например, по нормам литературного языка конца XIX — начала XX в. необходимо было произносить возвратную частицу *-ся, -сь* в глаголах с твердым согласным: *умыва́л[с'ь]*, *смея́л[с'ь]*, *умыва́ю[с]*, *смею́[с]*. Под влиянием орфографии стало развиваться произношение этой частицы с мягким согласным: *умыва́л[с'я]*, *смея́л[с'я]*, *умыва́ю[с']*, *смею́[с']*, первоначально признававшееся неправильным, нелитературным, а в наши дни ставшее вариантом литературного произношения. Точно так же развивалось произношение окончаний прилагательных с основой на [к], [г], [х] с мягким заднеязычным: [кр'эпк'и́], [стрóг'и́], [т'их'и́] и т. п. в отличие от старомосковской нормы [кр'эпкѣ́], [стрóгѣ́], [т'ихѣ́] и т. п.

Из сказанного ясно, что отклонения от литературных норм произношения или их нарушения могут иметь разную судьбу: в одних случаях эти отклонения и нарушения так и остаются отклонениями и нарушениями, в других же — завоевывают право на существование и являются источником развития вариантов норм.

При обучении нормам русского литературного произношения надо стремиться к преодолению диалектных особенностей в речи обучающихся, к усвоению орфоэпических правил литературного русского языка как факту высокой языковой культуры говорящих. Школе в проведении такой работы, связанной с повышением культуры устной речи молодого поколения, принадлежит главное место.

ОСНОВНЫЕ ОРФОЭПИЧЕСКИЕ ПРАВИЛА СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

§ 74. Произношение безударных гласных. Русский литературный язык характеризуется *а к а н ь е м*, суть которого заключается в том, что в безударных слогах гласным неверхнего подъема [a], [o], [e] соот-

ветствует один и тот же звук. Эта черта свойственна не только литературному языку, но и многим южно- и средневеликорусским говорам, однако нормы литературного произношения диктуют, что в каждом определенном безударном слоге должен произноситься именно данный, а не какой-либо иной гласный, какой может произноситься в акающих русских диалектах.

В первом предударном слоге после твердых согласных в соответствии с [a], [o] произносится звук [ɫ] (см. § 64): тр[ɫ]вá, з[ɫ]кóн; д[ɫ]мá, к[ɫ]рóва.

В первом предударном слоге после мягких согласных в соответствии с [a], [o], [e] произносится звук [и^е] (см. § 64): [п'и^е]тáк, [м'и^е]тéж; [н'и^е]сý, кол'и^есó; [л'и^е]сóк, [п'и^е]вéц.

В связи с тем что [и^е] — звук, промежуточный между [и] и [e], он подвержен колебаниям, и поэтому вместо него может произноситься или [é], или [и], однако произношение [e] оценивается как диалектное, а произношение [и] («йканье») в наши дни признается как вариант русской литературной нормы, хотя и менее образцовый по сравнению с произношением [и^е].

Особым оказывается произношение гласных неверхнего подъема в первом предударном слоге после твердых шипящих [ш], [ж] и аффрикаты [ц]. По старомосковским нормам после этих согласных в соответствии с [a], [o], [e] должен произноситься гласный [ы^е], т. е. звук [ы], склонный к [e] (ср. [и^е] после мягких): [жы^е]рá, [шы^е]гáть, [жы^е]нá, [шы^е]лká, [жы^е]стýнка, [шы^е]рéнга.

Однако в современном литературном языке эти нормы во многом изменились. Во-первых, произношение [ы^е] после [ш], [ж] достаточно устойчиво сохраняется только в случаях соответствия этого гласного гласным [o] и [e]; в соответствии же с [a] в первом предударном слоге после твердых согласных [ш], [ж] произносится [ɫ], т. е. тот же звук, что и после других твердых: ж[ɫ]рá, ш[ɫ]гáть. Возникнув в результате аналогии с произношением гласных в первом предударном слоге после твердых согласных и не без влияния орфографии, такое произношение стало нормой русского литературного языка. Вместе с тем произношение [ɫ] после [ш], [ж] в соответствии с [a] не распространилось на все слова подобного характера: в некоторых из них предпочтительным остается произношение [ы^е]. К ним относятся такие слова, как [жы^е]лёт, к со[жы^е]лэнию, по[жы^е]лэй, [жы^е]кёт, [жы^е]смйн, ло[шы^е]дэй, -ям.

Точно так же и после [ц] в первом предударном слоге произносится в соответствии с [a] звук [ɫ]: ц[ɫ]рítь, ц[ɫ]рáпать.

В остальных безударных слогах после твердых согласных в соответствии с [a] и [o] произносится редуцированный звук [ъ] (см. § 64). Так, во втором предударном слоге в соответствии с [a]: б[ъ]рабáнщик, к[ъ]нитéль, л[ъ]кирóвка, н[ъ]валítь; в соответствии с [o]: м[ъ]лотóк, г[ъ]ворítь, х[ъ]рошó, к[ъ]новóд; в заударных слогах в соответствии с [a]: выгн[ъ]л, выд[ъ]л, выгн[ъ]ла, выд[ъ]ла, бóмб[ъ], кóрк[ъ]; в соответствии с [o]: выг[ъ]н, гóр[ъ]д, выг[ъ]ню, гóр[ъ]ду, чýств[ъ], гóрд[ъ].

Точно такое же произношение должно быть в безударных слогах

в соответствии с [а], [о], [е] и после [ш], [ж] и [ц]: ш[ъ]лаша́, вы́ж[ъ]ть, двáдц[ъ]ть, ж[ъ]лобóк, ц[ъ]ли́на.

Правила произношения [а] и [о] в безударных слогах не распространяются абсолютно на те случаи, где эти гласные оказываются в составе служебных слов — в союзах и предлогах (типа *да, но, что, хоть, коль, то...то, до, по, на*). В этих случаях гласные [а] и [о], попадая в положение второго или третьего предударного слога, произносятся по общим правилам, если эти гласные входят в состав фонетического слова, т. е. произносятся слитно со словом, к которому они примыкают (ср. [дъ-н'и^е-на́дъ] *да не надо!*), или сохраняются без изменения, если произносятся отдельно от слова, к которому они относятся (ср. [кол' п'ирлг'и] *коль пироги начнет печи сапник...*).

На произношение гласных неверхнего подъема в безударных слогах, кроме первого предударного, после м я г к и х согласных может оказывать влияние то, что они оказываются флексиями именных форм. Обычно во всех безударных слогах, кроме первого предударного, после мягких согласных в соответствии с [а], [о], [е] произносятся [ь] (см. § 64): [п'ь]тачо́к, [р'ь]бовáтый; вы́[т'ь]ну, стёр[л'ь]дь; [л'ь]дохóд, [с'ь]льсовет; вы́[н'ь]с, вы́[в'ь]з; [л'ь]совóз, [в'ь]совóй, вы́[л'ь]з, пере[п'ь]л.

Однако без ударения в именной флексии может произноситься не [ь], а [ъ], т. е. гласный более заднего образования. Так обстоит дело, например, в имен. пад. ед. ч. существительных жен. р.: кáп[л'ъ], б́у[р'ъ], во́[л'ъ]; в род. пад. ед. ч. муж. и ср. рода: го́лу[б'ъ], о́ку[н'ъ], мо́[р'ъ], по́[л'ъ]; в дат. и предл. пад. множ. ч.: б́у[р'ъ]м, б́у[р'ъ]х, кáп[л'ъ]м, кáп[л'ъ]х и в некоторых других случаях. Наряду с [ъ] здесь может произноситься и [ь], причем в некоторых окончаниях [ь] — единственно возможный гласный (например, с [ь] произносится безударное окончание *-ей* в род. пад. множ. ч.: сосе́[д'ь]и, медве́[д'ь]и). Однако надо признать, что произношение [ъ] или [ь] в заударных конечных открытых и закрытых слогах в именных флексиях, как и колебания в их произношении или появление в некоторых случаях произношения [и^е] (ср., например, возможное произношение в предл. пад. ед. ч. существительных всех трех родов окончания [и^е]: в по́[л'и^е], в мо́[р'и^е], о го́лу[б'и^е], на во́[л'и^е] и т. д.), не имеет существенного значения в современных нормах произношения: низкая информативная роль заударных гласных, определяющаяся тем, что форма «узнается» не по этим гласным, а по общему положению ее в кругу других форм или по морфолого-синтаксической позиции, делает произношение безударных гласных неверхнего подъема во многом безразличным.

§ 75. Произношение согласных. По нормам русского литературного языка два основных ряда согласных — ряд парных глухих-звонких и ряд парных твердых-мягких — строятся на том, что глухие-звонкие и твердые-мягкие обязательно различаются в определенных позициях: парные глухие-звонкие — перед всеми гласными, а парные твердые-мягкие — перед всеми гласными, кроме [е]. Различение этих согласных обязательно, так как при его помощи различаются слова и их формы: ср.: [пыл] — [был], [п'ел] — [б'ел], [кол] — [гол], а также [вал] —

[в'ал], [вол] — [в'ол], [лук] — [л'ук], [кон] — [ко'н'], уго[л] — уго[л'], [кроф] — [кроф'] и т. д.

С другой стороны, нормы литературного произношения требуют позиционной мены парных глухих-звонких в позиции перед глухими-звонкими и на конце слова. Это значит, что перед глухими шумными и на конце слова могут произноситься только глухие, а перед звонкими шумными — только звонкие; ср.: *прута́* — *пруда́*, но [прут]; *рота́* — *рода́*, но [рот]; *коза́* — *коза́*, но [кос]; *мошек* — *ложек*, но [мош]ка, [лош]ка; *лото́к* — *лодок*, но ло[тк]а́, ло[тк]а; *молоти́ть* — *ходи́ть*, но моло[д'б]а́, хо[д'б]а́; [ст]ащи́ть, но [з'д']е́лать.

При этом в соответствии с глухим-звонким согласным всегда выступает парный ему глухой-звонкий (см. § 59). В этом плане особого внимания заслуживают отношения трех заднеязычных согласных — [к], [г], [х].

Русский литературный язык имеет заднеязычный звонкий смычный согласный [г], глухой парой к которому выступает [к]. Поэтому по литературным нормам надо произносить ро[г]а́, бе[г]а́ и [рок], [б'ек] и т. д., в отличие от тех русских диалектов, которые имеют заднеязычный звонкий щелевой согласный [γ], глухой парой к которому выступает [x]: ро[γ]а́, бе[γ]а́ и [рох], [б'ех] и т. д.

Что касается неразличения твердых-мягких согласных перед [е] как нормы литературного русского языка, то в современном языке эта норма подверглась изменению, так как все шире распространяется возможность произношения перед [е] как мягких, так и твердых согласных (см. § 97). В связи с тем что в русском языке действует тенденция к приспособляемости звукового облика заимствованных слов с [е] после твердого согласного, многие такие слова постепенно «обрусели» и произносятся теперь с мягкими согласными перед [е] (ср.: му[з'е]я́, [т'е]ма, пио[н'е]р и т. д.), но целый ряд слов сохраняет здесь твердый согласный (ср.: анти[тэ]за, [тэ]мп, к[р]е́до и т. д.). Твердое или мягкое произношение согласного перед [е] в подобного рода словах определяется в словарном порядке, т. е. в каждом отдельном случае правила произношения устанавливаются особо.

Сложную область русской орфоэпии образуют произношение согласных перед мягкими согласными и нормы этого произношения. Как уже говорилось (см. § 63), в современном русском языке тенденция к ассимилятивному смягчению согласных перед мягкими согласными ослабла, и многие согласные в положении перед мягкими сохраняют твердость или испытывают очень незначительное смягчение. Выше были описаны процессы, связанные с позиционными изменениями согласных перед мягкими согласными в современном языке (см. § 63), и отмечены случаи отсутствия таких позиционных изменений или колебаний в произношении твердых-мягких согласных перед мягкими согласными.

С точки зрения фонетической системы русского литературного языка наличие или отсутствие позиционного смягчения согласных не играет принципиальной роли, так как эта система разрешает и сочетания твердого с твердым (например, мо[ст]а́), и сочетания мягкого с мягким (например, ма́[л'ч']ик), и сочетания мягкого с твердым (на-

пример, па[л'ла], и сочетания твердого с мягким (например, ла[пк'ли]). Поэтому нормы произношения согласных перед мягкими согласными, точнее, наличие или отсутствие ассимилятивного смягчения, оказываются не только неустойчивыми, но и в своем большинстве не поддающимися регламентации.

Конечно, можно сказать, что в определенных случаях ассимилятивное смягчение действует сильнее и оказывается устойчивее, чем в других (например, таким является произношение мягких зубных перед мягкими зубными внутри корня: [с'т'ленá, гó[с'т'ли; [з'д'л'есь, ве[з'д'л'е; ве[с'н'л'е, трé[с'н'лет; [з'л'л'ить, кó[з'л'лик и т. п., но не на стыке приставки и корня, где может быть и ра[с'т'л'яну́ть и ра[с'т'л'яну́ть, во[з'д'л'ержáлся и во[з'д'л'ержáлся), однако чем дальше развивается русский литературный язык, тем сильнее в нем действует тенденция к утрате ассимилятивной мягкости.

§ 76. Произношение некоторых сочетаний согласных. Эти правила сложились также в старомосковском произношении и к нашему времени подверглись известным изменениям.

Произношение сочетания чн. По старомосковским нормам орфографическое сочетание *чн* должно произноситься как [шн]: конé[шн]о, скú[шн]о, молó[шн]ый, яй[шн']ица, бúло[шн]ая и т. д. Этому правилу не подчинялись слова, связанные по своему образованию со словами, имеющими в своем составе [ч'], от которых они были образованы (например, *дачный* от *дача*, *ночной* от *ночь* и т. п.), и слова книжного характера (например, *точный*, *научный* и т. п.). В процессе развития языка под влиянием орфографии произношение [шн] стало вытесняться произношением [ч'н], и в настоящее время [шн] сохраняется только в некоторых словах, а именно — в конé[шн]о, скú[шн]о, яй[шн']ица, пустя[шн]ый, скворé[шн']ик, прáче[шн]ая, пéре[шн']ица и в женских отчествах на *-ична*: Ильини[шн]а, Фомини[шн]а. В ряде слов допускается двоякое произношение: бúло[ч'н]ая и бúло[шн]ая, слíво[ч'н]ый и слíво[шн]ый, молó[ч'н]ый и молó[шн]ый, пшени[ч'н]ый и пшени[шн]ый, причем предпочтение отдается произношению [ч'н]. Поэтому в целом произношение [шн] на месте *чн* надо считать вытесняющимся: уже сейчас сохранение [шн] оценивается как просторечная особенность. В ряде случаев различия в произношении [ч'н] и [шн] связываются со смысловой дифференциацией слов: молó[ч'н]ая *железа*, но молó[шн]ая *каша*, сердé[ч'н]ые *болезни*, но *друг* сердé[шн]ый.

Произношение чт в слове *что* и производных от него. По старомосковским нормам в слове *что* и производных от него необходимо произносить [шт]: [што], [шт]óбы, ни за [шт]ó, кóе-[што] и т. д. Книжное слово *нечто* сохраняло [ч'т], а *ничто* допускало двоякое произношение: [н'ич'тó] и [н'иштó].

И здесь под влиянием орфографии в современном литературном языке развилось произношение [ч'т], ставшее вариантом литературной нормы.

Произношение жд в слове *дождь* и производных от него. По старомосковским нормам *жд* в *дождь* и производных от него должно произноситься как [ж'], в соответствии с которым на конце слова выступает [ш']: до[ж']я, до[ж']ик, до[ж']ливый и [дош'].

Под влиянием орфографии в современном литературном языке развилось произношение [жд'], в соответствии с которым на конце слов выступает [шт']: до[жд']я, до[жд']ик, до[жд']ливый и до[шт']. Такое произношение также оценивается как вариант литературной нормы.

Произношение сочетаний *жж* и *жжж*. По старомосковским нормам орфографические сочетания *жж* и *жжж* произносились как звонкий долгий мягкий шипящий: ви[ж']ать, ё[ж']у, бры[ж']ет, во[ж']и, дрó[ж']и, жу[ж']ать, по[ж']е, [ж']от. В настоящее время, правда, не во всех словах, на месте *жж* и *жжж* произносится долгий твердый шипящий: жу[ж]ать, [ж]от, по[ж]е и т. п. И это произношение оценивается как вариант литературной нормы.

Произношение *сч* и *зч* на стыке корня и суффикса. По старомосковским нормам орфографические сочетания *сч* и *зч* на стыке корня и суффикса должны произноситься как долгий глухой мягкий шипящий: разнó[ш']ик, извó[ш']ик, заká[ш']ик, расскá[ш']ик. Вариантом нормы может быть признано и произношение [ш'ч']: разнó[ш'ч']ик, извó[ш'ч']ик, заká[ш'ч']ик, расскá[ш'ч']ик.

Точно так же обстоит дело и с произношением *сч* на стыке почти не выделяемой в современном языке приставки и корня: [ш']астье и [ш'ч']астье, [ш']от и [ш'ч']от.

Произношение сочетаний с утрачивающими согласными. В целом ряде случаев в сочетании из трех согласных один согласный по нормам литературного языка не произносится. Так, сочетание *лиц* произносится как [лц]: со[лц]е; сочетания *рди* и *рди* произносятся соответственно как [рц] и [рч]: се[рц]е, се[рч']ишко; сочетание *стн* произносится как [сн]: чé[сн]ый, вé[с'н']ик. В других случаях может быть двойное произношение: в одних словах сочетание из трех согласных упрощается, а в других — сохраняется. Так, сочетание *зди* обычно произносится как [зн]: по[зн]ю, прá[з'н']ик, но в книжных словах оно может сохраняться: бé[зди]а, безвозмé[зди]ю; точно так же сочетание *стл* может произноситься как [сл]: сча[сл']ивый, сове[сл']ивый, но может и сохраняться: хва[стл']ивый, ко[стл']ивый.

Группа из четырех согласных произносится с утратой одного из них: группа *ств* — как [ств]: чу[ств]ю, здра[ств]уй (и производные от них); группа *стск* — как [сск]: марксы[сск']ий, пропаганди[сск']ий.

§ 77. Произношение звуков в некоторых грамматических формах.

Произношение формы именительного падежа единственного числа прилагательных мужского рода. По старомосковским нормам эта форма должна произноситься с окончанием [ъи] и [ьи] в безударном положении: красн[ъи], син[ъи]. Однако влияние орфографии вызвало изменение этой формы и появление в современном литературном языке произношения [ыд], [ий]: красн[ыд], син[ий]. Это же наблюдается и в произношении данного окончания после твердых шипящих [ш], [ж]: хорó[ш]и и хорó[ш]и, рýж[ъи] и рýж[ьи] и т. д.

В прилагательных же с основой на заднеязычный [к], [г], [х], где по старомосковским нормам выступало окончание [ъи], под влиянием

орфографии возникло произношение [и̑]: крѣпк[ъ̑] и крѣпк[и̑], упрѣг[ъ̑] и упрѣг[и̑], тѣх[ъ̑] и тѣх[и̑] и т. д. То же наблюдается и в фамилиях на *-ский*. Белѣнск[ъ̑] и Белѣнск[и̑], Маяковск[ъ̑] и Маяковск[и̑] и т. п.

Как произношение [ъ̑], [ь̑], так и произношение [ы̑], [и̑] в окончаниях прилагательных представляют собой варианты современных орфоэпических норм.

Произношение окончания именительного падежа множественного числа прилагательных также имеет два варианта, характеризующих литературную норму: или [ы̑], [и̑]: красн[ы̑], син[и̑], или [ы̑̑], [и̑̑]: красн[ы̑̑], син[и̑̑].

Произношение безударных окончаний в 3-м лице множественного числа глаголов II спряжения. По старомосковским нормам эти окончания должны произноситься как [ут], [ʹут]: дѣ[шут], мѡ[лʹут], кѡ[пʹут], хѡ[дʹут], лѣ[чʹут]. Однако в настоящее время в этих окончаниях все больше и больше распространяется гласный [ъ̑] после твердых и мягких согласных: дѣ[шъ̑т], дѣр[жъ̑т], хѡ[дʹъ̑т], лѣ[чʹъ̑т], т. е. такое произношение, которое соответствует общим нормам произношения безударных гласных неверного подъема. Новое произношение стало нормой литературного языка, тогда как старое превратилось в диалектную особенность.

Произношение *-ся(-сь)*. Старомосковская норма произношения этого аффикса с твердым [с] теперь почти не встречается. Нормой современного русского литературного языка является произношение мягкого согласного в аффиксе *-ся(-сь)*: начал[сʹа̑], начал[сʹ], собрал[сʹъ̑], собрал[сʹ] и т. д. Выше уже говорилось, что появление такого произношения — результат влияния на живую речь орфографии.

Произношение глаголов на *-ивать* после заднеязычных согласных. И здесь старомосковское произношение с гласным [ъ̑] после [к], [г], [х]: выт[аскѣв]ать, выт[ягѣв]ать, отр[яхѣв]ать, — сменилось новой нормой под влиянием орфографии: выт[аскʹив]ать, выт[ягʹив]ать, отр[яхʹив]ать и т. п.

* *

Таким образом, нормы современного русского литературного произношения представляют собой сложное явление. Одни из них имеют непосредственное отношение к фонетической системе, покоятся на закономерностях ее функционирования и поэтому оказываются наиболее устойчивыми. Эти нормы не только обязательны для говорящих, но и не зависят от говорящих, ибо в них реализуется фонетическая система языка, и нарушение их есть разрушение этой системы, а следовательно, и разрушение языка.

Другие нормы — это установленные обществом правила произношения, покоящиеся на выборе одной из возможностей реализации звуковых единиц в речи, какие предоставляет фонетическая система. Такие нормы подвергаются изменениям в процессе развития языка; эти

изменения могут не приниматься или приниматься обществом: в первом случае они, подвергаясь сознательной критике со стороны носителей литературного языка, не закрепляются в языке; в другом случае, являясь отражением объективных закономерностей развития языка, они постепенно приводят к появлению вариантов литературной нормы и в конечном счете — к укреплению новой нормы произношения. Поэтому, если в произношении появляется нечто новое, отклоняющееся от действующих норм, нельзя прямолинейно оценивать это ни как простое нарушение, ни как обязательное начало развития новых норм: оценка нового в произношении требует и времени, и внимательного анализа того, чем обусловлено это новое явление и какое отношение оно имеет к фонетической системе языка и к закономерностям ее функционирования. Сознательное отношение к стихийным процессам языкового развития, к речевой практике говорящих, изучение процессов, вызывающих изменения в произношении,— вот те условия, выполнение которых дает возможность правильно оценивать как состояние современных литературных норм, так и характер их варьирования.

ФОНОЛОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

§ 78. Функциональный аспект изучения звуковых единиц. Понятие фонемы. Выше (см. § 58) уже говорилось о том, что звуковые единицы тогда становятся явлением языка, когда выступают как единицы функционального плана, однако все описание гласных и согласных звуков, их отношений, их изменений в потоке речи до сих пор проводилось вне связи с теми функциями, которые эти единицы осуществляют в языке. Теперь необходимо рассмотреть звуковые единицы в той роли, которую они играют в образовании и различении слов и форм языка, ибо в этом, и прежде всего в этом, и заключается значение звуковой системы любого естественного человеческого языка. Этот аспект фонетика называется **фонологическим**, потому что в этом аспекте единицы звуковой системы рассматриваются как функционально значимые, или как **фонемы**.

Следовательно, в фонетике есть два аспекта изучения единиц звуковой системы: один — артикуляционно-физиологический, другой — функциональный,— но объект изучения остается одним и тем же, и наука о звуковой стороне языка также остается единой.

Звук речи и фонема — это две разные единицы фонетической системы, а не одна и та же единица. Они не могут быть отождествлены друг с другом, но не могут быть и оторваны друг от друга: разный подход к единице звуковой системы — с артикуляционно-физиологической и с функциональной точек зрения — обуславливает несовпадение в объеме понятий звука речи и фонемы. Однако так как этот подход имеет отношение к одной и той же звуковой системе, а не к чему-либо иному, то между звуком речи и фонемой есть непосредственная связь. Связь эта заключается в том, что фонема как единица функционального плана

реально воплощается, или реализуется, в звуках речи, которые являются материальным ее выражением. Для того чтобы понять это общее положение, необходимо рассмотреть некоторые явления, связанные с функционированием звуковых единиц в потоке речи.

Выступая в речи, звуковые единицы служат для образования и различения слов и форм. Слова и формы различаются составом образующих их звуковых единиц. Различия могут иметь неодинаковый характер: два слова могут различаться полностью по составу представленных в них звуков (ср.: *кол* и *дам*); они могут различаться количеством звуков (ср.: *луг* и *плуг*); последовательностью одних и тех же звуков (ср.: *кот* и *ток*) и, наконец, только одной звуковой единицей при тождестве всех остальных единиц (ср.: *дом* и *дам*, *бил* и *пил*, *рос* и *рот*, *урон* и *урок* и т. д.). Если два слова отличаются друг от друга только одной звуковой единицей, а во всем остальном они тождественны, то можно утверждать, что в данном случае две звуковые единицы, противопоставленные друг другу в тождественной фонетической позиции, выполняют в языке функциональную роль, выступая в качестве средства различения данных словоформ, т. е. в качестве фонем языка. Следовательно, фонема — это такая единица звуковой системы языка, которая самостоятельно может различать слова и формы.

Сопоставляя словоформы [дал] — [дол] — [дул] и расчленяя их по составляющим эти формы звуковым единицам — [д/а/л] — [д/о/л] — [д/у/л], можно установить, что они отличаются друг от друга гласными [a], [o], [y], которые находятся в тождественной фонетической позиции — под ударением между твердыми согласными (в приведенных примерах даже между одинаковыми твердыми). Значит, единственное звуковое различие между этими формами заключено в качестве гласного, а поэтому [a], [o], [y] выступают здесь как различители словоформ, т. е. как фонемы. Если эти гласные могут выступать в одной и той же фонетической позиции, то, следовательно, их качество, т. е. определяющие их признаки, не зависит от позиции, не обусловлено этой позицией. Однако такое утверждение будет неточным, если не учесть одного немаловажного обстоятельства.

Дело заключается в том, что звуковые единицы всегда выступают в соседстве с другими единицами и испытывают на себе их влияние; под таким влиянием они могут изменять свое качество, т. е. присущие им признаки. Выше (см. § 64) уже говорилось об изменении ударных гласных звуков под влиянием соседних твердых и мягких согласных: непредние гласные под влиянием мягких согласных испытывают передвижку вперед, а передние под влиянием твердых передвигаются назад или в позиции между мягкими приобретают напряженность и закрытость. Если сопоставить словоформы [вал] — [в'ал] — [ва'л'с] — [в'а'л'], то можно установить, что в этих словоформах есть «разные» звуки [a] — от [a] переднего до [a] переднего образования, но у всех этих [a] есть два одинаковых признака: все они нижнего подъема и нелабиализованные; различие же их заключается в непреднем-переднем характере звука. Следовательно, у всех этих [a] есть два признака, которые не зависят от позиции гласного (т. е. от качества соседних со-

гласных), и один зависимый от этой позиции признак. Независимыми признаками оказываются степень подъема языка и отсутствие лабиализации, а зависимым — ряд образования звука.

Если сопоставить словоформы [в'ал] и [в'ол], [л'ак] и [л'ук], то вновь можно установить, что они отличаются друг от друга гласными [а] — [о] и [а] — [у], не совпадающими полностью с [а] — [о] в [вал] — [вол] и с [а] — [у] в [лак] — [лук], но имеющими одинаковые признаки степени подъема языка и отсутствия-наличия лабиализации.

Итак, при артикуляционно-физиологической характеристике гласных (см. § 61) нет необходимости различать признаки, независимые от позиции, и признаки, зависимые от позиции; именно поэтому каждому гласному звуку приписываются три признака: степень подъема языка, отношение к лабиализации и ряд образования. Теперь, когда звуковые единицы рассматриваются в функциональном плане, необходимо отличить независимые, п о с т о я н н ы е признаки звуковых единиц и зависимые, п е р е м е н н ы е признаки, так как по постоянным, или к о н с т и т у т и в н ы м, признакам фонемы различаются друг с другом, а по переменным они отличаться друг от друга не могут.

Следовательно, ф о н е м а — это такая звуковая единица, которая образуется совокупностью присущих ей конститутивных признаков и отличается от другой фонемы по составу этих признаков. Переменные, зависимые от позиции признаки в определение фонемы не входят.

Отсюда становится ясным, что фонема — это не произносимый реально звук речи, а определенная абстракция, отвлечение от звуков речи, обобщение звуков речи в единицу более высокого порядка. Ведь если, исходя из сказанного о постоянных признаках гласных русского языка, определять гласные фонемы по двум их конститутивным признакам, то надо будет сказать, что фонема ⟨а⟩¹, например, — это гласная фонема нижнего подъема нелабиализованная, ⟨о⟩ — среднего подъема лабиализованная, ⟨и⟩ — верхнего подъема нелабиализованная и т. д. и что по этим двум признакам эти фонемы противопоставлены друг другу. Однако в этом случае фонема ⟨а⟩ выступает и в словоформе [бас], и в словоформе [б'ас'], фонема ⟨о⟩ — и в словоформе [м'от], и в словоформе [т'от']я, фонема ⟨и⟩ — и в словоформе [п'ил], и в словоформе [пыл], хотя в каждой данной словоформе звук речи иной по сравнению со звуком в другой словоформе.

Поэтому можно сказать, что фонема как функциональная единица не совпадает со звуком речи: она только реализуется в звуках речи, которые представляют собой ее а л л о ф о н ы². Каждый аллофон фонемы отличается от другого аллофона этой же фонемы переменным признаком, зависящим от позиции; а все аллофоны принадлежат данной фонеме потому, что все они обладают одной и той же совокупностью конститутивных признаков.

¹ Фонемы, в отличие от звуков, которые обозначаются в транскрипции знаками, заключенными в квадратные скобки, передаются знаками, заключенными в ломаные скобки.

² В различных фонологических работах, а также в учебниках они называются иногда в а р и а н т а м и, иногда о т т е н к а м и ф о н е м ы.

Итак, фонема не дана нам в непосредственном наблюдении, ибо это — абстрактная единица звуковой системы; в непосредственном наблюдении — в речи — даны аллофоны фонем, т. е. звуки речи, определяющиеся совокупностью постоянных и переменных признаков звуковых единиц.

Общее определение фонемы может быть сформулировано следующим образом: **фо н е м а** — это единица звуковой системы языка, которая может самостоятельно различать словоформы данного языка, противопоставляясь другой фонеме в тождественной фонетической позиции совокупностью присущих каждой из них конститутивных признаков, и которая реально представлена в речи одним или несколькими звуками речи, являющимися ее аллофонами.

Если фонема есть обобщение ее аллофонов, в которых она реально выступает, а аллофоны как звуки включают в себя переменные, позиционно обусловленные признаки, то, следовательно, это обобщение есть «снятие» всего позиционного и сведение по существу неограниченного ряда звуков речи к ограниченному числу фонем, которые и выполняют в языке функциональную роль различителей слов и их форм. Так, например, в словоформах [вал], [в'·ал], [vá·л'лик], [v'á·л'ить] выступает четыре «вида» [a], отличающихся друг от друга характером положения языка по отношению к передней-непередней зоне образования, и изменение этого характера целиком зависит от твердости-мягкости соседних согласных. «Снятие» этого признака позволяет установить, что все эти четыре [a] могут быть «объединены» в одно по наличию у них общих признаков — нижнего подъема и отсутствия лабиализации, — независимых от фонетической позиции, т. е. постоянных; и именно поэтому эти четыре [a] могут быть представлены как четыре аллофона одной фонемы (а).

Тождеством различных звуковых «представителей» той или иной фонемы позволяет установить ограниченное число фонем, которые обеспечивают в се потребности языка в различении словоформ. Возможность обеспечить потребности языка небольшим числом фонем связана с многообразием сочетаний и с разветвленной системой противопоставления фонем в тождественных фонетических условиях. Характер сочетаемости и противопоставленности фонем определяет специфику фонологической системы данного языка на данном этапе его развития, точно так же как и специфику этой системы по сравнению с фонологическими системами других языков.

§ 79. Фонологическая система. Система фонем потому и является с и с т е м о й, а не простым набором этих фонем, что последние находятся в определенных и достаточно четко устанавливаемых связях и противопоставлениях, входят в объединяемые по тем или иным признакам группы фонем, образуют соотносительные ряды.

Интересы языка как средства общения требуют наиболее четко организованной фонологической системы, в которой составляющие ее единицы — фонемы — были бы максимально противопоставлены друг другу, будучи в то же время связаны определенными отношениями в группы фонем.

Однако в естественных языках идеально построенных фонологиче-

ских систем нет, да, как видно, их и не может быть. Объяснение этому факту можно найти в двусторонней природе звуков речи. С одной стороны, характер звуков речи непосредственно связан с работой органов речи, прямо зависит от физических особенностей действия этих органов, от артикуляционной базы носителей данного языка. С другой стороны, звуки речи как реализация функциональных единиц образуют систему, которая характеризуется прежде всего противопоставлениями этих единиц друг другу, что и позволяет им играть роль в различении словоформ, т. е. быть фонемами. Следовательно, работа органов речи определяет характер самих звуков речи, их артикуляционные и акустические особенности, их произношение и восприятие, т. е. то, что можно было бы назвать собственно фонетической, звуковой системой. Вместе с тем звуки речи как материальное воплощение фонем образуют и фонологическую, функциональную систему, систему фонем, призванную быть средством различения словоформ языка, обеспечивающих языку выполнение его коммуникативных задач.

Фонетическая и фонологическая системы, без сомнения, оказываются в единстве друг с другом, но в то же время они находятся и в противоречии. В основе фонологической системы лежит требование максимальной дифференциации ее единиц, предельной четкости ее построения, что выражается в стремлении к простоте и ясности противопоставлений фонем. Последнее означает, что фонологическая система тем лучше будет осуществлять функции различения словоформ, чем четче будут отличаться друг от друга фонемы. Как противопоставление *красный* — *белый* проще, резче, четче, чем противопоставления *красный* — *темно-розовый*, *темно-розовый* — *розовый*, *розовый* — *светло-розовый*, *светло-розовый* — *белый*, точно так же противопоставления, например, согласных *глухой* — *звонкий*, *твердый* — *мягкий*, *смычный* — *фрикативный* проще, резче, четче, чем противопоставления *глухой* — *полузвонкий*, *полузвонкий* — *звонкий*; *твердый* — *полумягкий*, *полумягкий* — *мягкий*; *смычный* — *аффриката*, *аффриката* — *фрикативный*. Значит, чем проще фонологическое противопоставление, тем надежнее оно как средство различения двух словоформ, а отсюда следует, что фонологическая система требует четкости и резкости в артикуляции звуковых реализаций и не терпит «смешения» этих реализаций.

Собственно же фонетическая система строится на совершенно противоположной основе: ее определяет тенденция к «экономии произносительных усилий», или «принцип экономии» т. е. стремление к ослаблению напряженности артикуляций, к облегчению работы органов речи, к уменьшению определенности в артикуляции того или иного звука, а следовательно, и к ослаблению степени различаемости звуков, к уменьшению степени их противопоставленности. Таким образом, с одной стороны, стремление к максимальной дифференциации звуковых реализаций фонем как средства различения словоформ, а с другой — тенденция к «экономии произносительных усилий» — таково противоречие, обуславливающее противодействие созданию идеально построенной и симметричной фонологической системы.

§ 80. Дифференциальные и избыточные признаки фонемы. Возвращение

щаяся к вопросу о том, что фонема образуется совокупностью конститутивных (постоянных) признаков, равно выступающих во всех ее аллофонах, необходимо подчеркнуть, что сами эти признаки носят различный характер.

Фонемы могут противопоставляться друг другу по одному, двум или более признакам, причем в фонологической системе есть такие постоянные признаки фонем, по которым различаются хотя бы две фонемы, совпадающие по остальным признакам, и есть такие постоянные признаки, которые, характеризуя ту или иную фонему, не отличают ее от какой-либо другой фонемы, совпадающей с первой по остальным признакам. Например, глухость фонемы ⟨п⟩ является постоянным ее признаком, и она отличает эту фонему от звонкой ⟨б⟩, которая совпадает с ⟨п⟩ по всем остальным признакам (ср. также признак твердости-мягкости у ⟨н⟩ — ⟨н'⟩), признак переднеязычного-заднеязычного образования у ⟨т⟩ — ⟨к⟩ и т. д.); глухость же фонемы ⟨х⟩ тоже является ее постоянным признаком, но в русском литературном языке нет другой фонемы, которая отличалась бы от ⟨х⟩ только звонкостью, и поэтому глухость ⟨х⟩ находится в ином положении, чем глухость ⟨п⟩. Если постоянный признак какой-либо фонемы является таким, который может противопоставлять ее другой фонеме, тождественной с первой по всем остальным конститутивным признакам, то такой признак называется дифференциальным (ДП); если же постоянный признак фонемы не противопоставляет ее другой фонеме данной системы, то он является избыточным.

Противопоставленность звуковых единиц в тождественных фонетических условиях по конститутивным дифференциальным признакам дает возможность установить состав фонем данного языка.

Но звуковые единицы могут различаться и по переменным признакам, однако эти различия обнаруживаются не в тождественных, а в разных фонетических условиях. Так, в русском языке различаются [a] — [a'] — [a''] и [ä], но различия выявляются в разных позициях этих звуковых единиц — после разных по качеству согласных и перед ними.

Эти гласные не могут считаться разными фонемами, а так как все они обладают двумя одинаковыми постоянными признаками, они являются аллофонами одной фонемы ⟨а⟩.

Итак, фонемы — это единицы звуковой системы, противопоставленные друг другу в тождественных фонетических условиях по их конститутивным дифференциальным признакам, а аллофоны одной фонемы — это звуковые единицы, обладающие общими конститутивными признаками и различающиеся переменным признаком, зависящим от позиции.

Как уже говорилось, фонологическая система любого языка образуется определенным составом фонологически значимых единиц — фонем — и их отношениями — их сочетаемостью друг с другом и их противопоставленностью, или их синтагматикой и парадигматикой. Значит, для того чтобы описать и охарактеризовать фонологическую систему современного русского литературного языка, необходимо установить состав фонем этого языка, а затем — их синтагматические и па-

радикальные отношения. При этом установление состава фонем — это установление не только фонологически значимых единиц, но и тех аллофонов, в которых они реально выступают в языке; установление синтагматических отношений — это не только установление возможностей и ограничений в сочетаемости фонем, но и установление возможностей и ограничений в сочетаемости их аллофонов; установление парадигматических отношений — это не только установление возможных противопоставлений фонем, но и установление ограничений в этой противопоставленности, накладываемых лексико-грамматической системой. Все сказанное определяет сложности в описании и характеристике фонологической системы современного русского литературного языка.

§ 81. **Сильные и слабые фонемы.** В русском литературном языке и согласные, и гласные фонемы могут выступать в разных позициях с точки зрения возможностей различения в этих позициях фонологически значимых единиц: в одних позициях может выступать максимальное количество таких единиц, в других — меньшее их количество, в третьих — минимальное количество фонем. Позиции максимального различения фонологически значимых единиц являются сильными, а позиции меньшего или минимального их различения — слабыми. Соответственно фонемы, выступающие в сильных позициях, могут быть названы сильными фонемами, а фонемы, выступающие в слабых позициях, — слабыми. Аллофоны сильных и слабых фонем могут быть сходными по своим артикуляционно-физиологическим характеристикам (например, аллофон сильной фонемы ⟨п⟩ в словоформе [пол] и аллофон слабой фонемы ⟨п⟩ в словоформе [лоп] сходны по своим артикуляционно-физиологическим признакам), но сильные и слабые фонемы различаются функционоально, так как вступают в отношения противопоставления с разным количеством других фонологических единиц (например, ⟨п⟩ в [пол] противопоставлена всем остальным согласным в позиции перед [о], а ⟨п⟩ в [лоп] — только глухим и сонорным в позиции конца слова). Все эти явления подробно будут описаны далее при рассмотрении фонологических отношений современного русского литературного языка.

СИСТЕМА СОГЛАСНЫХ ФОНЕМ

§ 82. **Состав сильных согласных фонем.** Для согласных фонем русского литературного языка постоянными, конститутивными признаками являются степень участия голоса и шума, место образования, способ образования и твердость-мягкость. Поэтому можно установить следующий состав согласных фонем литературного языка, в котором каждая фонема будет характеризоваться определенным набором четырех: перечисленных признаков:

сонорные	губные	смычно-проходные (носовые)	твердый ⟨м⟩	мягкий ⟨м'⟩
	переднеязычные	»	» ⟨н⟩	» ⟨н'⟩
	»	смычно-проходные (боковые)	» ⟨л⟩	» ⟨л'⟩

	»	дрожащие	»	<р>	<р'>
шумные глухие	среднеязычные	щелевые			<ј>
	губные	смычные		<п>	<п'>
		щелевые		<ф>	<ф'>
	переднеязычные	смычные		<т>	<т'>
	»	аффриката		<ц>	
	»	»			<ч'>
	»	щелевые		<с>	<с'>
	(зубные)				
	»			<ш>	<ш'>
	(нёбно-зубные)				
шумные звонкие	заднеязычные	смычные		<к>	<к'>
	»	фрикативные		<х>	<х'>
	губные	смычные		<б>	<б'>
	»	фрикативные		<в>	<в'>
	переднеязычные	смычные		<д>	<д'>
	»	фрикативные		<з>	<з'>
	(зубные)				
	переднеязычные	фрикативные	»	<ж>	<ж'>
	(нёбно-зубные)				
	заднеязычные	смычные	»	<г>	<г'>

Таким образом, в современном русском литературном языке насчитывается 37 сильных согласных фонем, каждая из которых отличается от всех других по совокупности четырех конститутивных признаков, определяющих эти согласные. Разный набор указанных признаков характеризует разные согласные фонемы русского языка.

Однако если рассматривать эти признаки с фонологической точки зрения, то часть из них оказывается дифференциальными, а часть — избыточными.

Прежде всего избыточным оказывается признак *сонорности*, ибо, во-первых, в русском языке нет ни одной пары таких согласных, которые отличались бы друг от друга лишь по этому признаку, совпадая по всем остальным, а во-вторых, даже без учета отнесенности согласных к сонорным или шумным различие этих фонем осуществляется на основе их противопоставления по другим признакам.

Избыточными являются также признак глухости у фонем <х>, <ц>, <ч'>, так как в русском языке нет фонем, которые отличались бы от перечисленных только признаком звонкости; признак твердости у фонем <ц>, <ш>, <ж> и признак мягкости у фонем <ч'>, <ш'>, <ж'>, <ј> в силу отсутствия фонем, отличающихся от названных только мягкостью или твердостью. Остальные конститутивные признаки согласных фонем являются дифференциальными.

Все 37 сильных согласных фонем противопоставляются друг другу в позициях максимального различения, которыми являются позиции перед гласными фонемами <а>, <у>, <о>, <и>. Например, перед <о>: [мол] — [м'ол] — [но'л] — [н'ос] — [лок] — [л'ок] — [рок] — [вр'от] — [порт] — та[п'ор] — [ј'ол]ка — [ток] — [т'ок] — [цок]лать — [ч'орт] — [сон] — [с'ола] — [шоп]от — [ш'ол]кать — [фок]ус — [ф'од]ор — [кот] — [к'ольн] — [хор] — [бор] — ре[б'он]ок — [вол] — [в'ол] — [дол] — [д'орн] — [зол] — ко[з'ол] — [жол]тый — [ж'от] — [рот] — [г'от]е (отсутствие <х'> перед <о> объясняется не закономерностями

фонетической системы, а особым положением в этой системе мягких заднеязычных; подробнее см. § 97).

Сильные согласные фонемы выступают всегда в одном аллофоне, т. е. сохраняют все свои конститутивные признаки в любой сильной позиции. Это объясняется тем, что в русском языке гласные не оказывают существенного влияния на согласные; наоборот, сами они подвергаются воздействию соседних согласных¹.

Прежде чем характеризовать слабые согласные фонемы, надо рассмотреть некоторые обстоятельства.

§ 83. Соотносительные ряды согласных фонем. В русском литературном языке есть две группы согласных фонем, которые, в отличие от других согласных, образуют в фонетической системе соотносительные ряды. Первая группа — это парные глухие-звонкие шумные согласные; она включает в себя 12 пар фонем: ⟨п⟩ — ⟨б⟩, ⟨п'⟩ — ⟨б'⟩, ⟨ф⟩ — ⟨в⟩, ⟨ф'⟩ — ⟨в'⟩, ⟨т⟩ — ⟨д⟩, ⟨т'⟩ — ⟨д'⟩, ⟨с⟩ — ⟨з⟩, ⟨с'⟩ — ⟨з'⟩, ⟨ш⟩ — ⟨ж⟩, ⟨ш'⟩ — ⟨ж'⟩, ⟨к⟩ — ⟨г⟩, ⟨к'⟩ — ⟨г'⟩. Парными эти фонемы являются потому, что они сходны по всем признакам, кроме одного — глухости или звонкости, который выступает как ДП.

Вторая группа — это парные твердые-мягкие согласные; она включает в себя 15 пар фонем: ⟨п⟩ — ⟨п'⟩, ⟨б⟩ — ⟨б'⟩, ⟨ф⟩ — ⟨ф'⟩, ⟨в⟩ — ⟨в'⟩, ⟨т⟩ — ⟨т'⟩, ⟨д⟩ — ⟨д'⟩, ⟨с⟩ — ⟨с'⟩, ⟨з⟩ — ⟨з'⟩, ⟨р⟩ — ⟨р'⟩, ⟨л⟩ — ⟨л'⟩, ⟨н⟩ — ⟨н'⟩, ⟨м⟩ — ⟨м'⟩, ⟨к⟩ — ⟨к'⟩, ⟨г⟩ — ⟨г'⟩, ⟨х⟩ — ⟨х'⟩. И эти фонемы являются парными потому, что они сходны по всем признакам, кроме одного — твердости или мягкости, который также выступает как ДП.

Фонемы, входящие в пары, различаются в одних позициях и не различаются (нейтрализуются) в других. В одних позициях равно могут выступать парный глухой и парный звонкий, парный твердый и парный мягкий, в других может быть или только глухой, или только звонкий, или только мягкий, или только твердый. Как позиции различения, так и позиции неразличения (нейтрализации) одинаковы для всех парных, входящих в тот или иной ряд: там, где различаются, например, ⟨п⟩ и ⟨б⟩, различаются и все остальные парные глухие-звонкие; там, где ⟨п⟩ и ⟨б⟩ не различаются, не различаются и остальные парные глухие-звонкие; точно так же обстоит дело и с парными твердыми-мягкими.

Если с учетом сказанного рассмотреть сильные позиции согласных фонем, то можно установить, что в них различаются как парные глухие-звонкие, так и парные твердые-мягкие.

§ 84. Согласные фонемы в слабых позициях. Среди слабых позиций есть такие, где не различаются глухие-звонкие, но различаются твердые-мягкие. Такова, например, позиция конца слова; ср.: ро[та] — ро[да], но [рот] при возможности [сут] и [су'т']. В таких позициях вы-

¹ Конечно, определенное воздействие последующих гласных на предшествующие согласные есть; например, [к] перед [а] и [к] перед [о] или тем более перед [у] различаются, так как лабиализованный гласный оказывает влияние на конечную стадию артикуляции [к], огубляя этот согласный. Но такое воздействие столь незначительно, что ни говорящие, ни слушающие его не замечают, и согласный [к] для них остается одним и тем же.

ступают слабые по глухости-звонкости, но сильные по твердости-мягкости фонемы (они обозначаются индексом ₁ справа внизу у буквы фонемы).

Есть позиции, в которых не различаются твердые-мягкие, но различаются глухие-звонкие; такова, например, позиция перед ⟨e⟩; ср.: по[р'á] — за[р'·á], но только по[р'é] — за[р'é] при возможности [т'é]ло — [д'é]ло¹. В таких позициях выступают слабые по твердости-мягкости, но сильные по глухости-звонкости фонемы (они обозначаются индексом ₂ справа внизу у буквы фонемы).

Есть, наконец, позиции, в которых не различаются ни глухие-звонкие, ни твердые-мягкие согласные; такова, например, позиция глухих-звонких шумных переднеязычных зубных перед глухими-звонкими шумными переднеязычными зубными; ср. возможность только [ст'ан] — [ст'ен] и [здал] — [з'д'эс']. В таких позициях, которые можно назвать абсолютно слабыми, выступают слабые по глухости-звонкости и по твердости-мягкости фонемы (они обозначаются индексом ₃ справа внизу у буквы фонемы).

Следовательно, в русском литературном языке есть сильные твердые-мягкие, являющиеся одновременно слабыми по признаку глухости-звонкости, сильные глухие-звонкие, являющиеся одновременно слабыми по признаку твердости-мягкости, и абсолютно слабые согласные фонемы.

Сильные твердые-мягкие согласные фонемы, которые одновременно являются слабыми по признаку глухости-звонкости, выступают в позиции абсолютного конца слова, где не различается глухость-звонкость. В этой позиции выступают фонемы ⟨p₁⟩, ⟨p'₁⟩, ⟨f₁⟩, ⟨f'₁⟩, ⟨t₁⟩, ⟨t'₁⟩, ⟨c₁⟩, ⟨c'₁⟩, ⟨k₁⟩, а также непарные по глухости-звонкости фонемы ⟨ц⟩, ⟨ч'⟩, ⟨х⟩, ⟨н⟩, ⟨н'⟩, ⟨л⟩, ⟨л'⟩, ⟨р⟩, ⟨р'⟩, ⟨м⟩, ⟨м'⟩ и непарные по твердости-мягкости ⟨ш₁⟩, ⟨ш'₁⟩. В этой позиции не выступают мягкие заднеязычные и ⟨j⟩. Например: сно⟨p₁⟩ — глу⟨p'₁⟩ — кро⟨f₁⟩ — кро⟨f'₁⟩ — су⟨t₁⟩ — су⟨t'₁⟩ — ро ⟨c₁⟩ — ры⟨c'₁⟩ — ро⟨k₁⟩ — отé⟨ц⟩ — но⟨ч'⟩ — мо⟨х⟩ — сы⟨н⟩ — те⟨н'⟩ — мо⟨л⟩ — мо⟨л'⟩ — ста⟨р⟩ — вста⟨р'⟩ — со⟨м⟩ — се⟨м'⟩ — мы⟨ш₁⟩ — до⟨ш'₁⟩.

Эти согласные фонемы выступают в данной позиции всегда в одном аллофоне. Только сонорные согласные иногда могут иметь второй аллофон: в тех случаях, когда в абсолютном конце слова они попадают в положение после глухого шумного, они выступают в оглушенном аллофоне: [рыхл], [мокр], [п'есн'], [косм], [косн], [в'епр'] и т. п.

Слабые глухие-звонкие согласные фонемы, которые являются одновременно сильными по признаку твердости-мягкости, выступают и в положении перед теми глухими-звонкими шумными, перед которыми твердость-мягкость различается, а глухость-звонкость не различается. Например, тá ⟨p₁k⟩а — сы́ ⟨p'₁k⟩а, трá ⟨f₁k⟩а — стá ⟨f'₁k⟩а, рé⟨t₁k⟩о — рé⟨t'₁k⟩а, кá⟨c₁k⟩а — вá⟨c'₁k⟩а, ⟨k₁t⟩о, дé⟨цк'⟩ий, кó⟨ч'к⟩а, б́у⟨хт⟩а,

¹ Об ограниченности позиционной мены твердых-мягких перед ⟨e⟩ см. выше, § 63.

ба́(нк)а — ба́(н'к)а, по́(лк)а — по́(л'к)а, ко́(рк)а — ко́(р'к)а, те́(м)о — те́(м'т)о, (шт)о, ле́(ш'т)о, то́(рб)а — гу́(р'б)а.

Как видно из примеров, различие твердых-мягких согласных наблюдается в тех случаях, когда переднеязычные оказываются в позиции перед твердыми заднеязычными и губными и губные — перед заднеязычными. В иных случаях позиции шумных перед шумными оказываются такими, где твердость-мягкость не различается (см. § 63).

В позиции перед глухими-звонкими шумными слабые глухие-звонкие фонемы выступают или в глухом, или в звонком аллофоне, что зависит от того, перед глухим или перед звонким согласным выступает данная слабая фонема. Ср. с приведенными выше примерами такие, как и[зб]а́ — ре[з'б]а́, о[дб]ой — хо[д'б]а́, [гд'е], воро[жб]а́ и т. п.

Что касается непарных по глухости-звонкости фонем, то они также могут иметь два аллофона, при этом сонорные в позиции перед глухим шумным выступают в оглушенном аллофоне (например, [рта], [мха], [л'с'т'ит'], [галс], [см'ерт'] и т. д.), а непарные глухие [ц], [ч] и [х] перед звонкими — в аллофонах соответственно [дэ], [дж'] и [γ] (например: отé[дз-бы] *отец бы*, [дóдж'-бы] *дочь бы*, [мóγ-бы] *мох бы*, [плóγ-был] *плох был* и т. п.). Нетрудно заметить, что оглушенные аллофоны сонорных и озвонченные аллофоны непарных глухих выступают в очень редких случаях: первые — только в сочетании с последующим глухим шумным в пределах одного слога, а вторые — только на стыке двух слов.

Итак, можно представить следующий состав аллофонов сильных по твердости-мягкости, но слабых по глухости-звонкости согласных фонем:

<п ₁ > — [п], [б];	<т ₁ > — [т], [д];	<к ₁ > — [к], [г];
<п' ₁ > — [п'], [б'];	<т' ₁ > — [т'], [д'];	<ш ₁ > — [ш], [ж];
<ф ₁ > — [ф], [в];	<с ₁ > — [с], [з];	<ш' ₁ > — [ш'], [ж'];
<ф' ₁ > — [ф'], [в'];	<с' ₁ > — [с'], [з'];	

Для непарных по глухости-звонкости согласных состав фонем и аллофонов представляется в следующем виде:

<р> — [р], [р];	<л> — [л], [л];	<н> — [н], [н];
<р'> — [р'], [р'];	<л'> — [л'], [л'];	<н'> — [н'], [н'];
<м> — [м], [м];	<ц> — [ц], [дэ];	<х> — [х], [γ];
<м'> — [м'], [м'];	<ч'> — [ч'], [дж'].	

Сильные глухие-звонкие фонемы, которые одновременно являются слабыми по признаку твердости-мягкости, выступают в позициях перед сильной гласной фонемой <е>, перед сонорными согласными, а также перед <в>, <в'> и <ј>. В этих позициях различаются фонемы <п₂>, <б₂>, <ф₂>, <в₂>, <т₂>, <д₂>, <с₂>, <з₂>, <к₂>, <г₂>; в этих же позициях выступают непарные по твердости-мягкости фонемы <ш>, <ж>, <ш'>, <ж'>, <ц>, <ч'> и слабые по твердости-мягкости сонорные <н₂>, <р₂>, <м₂>, а также <л₂> — только в позиции перед <е>. Так, например, перед <е>: <п₂е>л — <б₂е>л, <ф₂е>рт — <в₂е>ра,

(т₂е)сть — (д₂é)ло, (с₂é)ла — (з₂é)ркало, (к₂é)гли — (г₂е)рб, (ше)сть — (же)сть, ко(ш'é)й — до(ж'é)й, (цé)лый, (ч'é)рти, (н₂é)рвы, (л₂е)с, (р₂é)ки, (м₂é)сто; перед (н): ко(п₂н)á — ду(б₂н)á, штра(ф₂н)óй — плá-(в₂н)ый, плó(т₂н)ый — бесплó(д₂н)ый, крá(с₂н)ый — трí(з₂н)а, (к₂н)ут — (г₂н)уть, (шн)ур — кó(жн)ый, мó(ш'н)ый, тó(ч'н)ый, монотó(н₂н)ый, мí(р₂н)ый, тó(м₂н)ый; перед (в): о(б₂в)áл, о(т₂в)óд — (д₂в)ор, (с₂в)óды — (з₂в)ать, (к₂в)ас — (г₂в)оздь, (шв)а — (жв)áчка, пó(ч'в)а, ка(н₂в)á, (р₂в)ать, тра(м₂в)áй. Отсутствие сочетания [ж'м] объясняется общей редкой употребительностью [ж'] в русском языке, а отсутствие [п₂в] — нереализованностью сочетания в словарном составе и морфологической системе.

Сильные глухие-звонкие фонемы выступают в русском литературном языке в одном или в двух аллофонах: в одном аллофоне выступают непарные по твердости-мягкости шипящие и ⟨ц⟩, ⟨ч'⟩ (⟨ш⟩, ⟨ж⟩ и ⟨ц⟩ — в твердом, а ⟨ш'⟩, ⟨ж'⟩ и ⟨ч'⟩ — в мягком аллофоне), в двух — твердом или мягком — парные по этому признаку фонемы; такая возможность обнаруживается только в позиции перед сонорными, ⟨в⟩, ⟨в'⟩ и ⟨j⟩. Однако распределение этих аллофонов очень неотчетливо в силу уже охарактеризованного выше неустойчивого произношения согласных перед мягкими согласными (см. § 63). Важно в данном случае лишь то, что в положении перед указанными согласными сильные глухие-звонкие фонемы могут выступать или в твердом или в мягком аллофоне, но фонологически не различаются по твердости-мягкости.

В особом положении находятся фонемы ⟨л⟩ — ⟨л'⟩, для которых позиции перед сонорными ⟨н⟩ — ⟨н'⟩, ⟨м⟩ — ⟨м'⟩ и перед ⟨в⟩ и ⟨в'⟩ являются сильными, т. е. твердость-мягкость ⟨л⟩ — ⟨л'⟩ в этих позициях различается. Например, пó(лн)ый — бó(л'н)о, напá(лм)а — пá(л'м)а, по(лн'ée) — бо(л'н'ée), напá(лм'е) — пá(л'м'е), ха(лв)á — má(л'в'е).

Состав сильных по глухости-звонкости, но слабых твердых-мягких согласных фонем и их аллофонов может быть представлен в следующем виде:

⟨п₂⟩ — [п], [п']; ⟨т₂⟩ — [т], [т']; ⟨к₂⟩ — [к], [к']; ⟨м₂⟩ — [м], [м'];
 ⟨б₂⟩ — [б], [б']; ⟨д₂⟩ — [д], [д']; ⟨г₂⟩ — [г], [г']; ⟨л₂⟩ — [л], [л'];
 ⟨ф₂⟩ — [ф], [ф']; ⟨с₂⟩ — [с], [с']; ⟨н₂⟩ — [н], [н'];
 ⟨в₂⟩ — [в], [в']; ⟨з₂⟩ — [з], [з']; ⟨р₂⟩ — [р], [р'];

Абсолютно слабые согласные фонемы выступают в позициях, где не различаются ни глухость-звонкость, ни твердость-мягкость. Это фонемы ⟨п₃⟩, ⟨ф₃⟩, ⟨т₃⟩, ⟨с₃⟩, ⟨к₃⟩, ⟨х₃⟩, ⟨ш₃⟩, ⟨ш'₃⟩, ⟨н₃⟩, ⟨м₃⟩, ⟨р₃⟩, входящие в соотносительные ряды по глухости-звонкости и по твердости-мягкости или в один из этих рядов. Аллофонами этих фонем являются соответствующие глухие и звонкие, твердые и мягкие согласные (т. е. например, аллофоны фонемы ⟨п₃⟩ — [п], [б], [п'], [б'], аллофоны ⟨т₃⟩ — [т], [д], [т'], [д'], аллофоны ⟨ш₃⟩ — [ш], [ж], аллофоны ⟨н₃⟩ — [н], [н']).

К позициям, в которых выступают абсолютно слабые фонемы, прежде всего относятся положения перед ⟨ц⟩, ⟨ч'⟩ и ⟨ш'⟩, в которых не различаются ни глухие-звонкие, ни твердые-мягкие, кроме ⟨л⟩ — ⟨л'⟩

(для этих последних данные позиции есть позиции различия; ср.: по(лц)ены — ко(л'ц)а, то(лч')ок — па(л'ч')ик, то(лш')а — пи(л'ш')ик). Например, ску(пзц)а́, бу́(тзц)ы, пе(сзц)ы́, ко(пзч')ик, (кз-ч')ему́, за-клё(пзш')ик, поста(фзш')йк, ко(нзц)а́, ко(нзч')ик, обма́(нзш')ик, бо(рз-ц)а́, подбо́(рзч')ик, убо́(рзш')ик и т. д. Фонемы ⟨шз⟩ и ⟨шз'⟩, как и ⟨хз⟩, практически в позициях перед ⟨ц⟩, ⟨ч'⟩ и ⟨ш'⟩ в русском языке не выступают (ср. впрочем, возможные мя́(хзч')е, лё́(хзч')е).

Абсолютно слабые фонемы выступают также в позициях перед теми шумными согласными, перед которыми не различаются твердые-мягкие; например, ⟨сзт'⟩ан — ⟨сзт'⟩ена́, ⟨сзд'⟩есь — ⟨сзд'⟩ал, ⟨фзп'⟩ась — ⟨фзп'⟩ерёд, ко(фзт)у — ко(фзт')е, о(тзп)аять — о(тзп')ётъ, о(тзб)ой — о(тзб')йтъ, ⟨кзто) — ⟨кз-т'⟩ебё, ⟨кз-д'⟩ому — ⟨кз-д'⟩ёлу, ла́(мзп)а — ла́(мзп')е и т. д.

§ 85. Фонема ⟨j⟩ определяется как сонорная фрикативная среднеязычная мягкая согласная фонема, выступающая в русском литературном языке в двух аллофонах — в согласном аллофоне [j] и в гласном аллофоне [и]. Согласный аллофон этой фонемы наблюдается в положении перед ударными гласными: [j'·á]ма, [j'·á]блоко, мо[j·á], мо[jê] [j], мо[j·ý], тво[j·ó]; в позиции перед безударными гласными и после гласных, перед согласными и на конце слова выступает аллофон [и]: мо[иу], ла́[иъ]ть, во[и́на], ла́[и́ка], [мои], [твои].

Уже одно то, что у данной фонемы есть не только согласный, но и гласный аллофон, отличает ее от других согласных фонем русского языка. Однако этим ее своеобразие не исчерпывается. Фонема [j] — это единственная среднеязычная согласная, которая есть в русском языке, и условия ее функционирования ограничены: в отличие от других согласных эта фонема не может выступать в начале слова перед согласной и между согласными. И более того, в определенных условиях употребление ее оказывается факультативным. Так, в позиции перед безударным гласным аллофон этой фонемы [и] может произноситься, но может и отсутствовать: красн[иыи] и красн[иыи], [виыи]дешь и [виыи]дешь; точно так же перед ударным [и]: [жих], [млji] и [их], [млi].

§ 86. О долгих согласных в русском языке. Литературный русский язык знает две долгие согласные фонемы — мягкие шипящие ⟨ш'⟩ и ⟨ж'⟩. Они противопоставлены друг другу по признаку глухости-звонкости, но не противопоставлены по признаку только мягкости-твердости или только долготы-краткости шипящим ⟨ш⟩ и ⟨ж⟩: между ⟨ш⟩ и ⟨ш'⟩ и между ⟨ж⟩ и ⟨ж'⟩ есть два дифференциальных признака.

Если считать, что в современном русском литературном языке все шире распространяется произношение [ж], то в этом случае между ⟨ж⟩ и ⟨ж'⟩ остается только одно различие: краткость-долгота. Если считать, что в наши дни все больше начинает произноситься [шч'] на месте [ш''], то в этом случае в русском литературном языке идет процесс утраты этой согласной фонемы.

Однако для современного состояния литературного языка все же можно признать наличие двух долгих мягких шипящих фонем: ⟨ш'ú)ка, ⟨ш'и), ⟨иш'ё)йка; ⟨дож'ик), ⟨вож'и), ⟨jéж'у). Эти фонемы выступают в составе корней слов и служат для различения словоформ: ⟨ш'ú)ка — ⟨му)ка, ⟨дож'ик) — ⟨дом'ик) и т. д.

Эти согласные фонемы следует отличать от тех долгих шипящих согласных, которые возникают на стыке приставки и корня, корня и суффикса, типа ра[ш]ить, ра[ж]арить, изво[ш]ик, разно[ш]ик и т. п. Такие согласные являются долгими только с артикуляционно-физиологической и акустической точек зрения; в фонологическом же плане это — сочетание двух фонем: ра⟨с₃ш⟩ить, ра⟨с₃ж⟩арить, изво⟨с₃ч⟩ик, разно⟨с₃ч′⟩ик. Точно так же обстоит дело и с двумя одинаковыми согласными, возникающими на стыке морфем: ра[с]ыпать = ра⟨с₃с⟩ыпать, бе[з]убый = бе⟨с₃з⟩убый, о[д]ать = о⟨т₃д⟩ать, [в]од = ⟨ф₃в⟩од, ко[н]ый = ко⟨н₂н⟩ый и т. д. Такая трактовка обусловлена тем, что в русском языке нет исконно русских слов (за исключением редкого образования [сб]ра), в которых внутри морфем выступали бы долгие согласные, кроме [ш′] и [ж′].

Вопрос осложняется тем, что в русском языке широко распространены долгие согласные в составе прочно усвоенных заимствований: ва[н]а, то[н]а, ка[с]а, га[м]а, ма[с]а, в именах А[н]а, Жа[н]а, Ка[н]ы. Если считать такие слова принадлежащими современному русскому литературному языку, а их произношение с долгими согласными соответствующим литературным нормам, то в этом случае состав долгих согласных фонем в русском литературном языке должен быть расширен. Ведь в этом случае долгие и краткие согласные будут выступать как различители словоформ; ср.: га[м]а — га[м]а (от *гам*), то[н]а — то[н]а (от *тон*), ма[с] и МА[с] (МАЭ), Жа[н]а и Жа[н]а (от *Жан*) и т. д.

Однако малое количество таких слов и действие общей тенденции к сокращению долгих согласных в заимствованных словах (ср.: профе[с]ор, агре[с]ор, ант[е]н[а] и т. п.) позволяют вывести данные факты за пределы фонологической системы литературного русского языка и считать их явлением, не затрагивающим состава русских согласных фонем и характера их отношений.

СИСТЕМА ГЛАСНЫХ ФОНЕМ

§ 87. Состав сильных гласных фонем. Для гласных фонем русского литературного языка, как уже говорилось, постоянными, конститутивными признаками являются степень подъема языка и наличие-отсутствие лабиализации. Поэтому можно установить следующий состав гласных фонем, каждая из которых будет характеризоваться различной комбинацией этих двух признаков:

верхнего подъема	нелабиализованная	⟨и⟩
	лабиализованная	⟨у⟩
среднего подъема	нелабиализованная	⟨е⟩
	лабиализованная	⟨о⟩
нижнего подъема	нелабиализованная	⟨а⟩

Признак степени подъема языка является дифференциальным; по этому признаку противопоставляется каждая гласная фонема другой; признак наличия-отсутствия лабиализации также является дифференциальным, так как он противопоставляет ⟨и⟩ и ⟨у⟩ в зоне верхнего

подъема и ⟨е⟩ и ⟨о⟩ в зоне среднего подъема; для ⟨а⟩ этот признак называется избыточным, ибо в зоне нижнего подъема нет лабиализованной гласной фонемы.

Для гласных фонем, как и для согласных, различаются сильные и слабые позиции и соответственно состав фонем в сильных и слабых позициях. С и л ь н о й позицией для гласных фонем является положение их под ударением: именно в этой позиции различаются те пять гласных фонем, которые были охарактеризованы выше по их конститутивным и дифференциальным признакам. Иначе говоря, в русском литературном языке есть пять сильных гласных фонем: ⟨и⟩, ⟨у⟩, ⟨е⟩, ⟨о⟩, ⟨а⟩, которые выступают в позиции под ударением и, противопоставляясь друг другу, различают слова и формы русского языка. Например, [дал] — [дул] — [дол], [в'ес] — [в'ос] — [в'ис], [м'ят'] — [м'эт'] и т. д.

Гласные под ударением подвергаются воздействию предшествующих и последующих согласных, и потому сильные гласные фонемы выступают в разных своих аллофонах. Выше (см. § 64) уже говорилось, что такое воздействие выражается в различного рода передвижках гласных по зоне образования или в приобретении гласными напряженности, закрытого характера.

Фонемы ⟨а⟩, ⟨о⟩ и ⟨у⟩ выступают в аллофонах задней зоны образования в абсолютном начале слова перед твердым согласным, в позиции между твердыми согласными и в абсолютном конце слова после твердого согласного: [á]рка, [ó]кна, [ú]гол; д[а]л, д[о]л, д[у]л; он[á], он[ó], ем[ú]. В позиции после мягкого согласного перед твердым эти фонемы выступают в аллофонах-звуках, сдвинутых вперед в начальной стадии артикуляции: [л'а]г, [л'о]г, [л'у]к; в позиции после твердого согласного перед мягким — в аллофонах-звуках, сдвинутых вперед в конечной стадии артикуляции: [ма'т'], [мо'л'], [му'т']; в позиции между мягкими согласными — в аллофонах-звуках, сдвинутых вперед на всем протяжении артикуляции: [м'ят'], [г'от']я, [л'ут']ик.

Фонемы ⟨и⟩ и ⟨е⟩ выступают в аллофонах переднего образования в абсолютном начале слова (правда, как уже говорилось, ⟨е⟩ в этой позиции выступает в единственном русском местоименном корне *эт-*, в слове *энный* и в междометиях *эх*, *эва*, и здесь оно сдвинуто назад; в остальных случаях начальное [e] прикрывается [j]: [jé]хал, [jel] и т. п.), после мягкого перед твердым и в абсолютном конце слова после мягкого: [ил], [м'ил], [м'ел]; ве[л'и], ок[н'е]. В позиции после твердого перед твердым и в абсолютном конце слова после твердых фонемы ⟨и⟩ и ⟨е⟩ выступают в аллофонах-звуках, сдвинутых назад на всем протяжении артикуляции: с[ы]н, с[э]р; сын[ы], шосс[э]; в позиции после твердого перед мягким — в аллофонах-звуках, сдвинутых назад в начальной стадии артикуляции и вперед — в конечной: [ны'т'], [пé'ри]; в позиции между мягкими согласными — в аллофонах-звуках напряженного, закрытого характера: [с'ин'], [п'эн'].

Таким образом, гласный [ы] является аллофоном фонемы ⟨и⟩, а не самостоятельной фонемой русского литературного языка. Такое положение [ы] определяется, во-первых, тем, что между [и] и [ы] нет никакого иного различия, кроме передней-непередней зоны образования,

а эта последняя зависит от мягкости-твердости предшествующего согласного; во-вторых, тем, что [и] и [ы] не могут выступать в одной и той же фонетической позиции: [и] выступает только после мягкого, а [ы] — только после твердого согласного; в-третьих, тем, что в тех случаях, когда начальный звук [и] оказывается в положении после твердого согласного, на его месте произносится [ы]: [й]щет — [с̣ы̣]щик, [й]збы — [в̣ы̣]збу, [й]го — по[д̣ы̣]гом.

В связи с тем что в русском языке [ы] не может находиться в абсолютном начале слова, т. е. в независимой от предшествующего согласного позиции, тогда как [и] в такой позиции возможен, основным аллофоном признается [и], а потому и фонема обозначается как ⟨и⟩.

Итак, пять сильных гласных фонем русского литературного языка выступают в следующих своих аллофонах:

- ⟨а⟩ — [a], [ạ], [ạ̣], [ä]
- ⟨о⟩ — [o], [ọ], [ọ̣], [ö]
- ⟨у⟩ — [y], [ỵ], [ỵ̣], [ÿ]
- ⟨е⟩ — [e], [э], [э̣̣], [ê]
- ⟨и⟩ — [i], [ы], [ы̣̣], [î]

§ 88. Гласные фонемы в слабых позициях. Позиции без ударения являются слабыми для гласных фонем, так как в них различается меньшее количество фонологически значимых единиц. В этих позициях выступают с л а б ы е гласные фонемы. При этом необходимо различать слабые гласные фонемы первого предударного слога и слабые гласные фонемы остальных безударных слогов, ибо они характеризуются разным составом аллофонов.

В первом предударном слоге в русском литературном языке выступают три слабые гласные фонемы, которые могут быть описаны по их постоянным, конститутивным, признакам:

фонема	верхнего	подъема	нелабиализованная	⟨и⟩
«—»	«—»	«—»	лабиализованная	⟨у⟩
«—»	неверхнего	подъема	нелабиализованная	⟨а⟩

(обозначение ⟨а⟩ условно; оно вводится потому, что аллофоны этой слабой фонемы сильно отличаются друг от друга, и поэтому ни один из них не может обозначать саму фонему).

Следовательно, ДП в зоне верхнего подъема является отсутствием лабиализации; степень подъема языка как ДП противопоставляет гласные верхнего подъема гласной неверхнего подъема.

В остальных безударных слогах выступают также три слабые фонемы, имеющие такие же ДП, что и фонемы первого предударного слога:

фонема	верхнего	подъема	нелабиализованная	⟨и⟩
«—»	«—»	«—»	лабиализованная	⟨у⟩
«—»	неверхнего	подъема	нелабиализованная	⟨а ₁ ⟩

ДП здесь те же, что и у фонем первого предударного слога.

Нетрудно заметить, что в безударных слогах в зоне верхнего подъема выступают те же фонемы ⟨и⟩ и ⟨у⟩, что и под ударением, т. е. в сильной позиции: они имеют одни и те же конститутивные и дифференциальные признаки. Однако их отличие от сильных фонем ⟨и⟩ и ⟨у⟩

в том, что они противопоставлены не трем фонемам сильной позиции, а только одной фонеме, и потому различительная сила гласных фонем в безударных слогах намного слабее по сравнению с различительной силой гласных фонем под ударением.

В первом предударном слоге слабые гласные фонемы ⟨и⟩ и ⟨у⟩ реализуются в тех же аллофонах, что и сильные фонемы ⟨и⟩ и ⟨у⟩. Например, ⟨и⟩: [и]грóк, [в]и́но, [ны́р']я́ть, [сыр]о́к, [с'и́н']я́ть; ⟨у⟩: [уп]а́л, [кур]о́к, [л'у́б]о́й, [ку'р']я́ть, [л'у́б']я́ть.

Слабая гласная фонема ⟨а⟩ реализуется в аллофоне [л] после твердого согласного и в аллофоне [и^е] — после мягкого согласного: ст[л]ка́н, д[л]мо́й, [п'и^е]та́к, [в'и^е]сно́й.

Таким образом, гласные [л] и [и^е] при всем различии артикуляций органов речи являются аллофонами одной слабой гласной фонемы, и отличия их связаны с позицией этих звуков после твердых и мягких согласных.

В остальных безударных слогах слабая гласная фонема ⟨а₁⟩ реализуется в аллофонах [ъ] после твердых и [ь] после мягких согласных. Например, во 2-м предударном слоге: г[ъ]ро́дско́й, с[ъ]до́вóд, [л'ъ]со́во́з, [м'ъ]тежа́, [п'ъ]рево́д; в заударном слоге: вы́д[ъ]л, го́р[ъ]д, вы́[т'ъ]ну, вы́[н'ъ]су, по́[л'ъ]су.

ОТНОШЕНИЯ СИЛЬНЫХ И СЛАБЫХ ФОНЕМ В ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ

§ 89. Различение сильных и слабых согласных и гласных фонем не означает разрушения единства фонологической системы русского литературного языка: и те, и другие фонемы выступают в языке как функционально значимые единицы, играющие роль различителей словоформ. Отличия их определяются разной степенью их функциональной значимости, разной силой их различительных возможностей. Ведь ясно, что чем больше единиц, играющих роль различителей словоформ, может выступать в данной какой-либо позиции, тем больше словоформ будет различаться с помощью этих единиц. Или иначе: чем большему количеству фонем будет противопоставляться в данной позиции какая-либо фонема, тем больше различительная сила этой фонемы. Именно поэтому позиции максимального различения фонем являются сильными позициями, а фонемы, выступающие в этих позициях, — сильными фонемами.

С этой точки зрения любая фонема, выступающая в слабой позиции, является слабой фонемой: позиция определяет место фонемы в фонологической системе.

Однако внимательное рассмотрение сильных и слабых фонем в системе русского литературного языка обнаруживает некоторые особенности в отношениях позиций и состава сильных и слабых фонем.

§ 90. Соответствия сильных и слабых фонем. Рассматривая слабые согласные фонемы, можно установить, что одним из них соответствуют по две и более сильных фонемы, а другим — по одной. Так, слабая глухая-звонкая фонема соответствует двум — глухой и звонкой — сильным фонемам (ср., например, ко⟨с₁⟩: слабая фонема ⟨с₁⟩ соответ-

ствует глухой сильной фонеме ⟨с⟩ в ко(с)á и звонкой сильной фонеме ⟨з⟩ в ко(з)á); слабая твердая-мягкая фонема соответствует двум — твердой и мягкой — сильным фонемам (ср., например, по(р₂)é — за(р₂)é: слабая фонема ⟨р₂⟩ соответствует твердой сильной фонеме ⟨р⟩ в по(р)á и мягкой сильной фонеме ⟨р'⟩ в за(р')я); абсолютно слабые фонемы соответствуют четырем сильным фонемам (ср., например, изво́(с₃)чик, разнó(с₃)чик: слабая фонема ⟨с₃⟩ соответствует сильным глухой твердой ⟨с⟩ в не(с)ú, глухой мягкой ⟨с'⟩ в но(с')йт, звонкой твердой ⟨з⟩ в ве(з)ú, звонкой мягкой ⟨з'⟩ в во(з')йт). С другой стороны, аффрикаты или шипящие в слабых позициях соответствуют каждая только одной сильной фонеме (например, в абсолютном конце слова — отé(ц): фонема ⟨ц⟩ в слабой позиции соответствует только ⟨ц⟩ в сильной позиции — от(ц)á; в мы(ш) фонема ⟨ш⟩ в слабой позиции соответствует только ⟨ш⟩ в сильной позиции — мы(ш)и).

Точно такая же картина наблюдается и в области гласных фонем, где в одних случаях слабая фонема соответствует двум или трем сильным, а в других — только одной (ср., например, с одной стороны, д(а)вáл, д(а)мóй: слабая фонема ⟨а⟩ соответствует двум сильным фонемам — ⟨а⟩ в д(а)л и ⟨о⟩ в д(о)м; ⟨п'а)тáк, ⟨н'а)сú, в ⟨л'а)сú: слабая фонема ⟨а⟩ соответствует трем сильным фонемам — ⟨а⟩ в ⟨п'а)ть, ⟨о⟩ в ⟨н'о)с, ⟨е⟩ в ⟨л'е)с; и с другой стороны, ⟨и)глá, ⟨у)глá: слабые фонемы ⟨и⟩ и ⟨у⟩ соответствуют каждая одной сильной фонеме — ⟨и⟩ в ⟨и)глы, ⟨у⟩ в ⟨у)гол).

Если подходить к определению сильных и слабых фонем с последовательно функциональной точки зрения, то факт соответствия слабых фонем то нескольким, то одной только сильной фонеме не должен приниматься во внимание: скольким бы сильным фонемам ни соответствовала фонема в слабой позиции, она остается слабой, так как она противопоставляется в этой позиции меньшему числу фонем по сравнению с фонемами в позициях максимального различия. Например, если в сильной позиции фонема ⟨ш⟩ противопоставляется (или может противопоставляться) 36 согласным фонемам, то в слабой позиции, например в абсолютном конце слова, она противопоставляется только 22 фонемам, так как в этой позиции нет звонких шумных и мягких заднеязычных. Таким образом, различительная сила сильной фонемы ⟨ш⟩ и слабой фонемы ⟨ш⟩ оказывается неодинаковой — фонематическая роль последней ослаблена. Следовательно, обозначение слабых согласных фонем индексами 1, 2, 3 есть обозначение не слабости какой-либо данной фонемы, а ее соответствия двум или нескольким фонемам в сильной позиции; поэтому слабые фонемы, соответствующие одной сильной, индекса не получают.

§ 91. Ряды позиционной мены фонем. Установление соответствий между сильными и слабыми фонемами позволяет определить их связи, опирающиеся на законы позиционной мены. Выше (см. § 62) уже говорилось о позиционной мене звуковых единиц, но так как теперь стало понятным, что эти единицы в языке являются аллофонами определенных фонем, то, следовательно, можно утверждать, что их позиционная мена есть мена аллофонов или, в конечном счете, мена фонем.

П о з и ц и о н н а я м е н а ф о н е м — это м е н а с и л ь н о й

фонемы с соответствующими ей слабыми фонемами, в результате чего устанавливаются ряды позиционной мены, во главе которых стоят сильные фонемы и количество членов которых может быть различно.

Для парных глухих-звонких и твердых-мягких фонем эти ряды могут включать до четырех членов:

$\langle п \rangle // \langle п_1 \rangle // \langle п_2 \rangle // \langle п_3 \rangle$
 $\langle п' \rangle // \langle п'_1 \rangle // \langle п'_2 \rangle // \langle п'_3 \rangle$
 $\langle б \rangle // \langle п_1 \rangle // \langle б_2 \rangle // \langle п_3 \rangle$
 $\langle б' \rangle // \langle п'_1 \rangle // \langle б'_2 \rangle // \langle п'_3 \rangle$ и т. д.

Например: сно $\langle п \rangle$ ы // сно $\langle п_1 \rangle$ // сно $\langle п_2 \rangle$ ё // сно $\langle п_3 \rangle$ щик; сру $\langle б \rangle$ а // сру $\langle п_1 \rangle$ // сру $\langle б_2 \rangle$ е // сру $\langle п_3 \rangle$ щик, то $\langle п' \rangle$ и // то $\langle п'_1 \rangle$ // зато $\langle п_2 \rangle$ лен // то $\langle п_3 \rangle$ кий, голу $\langle б' \rangle$ и // голу $\langle п'_1 \rangle$ // голу $\langle б_2 \rangle$ ёй // голу $\langle п_3 \rangle$ чик.

Для парных глухих-звонких, но непарных по твердости-мягкости шипящих эти ряды включают два члена:

$\langle ш \rangle // \langle ш_1 \rangle \quad \langle ш' \rangle // \langle ш'_1 \rangle$
 $\langle ж \rangle // \langle ш_1 \rangle \quad \langle ж' \rangle // \langle ш'_1 \rangle$.

Например: мы $\langle ш \rangle$ и // мы $\langle ш_1 \rangle$; клé $\langle ш' \rangle$ и // клé $\langle ш'_1 \rangle$; кó $\langle ж \rangle$ и // кó $\langle ш_1 \rangle$; до $\langle ж' \rangle$ й // до $\langle ш'_1 \rangle$.

Для парных твердых-мягких, но непарных до глухости-звонкости сонорных и $\langle х \rangle$ эти ряды включают также два члена:

$\langle р \rangle // \langle р_2 \rangle \quad \langle х \rangle // \langle х_2 \rangle$
 $\langle р' \rangle // \langle р_2 \rangle \quad \langle х' \rangle // \langle х_2 \rangle$.

Например: по $\langle р \rangle$ á // по $\langle р_2 \rangle$ ё, за $\langle р' \rangle$ я' // на за $\langle р_2 \rangle$ ё; сти $\langle х \rangle$ á // о сти $\langle х_2 \rangle$ ё, сти $\langle х' \rangle$ й // в сти $\langle х_2 \rangle$ ё.

Непарные ни по глухости-звонкости, ни по твердости-мягкости аффрикаты $\langle ц \rangle$, $\langle ч' \rangle$ и сонорный $\langle j \rangle$, позиционно меняясь со слабыми фонемами, рядов этой мены по существу не образуют.

Можно установить, что в некоторых случаях такие ряды образуют две сильные фонемы с одними и теми же слабыми фонемами. Например: $\langle т \rangle + \langle т' \rangle // \langle т_1 \rangle // \langle т_2 \rangle // \langle т_3 \rangle$: ско $\langle т \rangle$ á + ско $\langle т' \rangle$ йна // ско $\langle т_1 \rangle$ // ско $\langle т_2 \rangle$ ё // ско $\langle т_3 \rangle$ ский; $\langle н \rangle + \langle н' \rangle // \langle н_2 \rangle$: сло $\langle н \rangle$ ы + слó $\langle н' \rangle$ ик // сло $\langle н_2 \rangle$ ё.

Для гласных фонем устанавливаются следующие ряды позиционной мены:

$\langle а \rangle // \langle а \rangle // \langle а_1 \rangle$
 $\langle о \rangle // \langle а \rangle // \langle а_1 \rangle$
 $\langle е \rangle // \langle а \rangle // \langle а_1 \rangle$

Например:

тр $\langle á \rangle$ вы // тр $\langle а \rangle$ вá // тр $\langle а_1 \rangle$ вяной;
 п' $\langle á \rangle$ тый // п' $\langle а \rangle$ тáк // п' $\langle а_1 \rangle$ тачóк;
 д $\langle о \rangle$ м // д $\langle а \rangle$ мóй // д $\langle а_1 \rangle$ мовóй;
 л' $\langle е \rangle$ с // л' $\langle а \rangle$ снóй // л' $\langle а_1 \rangle$ совóз.

Фонемы ⟨и⟩ и ⟨у⟩, позиционно меняясь со слабыми фонемами ⟨и⟩ и ⟨у⟩, рядов этой мены по существу не образуют.

В некоторых случаях ряды позиционно меняющихся гласных фонем оказываются неполными в связи с отсутствием словоформ, где выступала бы сильная фонема. В таких случаях ряд гласных выступает в виде ⟨а⟩ // ⟨а₁⟩; например, к⟨а⟩лáч // к⟨а₁⟩лáчoм (первый гласный в слове *калач* никогда не выступает под ударением); к⟨а⟩тáр // к⟨а₁⟩тáрáльный и т. п.

§ 92. Фонемные и морфофонемные ряды. Из приведенных выше примеров, иллюстрировавших ряды позиционно меняющихся сильных и слабых фонем, можно со всей очевидностью установить, что мена происходит в одной значимой части словоформы — в корневом морфе.

М о р ф — это минимальная значимая часть слова, которая при словоизменении и словообразовании может менять свой звуковой облик, что определяется закономерностями фонетической системы или морфологическими чередованиями.

Если звуковые изменения морфа определяются морфологическими чередованиями, то в языке возникают разные морфы, принадлежащие одной морфеме, которая есть совокупность морфов. Так, например, в словоформах *друг* — *дружный* — *другья* выступает морфема *друг-*, представляющая собой совокупность морфов *друг-* // *друж-* // *друж'-*, связанных между собой закономерным морфологическим чередованием *г* // *ж* // *з*. Следовательно, морфологические чередования определяют тождество морфов одной морфемы.

Если же звуковые изменения морфа определяются фонетической системой, то в языке возникают алломорфы одного морфа. Так, например, в словоформах [вóд]ы — [вд]á — [вьд]овóз — [вд']é — [вот] выступает один и тот же морф *вод-*, но выступает он в разных алломорфах, звуковые различия которых определяются фонетической системой русского литературного языка — закономерностями позиционной мены согласных и гласных. Следовательно, позиционная мена согласных и гласных, подчиняющаяся закономерностям функционирования фонетической системы, определяет тождество алломорфов одного морфа. В этом и состоит функциональная значимость рядов позиционно меняющихся фонем.

Таким образом, в русском литературном языке есть фонемные ряды, образованные позиционно меняющимися фонемами, подчиняющиеся закономерностям функционирующей фонетической системы и обеспечивающие тождество алломорфов одного морфа, и есть морфофонемные ряды, образованные чередующимися фонемами, подчиняющиеся закономерностям функционирующей морфологической системы и обеспечивающие тождество морфов одной морфемы.

§ 93. Различия в трактовке отношений фонем и их аллофонов. Если в понимании фонемы как функциональной единицы звуковой системы русского языка, служащей для образования и различения слов и форм, среди советских фонологов нет расхождений, то в трактовке отношений фонем и их аллофонов (вариантов, оттенков) и в опре-

делении отнесенности тех или иных аллофонов к одной или к разным фонемам наблюдаются расхождения и споры. В этом плане друг другу противопоставлены Московская и Ленинградская фонологические школы.

Теория фонем Московской школы (МФШ), впервые детально изложенная в книге Р. И. Аванесова и В. И. Сидорова «Очерк грамматики русского литературного языка» (М., 1945), исходит из того, что фонема выступает в своих вариациях и вариантах. В а р и а ц и я и ф о н е м ы — это те ее аллофоны, которые выступают в различных фонетических позициях и образуют параллельный ряд позиционной мены звуков. Так, аллофоны фонемы ⟨а⟩, выступая в позициях после твердых перед твердыми и перед мягкими, после мягких перед твердыми и перед мягкими, образуют ряд аллофонов [a] — [ˈa] — [aː] — [ä]. Этот ряд будет параллельным, так как в тех же позициях выступают аллофоны фонем ⟨о⟩ ([o] — [ˈo] — [oː] — [ö]) и ⟨у⟩ ([y] — [ˈy] — [yː] — [ü]) и члены этих трех рядов всегда различаются, не совпадают друг с другом. Совокупность вариаций фонем, сходных по конститутивному артикуляционным признакам, образует фонему.

В а р и а н т ы ф о н е м ы — это такие ее аллофоны, которые также выступают в различных фонетических позициях, но образуют перекрещивающиеся ряды позиционной мены звуков. Так, аллофоны фонемы ⟨а⟩ в безударных слогах выступают после твердых согласных как [a] и [ɤ], а после мягких как [и^е] и [ь] (тр[á]вы — тр[ɫ]вá — тр[ɤ]вяно́й и [п'б]тый — [п'и^е]тáк — [п'ь]тачо́к). Ряды позиционной мены аллофонов фонемы ⟨а⟩ [a] — [ɫ] — [ɤ] и [ˈa] — [и^е] — [ь] оказываются перекрещивающимися с рядами позиционной мены аллофонов фонемы ⟨о⟩ (ср.: д[o]м — д[ɫ]мá — д[ɤ]мово́й и [л'о]д — [л'и^е]до́к — [л'ь]доко́л). Таким образом, в одних случаях звуки [a] и [ɤ], [и^е] и [ь] выступают как варианты фонемы ⟨а⟩, а в других — как варианты фонемы ⟨о⟩. Нетрудно заметить, что в одну фонему обобщаются звуковые единицы, далекие друг от друга по их артикуляционным признакам. Что же позволяет провести такое обобщение? Его позволяет сделать функциональное единство этих звуков, выступающих в пределах одной морфемы и обеспечивающих тождество этой морфемы.

Таким образом, сильная сторона теории МФШ заключалась в проведении функционального подхода к объединению аллофонов в фонему: функциональная их роль в обеспечении тождества морфемы позволяла считать даже артикуляционно различные звуки аллофонами одной фонемы. Но была и слабая сторона этой теории: в одну фонему объединялись и ее вариации (артикуляционно близкие звуки), и ее варианты (функционально, но не артикуляционно близкие).

Л е н и н г р а д с к а я ф о н о л о г и ч е с к а я ш к о л а (ЛФШ) также объединяет в одну фонему те ее аллофоны, которые образуют параллельные ряды позиционной мены (вариации по МФШ), но иначе трактует аллофоны фонем, образующие перекрещивающиеся ряды. В ее теории здесь принимается во внимание не функциональная роль этих аллофонов, а их артикуляционная характеристика. Поэтому по ЛФШ в соотношении тр[á]вы — тр[ɫ]вá — тр[ɤ]вяно́й выступает фонема ⟨а⟩ в основном оттенке [a] и в неосновных оттенках [ɫ] и [ɤ],

а в соотношении д[о]м — д[л]мá — д[ъ]мовой — фонема ⟨о⟩ в основном оттенке [о] и неосновных оттенках фонемы ⟨а⟩. То, что [л] и [ъ] признаются оттенками фонемы ⟨а⟩, объясняется большей артикуляционной близостью («похожестью») их к гласному [а], чем к [о]. Таким образом, МФШ избежала объединения в одну фонему артикуляционно далеких друг от друга аллофонов, но утратила функциональный подход при отождествлении аллофонов в одну или разные фонемы.

В 1956 г. в книге «Фонетика современного русского литературного языка» Р. И. Аванесов пересмотрел теорию МФШ и, не отказываясь от функционального подхода при отождествлении аллофонов одной фонемы, отказался от понятий вариаций и вариантов фонем. В новой трактовке аллофонами одной фонемы стали считаться только те звуки, которые реализуют сильную фонему (фонему в позиции максимального различия), — это те аллофоны, которые в «классической» теории МФШ назывались вариациями фонемы. Те же аллофоны, которые прежде назывались вариантами фонем, теперь стали трактоваться как аллофоны особых, слабых, фонем (фонем в позициях минимального различия). Иначе говоря, например, звуки [л] и [и^е], [ъ] и [ь], выступающие на месте ⟨а⟩ и ⟨о⟩ после твердых или после мягких согласных в первом предударном и в других безударных слогах, квалифицируются как аллофоны слабых фонем ⟨α⟩ и ⟨α₁⟩ — особых фонологических единиц, находящихся в отношениях позиционной мены с сильными гласными фонемами ⟨а⟩ и ⟨о⟩. Позиционная мена сильных и слабых фонем образует фонемные ряды, члены которых играют функциональную роль, обеспечивая тождество морфемы. Таким образом, скажем, фонемный ряд ⟨а⟩ — ⟨α⟩ — ⟨α₁⟩ в тр⟨а⟩вы — тр⟨α⟩вá — тр⟨α₁⟩вяной или в п'⟨а⟩ть — п'⟨α⟩тáк — п'⟨α₁⟩тачók обеспечивает тождество морфем *трав-* и *пят-*.

Предложенная Р. И. Аванесовым новая трактовка отношений фонем и их аллофонов, с определенными модификациями и уточнениями, принимается в работах современных фонологов, принадлежащих МФШ; на нее опирается и концепция, изложенная в настоящей книге.

СИНТАГМАТИКА И ПАРАДИГМАТИКА ФОНЕМ

§ 94. **Отношения парадигматики и синтагматики.** Звуковая сторона каждого языка определяется характером фонологических отношений, характером той системы, которую образуют фонемы данного языка. Фонологическая система — это система п р о т и в о п о с т а в л е н и й фонем, т. е. их п а р а д и г м а т и к а, ограничения и причины этих ограничений в противопоставленности фонем друг другу.

Но, будучи организованной противопоставлениями фонем, фонологическая система обнаруживает особенности этих противопоставлений, обусловленные сочетаемостью фонем, т. е. их с и н т а г м а т и к о й. Иначе говоря, характер фонологической системы, характер противопоставленности фонем определяется характером их сочетаемости: каковы правила синтагматики, таков и характер парадигматики. Если меняются правила сочетаемости, меняются и условия противопоставленности фонем. А это, в свою очередь, означает, что

первой задачей в установлении характера и особенностей той или иной фонологической системы является установление правил сочетаемости фонем данного языка на данном этапе его развития.

В связи с тем что в языке всегда есть разрешенные и неразрешенные сочетания, последовательности фонем, возникают определенные ограничения в парадигматике, т. е. в самой фонологической системе. Если, предположим, в каком-либо языке разрешены сочетания одних согласных только с передними гласными, а других — только с непредними, то в этом языке парадигматика фонем будет характеризоваться наличием противопоставленности друг другу только передних или только непредних гласных, но не тех и других вместе, и наличием противопоставлений одних согласных только перед передними, а других — только перед непредними гласными. Если же такого ограничения не будет, то соответственно и парадигматика фонем будет иной.

Однако правила сочетаемости определяют лишь то, какие сочетания фонем разрешены или не разрешены в данном языке, но не определяют, как в этом языке реализованы разрешенные сочетания. А ответ на этот последний вопрос чрезвычайно важен потому, что фонологическая система реально представлена в грамматике и лексике языка, нужды которых она призвана обслуживать, и если те или иные разрешенные сочетания не использованы в словоформах, то, следовательно, и в парадигматике фонем может отсутствовать то, что в ней могло бы или должно было бы быть. Например, в русском языке разрешено сочетание [ч'к], однако реализовано оно широко только в середине слов на стыке морфем (*точка, кошка, ручка, привычка* и т. д.); в начале слова оно выступает только в фамилии *Чкалов* и в диалектном глаголе *чкнуть* (толкнуть); в конце же слов оно не реализовано вообще, хотя никаких препятствий для реализации сочетания [ч'] с последующим глухим смычным фонологическая система не создает (ср.: *что, чтить, почта, мечта, матч, почт*). Поэтому оказывается, что противопоставленность [ч'] другим согласным ограничивается не просто позициями перед гласными и перед глухими согласными, но и еще больше — позициями перед гласными и лишь перед отдельными глухими согласными.

§ 95. Отношения фонологической и морфологической систем языка. Если обобщить все наблюдения над фактами, связанными с правилами сочетаемости фонем в современном русском литературном языке, то можно установить, что нереализованность разрешенных фонемных сочетаний определяется, во-первых, особенностями фонемного строения морфем в русском языке и возможностями сочетания этих морфем в составе слова, а во-вторых, фактическим отсутствием в языке словоформ, содержащих те или иные сочетания фонем. Относительно последних фактов уже говорилось, когда рассматривалось сочетание [ч'к] в русском языке, и поэтому важно обратить внимание на явления нереализованности сочетаний фонем, связанные со структурой морфем и с их соединимостью при образовании словоформ.

На первый взгляд, вопросы фонемного строения морфем и возможностью сочетания фонем на стыке морфем при образовании словоформ не имеют прямого отношения к фонологии, занимающейся пробле-

мами организации системы противопоставлений фонем как функциональных единиц. В самом деле, казалось бы, такие явления, как фонемная структура корневой или аффиксальной морфемы или чередование согласных при образовании определенных словоформ, не должны интересовать фонологию, ибо последняя изучает функционирование фонем в системе данного языка, включая установление состава этих фонем путем отождествления их звуковых реализаций в определенных фонетических позициях, определение тех признаков фонем, по которым они противопоставляются в одних условиях и, возможно, нейтрализуются (не различаются) в других, изучение взаимосвязей отдельных фонем в общей фонологической системе. Именно поэтому все, что выходит за рамки описанных задач фонологии, все, что не связано непосредственно с этими задачами,— все это, как иногда представляется, должно быть исключено из фонологии.

Однако если иметь в виду, что фонологическая система реализуется в грамматике и лексике данного языка, то можно понять, что установление характера этой системы невозможно без изучения функционирования фонем в составе морфемы и слова, и здесь есть собственно фонологический аспект данной проблемы, ибо на фонемное строение морфем и на поведение фонем при сочетании морфем в словообразовании и словосизменении можно смотреть с точки зрения правил сочетаемости фонем, свойственных данному языку.

Иначе говоря, правила сочетаемости должны устанавливаться не в отрыве от лексико-морфологической стороны языка, а с учетом зависимости или независимости этих правил от морфологической структуры слова.

То, что сочетание [ч'к] отсутствует в конце словоформ, объясняется тем, что данное сочетание по существу выступает только на стыке корня и суффикса -к-; в абсолютном же конце слова между [ч'] и [к] всегда выступает гласный: *точка — точек, кошка — кошек, ручка — ручек* и т. д. Морфологически ограниченными оказываются также некоторые сочетания согласных, выступающие при соединении приставки с корнем: морфологическое ограничение в этом случае определяется составом русских приставок, оканчивающихся на согласный. Сочетания [тц], [тп'], [тф], [тф'], [тщ], [пх], [пх'], [фц] и [дб], [дб'], [бв], [бв'], [бг], [вг], [вб], [вб'], [зб], [з'м], [бм], [бм'], выступающие чаще всего на стыке приставки и корня, употребительны именно потому, что в русском языке есть приставки *пред-, под-, над-, от-, об-, в-, воз-, из-, раз-, с-* и нет приставок, оканчивающихся на другие согласные.

Итак, устанавливая характерные особенности фонологической системы, нельзя не учитывать функционирования фонем в составе морфем, нельзя не учитывать фонологической структуры морфем. В одних случаях сочетаемость фонем безразлична к морфологической структуре слова — такие сочетания могут характеризовать и начало, и середину, и конец корневой морфемы, и стык морфем; в других случаях сочетаемость оказывается возможной лишь в ограниченных морфологических положениях. В зависимости от этого возникают определенные особенности и в парадигматике фонем, ограничения в их

противопоставленности, накладываемые морфологической системой. Это обстоятельство по существу означает, что фонологический анализ требует расширения понятия позиции, в которой выступают те или иные фонемы: характер функционирования фонем должен рассматриваться с учетом не только фонетических условий, в которых выступают те или иные звуковые реализации фонем, но и морфемной структуры словоформ и фонологических особенностей этой структуры.

§ 96. Потенциальные возможности фонологической системы. Вместе с тем для фонологического анализа важно и установление реализованности или нереализованности тех или иных фонологических явлений, разрешенных системой в словоформах языка. Надо иметь в виду, что принципиально в языке всегда больше разрешено, чем реализовано, и чем больше неиспользованных возможностей, тем устойчивее вся фонологическая система, и, наоборот, чем их меньше, тем скорее можно ожидать перестройки данной системы. От потенциальных возможностей системы находится в прямой зависимости свобода выбора сочетающихся фонологических единиц. Чем больше эта свобода, тем больше у языка возможностей в рамках устойчивых противопоставлений фонем, в рамках данной фонологической системы расширять свой словарный состав, обогащая его новообразованиями или заимствованиями, с другой же стороны, чем больше свобода выбора сочетающихся единиц, тем реальнее их неполная использованность в словаре и грамматике естественного языка.

Наоборот, чем меньше свобода выбора, тем ограниченнее возможность образования новых слов, так как разрешенные сочетания оказываются полностью реализованными в уже имеющихся словоформах, и поэтому нужна перестройка существующей фонологической системы в сторону увеличения свободы сочетаемости фонем. Можно думать поэтому, что принципиально развитие фонологических отношений в языке должно определяться и определяется расширением возможностей сочетаемости фонем и снятием ограничений и запретов на эту сочетаемость.

СИНТАГМАТИКА ФОНЕМ

Синтагматические отношения фонем современного русского литературного языка связаны с характером сочетаемости согласных с последующими гласными и согласных с последующими согласными в пределах одного слога. Сочетания гласных с последующими гласными в пределах слога в русском языке отсутствуют как несвойственные его фонетико-фонологической системе. Кроме сочетаний согласных с гласными и согласных с согласными, в пределах слога могут оказаться еще сочетания согласного, гласного и последующего согласного (или согласных). Это наблюдается в односложных словах (типа *дом, ночь, вот* и т. д.) и в отдельных морфемах, слоговая структура которых характеризуется закрытостью. Однако в связи с тем что современному русскому языку свойственна общая тенденция к открытости слога, в подавляющем большинстве случаев слог окан-

чивается гласным звуком, и поэтому типичными сочетаниями для русского языка являются сочетания согласного с последующим гласным.

Сочетаемость согласных с гласными различна в пределах морфемы и на стыке морфемы, прежде всего на стыке основы и окончания. Некоторые сочетания согласных с гласными внутри морфем оказываются невозможными, хотя на стыке морфологических частей слова они выступают.

При этом следует четко разграничивать два вида явлений, связанных с отсутствием тех или иных сочетаний внутри или на стыке морфем. Одни сочетания согласных с гласными могут быть запрещены самой фонологической системой, другие могут отсутствовать в языке только потому, что они не реализованы в существующих словоформах. Значит, во втором случае язык не использует потенциальных возможностей фонологической системы, но он в любое время сможет воспользоваться ими для образования необходимых словоформ.

Разграничение двух указанных явлений при анализе причин отсутствия тех или иных сочетаний чрезвычайно важно для понимания не только характера и особенностей функционирования фонологической системы на данном этапе ее оуствования, но и для понимания тенденций развития этой системы, обусловливаемых потенциальными возможностями использования новых синтагматических связей для образования новых словоформ.

§ 97. Сочетания согласных с гласными. Следует прежде всего отметить, что в русском языке как внутри, так и на стыке морфем возможны (разрешены) сочетания в с е х сильных согласных фонем со в с е м и гласными фонемами.

Отсутствие некоторых сочетаний — следствие запретов, действовавших на прежних этапах развития языка. В то же время можно наблюдать и явления, возникающие и развивающиеся на наших глазах, т. е. явления, которые обнаруживают скрытые возможности фонологической системы, не использовавшиеся ранее. Это проявляется в возникновении и распространении в русском языке слов и их форм с исконно чуждыми ему сочетаниями фонем.

Так, с давнего времени в языке известны с о ч е т а н и я т в е р д ы х и м я г к и х ш у м н ы х и с о н о р н ы х с о г л а с н ы х с г л а с н ы м и ⟨а⟩, ⟨о⟩, ⟨и⟩, ⟨у⟩, которые выступали как внутри, так и на стыке морфем. Но одни из этих сочетаний реально функционируют по существу в открытом ряду слов и их форм, а употребление других ограничено или определенным рядом слов, или закрытым рядом морфологических форм. Например, такие сочетания, как ⟨па⟩, ⟨бо⟩, ⟨вы⟩, ⟨ту⟩, выступают как внутри корневых морфем, так и на стыке основы и окончания, причем практически — в неограниченном ряду словоформ (ср. внутри морфем: *пар, палка, пачка, бор, забота, бой, выл, выше, привычка, туша, стук, стул*; на стыке морфем: *тропа, столпа, серпа, грибом, любой, тобой, совы, швы, правы, коту, расту, простоту*, и т. д.). Подобного типа сочетания твердых шумных и сонорных согласных с ⟨а⟩, ⟨о⟩, ⟨и⟩ (⟨ы⟩), ⟨у⟩ не имеют никаких ограничений ни со стороны фонологической системы, ни со стороны морфологической структуры. Сов-

сем по-иному обстоит дело с сочетаниями мягких шумных и сонорных с этими же гласными.

В сочетании с ⟨а⟩ без ограничений выступают все мягкие, кроме ⟨х'⟩, причем этот согласный в сочетании с ⟨а⟩ не выступает ни в одной словоформе. По этому признаку с ним сближаются и два других мягких заднеязычных — ⟨к'⟩ и ⟨г'⟩, но они все же отмечаются в отдельных словоформах: ср. редкое деепричастие *ткя* от *ткать*, а также заимствованные слова *Кяхта* и *гяур*. А это означает, что отсутствие сочетания ⟨х'а⟩ объясняется не фонетико-морфологическими, т. е. внутриязыковыми, а какими-то иными причинами. Фонологическая система русского языка не накладывает запрещения на сочетание ⟨х'а⟩, так как с ⟨а⟩ сочетаются ⟨к'⟩ и ⟨г'⟩ (т. е. согласные того же места образования, что и ⟨х'⟩). Следовательно, отсутствие ⟨х'а⟩ объясняется отсутствием словоформ с этим сочетанием, т. е. неиспользованием потенциальных возможностей системы.

Несколько иначе обстоит дело с сочетанием ⟨ж'⟩ с ⟨а⟩. Его отсутствие внутри корневых морфем определяется тем, что данный согласный исконно не мог оказываться в такой позиции по условиям своего происхождения; он выступает только на стыке морфем; ср.: [длж'·á], [в'иж'·á] (от *вижаты*), [јэж'·у] (от *ездить*) и т. д. Значит, с точки зрения истории фонологической системы сочетание ⟨ж'⟩ с ⟨а⟩ внутри морфем было запрещено древними отношениями и было разрешено на стыке морфем.

Можно ли считать, что запретительный закон для сочетания ⟨ж'⟩ + ⟨а⟩ внутри морфем в настоящее время уже не действует в русском языке? Если в языке есть сочетание ⟨ш'⟩ + ⟨а⟩ (ср.: *пощада*), т. е. сочетания с ⟨а⟩ согласного того же места образования, то в нем возможно и ⟨ж'⟩ + ⟨а⟩; иначе говоря, если будет необходимо, то носитель русского языка сможет реализовать данное сочетание в составе корневой морфемы. Однако это опять-таки лишь потенциальная возможность, и реализована она может быть только через усвоение каких-то заимствований с подобным сочетанием звуковых единиц.

В позиции перед ⟨о⟩ внутри морфем не выступает согласный ⟨ж'⟩ по причинам, изложенным выше (ср. на стыке морфем — [ж'·от] от *жечь*), и согласный ⟨х'⟩, хотя ⟨к'⟩ и ⟨г'⟩ в редких случаях все же наблюдаются; ср.: *Гёте*, *Кёльн*; на стыке же морфем нет ни ⟨х'⟩, ни ⟨г'⟩, но есть ⟨к'⟩ в [тк'·ош], [тк'·от], [тк'·ом]. Наличие ⟨к'о⟩ внутри и на стыке морфем и ⟨г'о⟩ внутри морфем позволяет утверждать, что отсутствие сочетания ⟨х'о⟩ и ограниченность ⟨к'о⟩ и ⟨г'о⟩ объясняются только неиспользованием потенциальных возможностей фонологической системы, а не запрещением этих сочетаний самой системой.

В позиции перед ⟨е⟩ в особом положении находятся все твердые согласные. Исконно перед ⟨е⟩ могли выступать только мягкие согласные, и если в этой позиции оказывался твердый согласный, то он подвергался смягчению (ср.: *кора* — ко[р'é], *стол* — сто[л'é]) и т. п.). Значит, с точки зрения истории фонологической системы сочетания твердого согласного с ⟨е⟩ были запрещены. Однако по мере развития русского языка в нем начали появляться слова с сочетания-

ми твердого согласного с ⟨е⟩. Правда, распространенность таких сочетаний ограничена: они выступают или в заимствованных словах, или в аббревиатурах. Ср.: *пэр, купе, КБ* (кабэ — конструкторское бюро), *ВЭФ* (радиозавод), *мэр, Ромэн* (театр), *кафе, ТЭЦ* (теплоэлектростанция), *бретель, дека, модель, дельта, Додэ, СЭВ, эсер, шоссе, зет* (z), *нэп, кашне, ЛЭП* (линия электропередачи), *Рэм* (имя), *каре, Кэт* (имя), *ГЭС* и др. Наличие подобных слов дает возможность утверждать, что в современном русском языке запрет на сочетания твердого согласного с ⟨е⟩ снят. Это тем более очевидно, что такой запрет издавна не действовал при сочетании ⟨е⟩ с шипящими ⟨ш⟩, ⟨ж⟩ и аффрикатой ⟨ц⟩, которые выступают как внутри, так и на стыке морфем; ср.: *шесть, жесть, целый; лапше, ноже, отце* и т. д. Поэтому в современном русском языке позиция твердых и мягких согласных перед ⟨е⟩ по существу оказывается такой же, что и позиция перед остальными гласными; здесь равно могут выступать как те, так и другие согласные, хотя, конечно, и распространенность твердых согласных перед ⟨е⟩ меньше, чем их распространенность перед другими гласными, и сами слова, в которых произносятся твердые согласные в этом положении, ограничиваются заимствованиями и (пусть даже широко употребляемыми) аббревиатурами.

Вместе с тем, рассматривая данное явление, не следует упускать из виду одного важного обстоятельства. Как уже говорилось, согласные, парные по твердости-мягкости, образуют соотносительные ряды, в которых ДП противопоставляет члены пар в одних позициях и не противопоставляет их, нейтрализуется — в других. «Классической» позицией нейтрализации являлась и является позиция перед ⟨е⟩. Нейтрализация твердости-мягкости обнаруживается в некоторых случаях и перед согласными, однако такие случаи оказываются и неустойчивыми, и не «выразительными». Поэтому если позиция перед ⟨е⟩ в современном русском языке становится позицией различения твердых-мягких парных, то возникает «разрушение» соотносительного ряда согласных, противопоставленных по признаку твердости-мягкости. Система языка сопротивляется такому «разрушению» соотносительного ряда и стремится сохранить наиболее отчетливую позицию нейтрализации твердых-мягких согласных — позицию их неразличения перед ⟨е⟩. Именно этим можно объяснить смягчение твердых согласных перед ⟨е⟩ в целом ряде заимствований, укрепившихся в русском языке. К такой «адаптации» заимствований толкает, как видно, и то обстоятельство, что позиция перед ⟨е⟩ остается устойчивой позицией нейтрализации твердости-мягкости, когда ⟨е⟩ выступает в качестве флексии при словоизменении имен.

Во всяком случае, в современном языке позиция согласных перед ⟨е⟩ оказывается противоречивой: с одной стороны, есть факты, доказывающие возможность противопоставления твердых-мягких парных в этом положении, а с другой — есть факты, интерпретировать которые можно только в случае признания положения перед ⟨е⟩ позицией нейтрализации твердости-мягкости.

Сочетания согласных с ⟨у⟩ также имеют определенные особенности. Широко распространены сочетания с ⟨у⟩ всех твердых

сгласных. Что же касается мягких согласных, то внутри морфем издавна могли быть только сочетания ⟨н'у⟩, ⟨л'у⟩ и ⟨р'у⟩; остальные мягкие (кроме ⟨ч'⟩, ⟨ш'⟩, ⟨ж'⟩) перед ⟨у⟩ не выступали. Поэтому появление сочетаний мягких с ⟨у⟩ внутри морфем связано лишь с усвоением заимствований и развитием аббревиатур. Ср.: *пюре, бюст, мя, курфюрст, тюк, дюшес, Кюхля, Рюкю* (остров), *Гюльсары*. На стыке же морфем сочетания мягких с ⟨у⟩ ограничены морфологическими условиями: так как окончание *-'у* или *-'ут* может выступать лишь в определенных формах — в 1-м л. ед. ч. и в 3-м л. мн. ч. глаголов, фин. п. ед. ч. жен. р. слов на *-я* и дат. п. ед. ч. муж. р. слов на *-ь*, то и сочетания мягких с ⟨у⟩ могут оказаться лишь в этих формах. Однако слов, особенно имен существительных, у которых в указанных формах обнаруживаются сочетания мягких согласных с ⟨у⟩, очень мало. Ср.: *голубю, червю, лебедю, коню; всю, стезю; колю, корю, порю, гоню, пленю* и т. д. Сочетания с ⟨ч'⟩, ⟨ш'⟩, ⟨ж'⟩ распространены в русском языке на стыке морфем достаточно широко. Ср.: *борицу, дождю, лечу, качу, свищу, визжу, тащу, пущу, торчу* и т. д. Итак, можно говорить об ограниченности распространения сочетаний отдельных мягких согласных с ⟨у⟩, но нельзя утверждать, что в современном русском литературном языке есть какие-либо запреты на эти сочетания. Есть только неиспользованные потенциальные возможности фонологической системы.

Обобщая все сказанное, можно сказать, что в сочетаемости сильных согласных фонем с гласными нет ограничений, обусловленных существующими фонологическими отношениями; принципиально как внутри, так и на стыке морфем может выступать сочетание любой согласной с любой гласной фонемой. В то же время одни из этих сочетаний распространены широко и используются в практически неограниченном кругу слов и их форм, тогда как другие, наоборот, ограничены в своем проявлении. В этом плане особого замечания заслуживают мягкие заднеязычные в сочетании с ⟨у⟩. В связи с тем что сочетания ⟨х'у⟩ в русском языке нет вообще, а ⟨к'у⟩ и ⟨г'у⟩ встречаются лишь в редких заимствованных словах, следует признать, что класс мягких заднеязычных не сочетается с ⟨у⟩ в современном русском языке. Но речь идет не о запрещении системой сочетаний ⟨к'у⟩, ⟨г'у⟩, ⟨х'у⟩, а лишь о неиспользовании потенциальных возможностей фонологической системы русского языка на данном этапе его развития.

§ 98. Сочетания согласных с согласными. По отношению к сочетаемости согласных с согласными в русском языке действует ряд ограничительных фонетических законов. Разрешены только определенные группы согласных, причем многие из них реально функционируют лишь на стыке морфем — при присоединении префикса или суффикса к корню.

Запрещены фонетической системой русского языка следующие сочетания согласных:

1) сочетания глухих шумных с последующими звонкими шумными (кроме [в], [в']): глухой шумный может быть только перед глухим шумным;

2) сочетания звонких шумных с последующими глухими шумными: звонкий шумный может быть только перед звонким шумным;

3) сочетания твердых зубных, кроме [л], с последующим мягким зубным: твердый зубной может быть только перед твердым зубным;

4) сочетания твердых губных согласных с последующими мягкими губными: твердый губной согласный может быть только перед твердым губным;

5) сочетания мягких губных согласных с последующими твердыми губными: мягкий губной согласный может быть только перед мягким губным;

6) сочетания двух согласных, различающихся только по признаку твердости-мягкости (т. е. [п'п], [пп'], [т'т], [тт'] и т. д.).

Кроме того, фонетически запрещенными являются сочетания [тц], [т'ц], [тч'], [т'ч'], [тш'], [т'ш'], [тш], [т'ш] (на месте некоторых из них произносится [ц], [ч] и [ч'ш']), ср.: *отца* [Ацá], *отчий* [бч'ии], *тщательно* [ч'ш'áт'ъл'нъ] и т. п.), [сш], [с'ш], [сч'], [с'ч'], [сш'], [с'ш'] (на месте некоторых из них произносится [ш] и [ш']), ср.: *шить* [шы'т'], *считать* [ш'итáт']; [зж], [з'ж], [зж'], [з'ж'] (произносится [ж']), ср.: *вижеть* [в'иж'áт']; [цш], [цш'] и [цч'], [шч'] и [шш']; [р'ш], [р'ж], [р'ш'], [р'ж'] и [р'ч'].

Эти запретительные законы действуют лишь на фонетическом уровне: если, скажем, в русском языке невозможно сочетание глухого шумного со звонким, то это обнаруживается лишь на уровне аллофонов, так как, например, в [з'д'эльт'] фонологически выступает абсолютно слабая фонема (с₃): <с_{3д}>ёлать.

Все остальные сочетания двух согласных разрешены фонетической системой современного русского литературного языка. В фонологическом плане в большинстве таких сочетаний согласных первый член является аллофоном слабой по глухости-звонкости или по твердости-мягкости, или по обоим признакам фонемы (вообще слабой фонемы), а второй член — аллофоном сильной или слабой по твердости-мягкости фонемы. Например, [пл] в *плакать* = <п_{2л}>áкать; [д'б] в *ходьба* = хо(т'б)а; [д'б'] в *ходьбе* = хо(т'б₂)é.

Следовательно, в группах согласных, в их функционировании в языке действуют определенные ограничения, носящие фонетический характер и определяющие возможность или невозможность наличия определенных сочетаний в том или ином положении по отношению к структуре слова.

ПАРАДИГМАТИКА ФОНЕМ

Переходя к рассмотрению парадигматики гласных и согласных фонем русского литературного языка, следует еще раз подчеркнуть, что парадигматические отношения фонем определяются прежде всего их синтагматическими отношениями. Это значит, что противопоставления фонологических единиц, служащие для различения словоформ, могут осуществляться в тождественных фонетических условиях только в том случае, если существуют соответствующие сочетания звуков.

§ 99. Парадигматика гласных фонем. Если теоретически возможно предположить, что в позиции под ударением противопоставляются друг другу пять гласных фонем русского языка, то в действительности их противопоставленность ограничивается определенными условиями синтагматического характера.

Как показано выше, основной позицией, в которой выступают гласные фонемы, является позиция после согласных. В зависимости от качества — прежде всего от твердости-мягкости — предшествующего согласного и от положения гласного по отношению к морфологической структуре слова находят условия употребления гласных. Рассматривая с этой точки зрения парадигматику гласных фонем, можно сказать, что вне всякой зависимости от морфологической структуры слова в позиции после твердых согласных под ударением противопоставляются гласные ⟨а⟩, ⟨о⟩, ⟨и⟩ (⟨ы⟩), ⟨у⟩, т. е. данные гласные фонемы свободно употребляются в этой позиции, и, противопоставляясь друг другу, различают звуковые оболочки слов и их форм: ср.: *дам — дом — дым — дум; волам — волом; волы — волю.* В этой же позиции в современном русском языке функционирует и гласная фонема ⟨е⟩, однако распространенность ее ограничивается заимствованными словами и аббревиатурами, и поэтому ее противопоставленность другим гласным фонемам в положении после твердых согласных осуществляется лишь внутри морфем (конечное сочетание твердого с ⟨е⟩ выступает лишь в словах, не имеющих форм словоизменения: *кашне, шоссе*).

В положении после мягких согласных противопоставляются все гласные фонемы, однако здесь действуют уже более жесткие ограничительные законы. Так, гласные не противопоставляются после ⟨ж'⟩ внутри морфем, так как эта позиция в русском языке отсутствует; точно так же почти отсутствует противопоставление гласных внутри и на стыке морфем после ⟨х'⟩ (есть только противопоставление ⟨х'е⟩ — ⟨х'и⟩) и на стыке морфем после ⟨к'⟩ и ⟨г'⟩. С большими ограничениями связано также противопоставление гласного ⟨у⟩ другим гласным в позиции после мягкого согласного: внутри морфем это объясняется исконной фонетической чуждостью сочетаний мягкого с ⟨у⟩, а на стыке морфем — морфологическими условиями, связанными с редкостью образования форм с окончанием *-у* после мягкого согласного.

Общая картина парадигматики сильных гласных фонем в современном русском литературном языке может быть представлена в таблице (см. с. 176).

§ 100. Парадигматика согласных фонем. Более сложной оказывается картина парадигматики согласных фонем. Позициями, в которых обнаруживается противопоставленность согласных фонем, являются позиции перед гласными, а также позиции перед согласными и на конце слова. Однако в позиции конца слова осуществляется противопоставление только глухих шумных и сонорных согласных, так как звонкие шумные в этом положении отсутствуют; в позиции же перед согласными противопоставление согласных ограничено в силу того, что целый ряд групп согласных запрещен фонетической системой, а иные группы, возможные в русском языке, отсутствуют реально в

составе его словоформ, и поэтому потенциально возможные противопоставления согласных перед согласными не реализуются в системе языка. Следовательно, главной позицией, в которой осуществляется противопоставление согласных фонем, является позиция перед гласными: именно в этой позиции выступает наибольшее количество согласных, противопоставленность которых перед одним и тем же гласным служит различительным целям языка. Однако есть ряд особенностей, связанных с ограничениями в такой противопоставленности.

Есть позиции, в которых выступает подавляющее большинство согласных фонем, отчетливо противопоставляясь друг другу. Прежде всего это позиция перед фонемой ⟨и⟩. Здесь внутри морфем не выступает ⟨ж'⟩, хотя она функционирует перед ⟨и⟩ на стыке морфем (*дожди*, *визжи*, *дрожжи* и т. д.), и ⟨г⟩, ⟨х⟩, которые не сочетаются в русском языке с [ы] (хотя ср.: *кыш*, *кыс-кыс*). Все остальные согласные выступают равно в положении перед ⟨и⟩ внутри и на стыке морфем. Ср.: *пыл — пил — был — бил — фыркать — фильм — выл — вил — тыкать — тик — дым — Дима — сын — синь — зыбь — Зина — шил — щит — жил — цирк — чин — мил — мыл — ныл — Нил — лыжа — лик — рысь — рис — кит — гиря — хитрый; стопы — ступи — столбы — застолбы — софы — графы — совы — зови — коты — лети — воды — води — носы — носи — козы — грози — громы — громи — свищи — лежи — овцы — точи — сомы — возьми — сыны — сини — столы — соли — горы — гори — руки — ноги — сохи*.

В позиции перед ⟨о⟩ внутри морфем отсутствуют только ⟨ж'⟩ и ⟨х'⟩ и почти не представлены ⟨к'⟩ и ⟨г'⟩. Ср.: *пол — Пётр — бок — бедра — фокус — Фёкла — вол — вёл — том — Тёма — дом — дёрн — сор — сёла — зонт — зёрна — шёл — щёки — жёг — цокать — чёлка — мол — мёл — ног — нёс — лог — лёг — рок — рёв — кон — Кёльн — год — Гёте — холка — ёлка*. Однако на стыке основы и флексии противопоставление согласных перед ⟨о⟩ ограничено очень резко, так как редко встречается ударное [о] в окончаниях после мягкого согласного основы. Ср.: *снопом — грибом — гребёт — люфой — мертво — пливёт — мостом — метёт — льдом — бредёт — колесо — пасёт — козой — ползёт — ковшом — ещё — ножом — дождём — отцом — почём — клеймо — поймёт — дно — днём — весло — пошлёт — бедро — орёт — очко — ткёт — пирогов*.

В позиции перед ⟨а⟩ отсутствуют ⟨ж'⟩ (внутри морфемы) и ⟨х'⟩ и почти не представлены ⟨к'⟩ и ⟨г'⟩. Ср.: *пар — пять — бак — кулебяка — фартук — тюфяк — вал — вял — там — тятя — дам — дядя — сам — сядь — зам — зябкий — шар — щавель — жар — цапля — чаша — мал — мял — нас — няня — лак — ляг — рак — ряска — как — Кяхта — гам — гяур — хала — яма; стопа — крепя — хлеба — любя — софа — разграфя — сова — давя — кота — хотя — года — погода — коса — кося — коза — грозя — гроша — трецца — ножа — дождя — отца — свеча — сома — гремя — весна — пленя — пила — пиля — гора — горя — рука — рога — соха — моя*.

Иначе обстоит дело с позицией перед ⟨е⟩: внутри морфемы не выступает ⟨ж'⟩; твердые согласные (кроме ⟨ш⟩, ⟨ж⟩, ⟨ц⟩) редки

**Противопоставленность гласных фонем русского языка
в позиции после согласных под ударением**

Гласные фонемы	После твердых согласных, кроме <ш>, <ж>, <ц>		После мягких согласных, кроме заднеязычных, <ш'>, <ж'>, <ч'>		После мягких заднеязычных		После <ш>, <ж>, <ш'>, <ч'>, <ц>		После <ж'>	
	внутри морфем	на стыке морфем	внутри морфем	на стыке морфем	внутри морфем	на стыке морфем	внутри морфем	на стыке морфем	внутри морфем	на стыке морфем
<a>	+	+	+	+	(+)	(+)	+	+	—	+
<o>	+	+	+	+	(+)	(+)	+	+	—	+
<e>	(+)	—	+	+	+	+	+	+	—	+
<и> ([и][ы])	+	+	+	+	+	+	+	+	—	+
	+	+	(+)	(+)	(+)	(—)	+	+	—	+

Примечание. В таблице знаком + обозначено наличие данной гласной фонемы в указанной позиции, а знаком — ее отсутствие; знак (+) показывает, что данная гласная в этой позиции ограничена в своем функционировании.

внутри морфемы и не встречаются на стыке морфем. Ср.: *пэр — перст — бег — кафе — ферт — ВЭФ — верх — ТЭЦ — тема — дека — дело — сэр — сера — зет — зелень — шесть — щель — жесть — целый — честь — мэр — мера — нэп — нет — ЛЭП — лето — Рэм — реки — Кэт — кегли — ГЭС — герань — хек — ель; стопе — тебе — софе — сове — коте — воде — косе — козе — каше — борще — ноже — дождей — отце — свече — корме — коне — полей — коре — руке — ноге — сохе — моей.*

Так же ограничена позиция перед ⟨у⟩, где не выступают внутри морфемы ⟨ж'⟩ и ⟨х'⟩ и почти отсутствуют мягкие согласные. Ср.: *пуд — пуре — булка — бюст — фунт — курфюрст — звук — Вюртемберг — туша — тюк — дума — Дюк — сук — сюсюкать — зуб — козюля — шуба — шука — жук — цуг — чум — мука — мя — нужно — нюхать — лук — люб — руки — рюшка — куш — кюрий — гул — хутор — юноша; стопу — столбу — строфу — сову — червя — коту — пойду — носу — всю козу — пашу — пушу — ножу — дождю — отцу кричу — кому — клянц — гоню — волу — велю беру — дарю — секу — бегу — вверху — мою.*

Таким образом, в положении перед разными гласными под ударением наблюдается различная противопоставленность согласных: в одних случаях она проявляется более широко, чем в других; некоторые согласные не выступают перед определенными гласными; другие согласные по-разному функционируют внутри и на стыке морфем и т. д. Все это создает специфику противопоставленности согласных в фонологической системе русского языка. Однако в то же время надо признать, что все 37 согласных, которые могут выступать перед гласными и в той или иной мере противопоставляться друг другу, должны быть оценены как самостоятельные фонемы современного русского литературного языка. Все те ограничения в их противопоставленности, о которых шла речь выше, не дают повода для отрицания их фонологической самостоятельности. Речь может идти только о том, что некоторые согласные в функциональном отношении играют меньшую роль, чем другие, в силу малой их распространенности в языке. Конечно, такие фонемы, как ⟨ж'⟩ и мягкие заднеязычные ⟨к'⟩, ⟨г'⟩, ⟨х'⟩, в современном русском литературном языке функционируют иначе, чем остальные согласные: ⟨ж'⟩ не выступает внутри морфем, а ⟨к'⟩, ⟨г'⟩, ⟨х'⟩ почти не отмечаются перед гласными ⟨а⟩, ⟨о⟩ и ⟨у⟩. Однако ⟨ж'⟩ противопоставляется иным согласным на стыке морфем, а наличие противопоставленных сочетаний [ка] — [к'а], [ко] — [к'о], [ку] — [к'у], [га] — [г'а], [го] — [г'о] вполне достаточно для признания ⟨к⟩ и ⟨к'⟩, ⟨г⟩ и ⟨г'⟩ самостоятельными фонемами современного русского языка. Если учесть, что ⟨к⟩, ⟨г⟩, ⟨х⟩ образуют одну группу заднеязычных, то можно полагать, что и ⟨х'⟩ является в русском языке такой же самостоятельной фонемой, хотя сочетания [х'а], [х'о], [х'у] не реализованы в существующих словоформах литературного языка. Можно думать, что ⟨к'⟩, ⟨г'⟩, ⟨х'⟩, будучи ограниченными в своем функционировании в языке, все же являются не аллофонами ⟨к⟩, ⟨г⟩, ⟨х⟩ перед передними гласными, а самостоятельными фонемами.

Рассмотрение синтагматических и парадигматических отношений гласных и согласных русского литературного языка показывает, что эти отношения строятся на отчетливых взаимосвязях фонологических единиц. Учет этих взаимосвязей позволяет полнее и глубже вскрыть специфику фонологической системы.

ЛИТЕРАТУРА

А в а н е с о в Р. И. Русское литературное произношение.— 6-е изд.— М.: Просвещение, 1984.

А в а н е с о в Р. И. Фонетика современного русского литературного языка.— Изд-во МГУ, 1956.

А в а н е с о в Р. И., С и д о р о в В. Н. Очерк грамматики русского литературного языка.— М.: Учпедгиз, 1945.

Б у л а н и н Л. Л. Фонетика современного русского языка.— Л., 1970.

Д м и т р и е н к о С. Н. Фонемы русского языка: их сочетаемость и функциональная нагрузка.— М.: Наука, 1985.

М а т у с е в и ч М. И. Современный русский язык: Фонетика.— М.: Просвещение, 1976.

М о и с е е в А. И. Русский язык: Фонетика. Морфология. Орфография.— М.: Просвещение, 1980.

Орфографический словарь русского языка: Произношение, ударение, грамматические формы.— М.: Русский язык, 1983.

П а н о в М. В. Русская фонетика.— М.: Просвещение, 1967.

Р е ф о р м а т с к и й А. А. Из истории отечественной фонологии.— М., 1970.

Т р у б е ц к о й Н. С. Основы фонологии.— М., 1960.

ГРАФИКА И ОРФОГРАФИЯ

ГРАФИКА

§ 101. Русская графика. Алфавит. Графика (от греч. *γραφῆ* «пишу») изучает начертания и звуковые значения букв. Русское письмо является звуковым, т. е. в нем при помощи букв изображаются звуки. Буквы — это условные знаки, каждый из которых имеет звуковое соответствие.

В русском алфавите 33 буквы, из которых 10 обозначают гласные звуки, 21 — согласные и 2 буквы не обозначают особых звуков, но служат для передачи определенных звуковых особенностей. Русский алфавит имеет прописные и строчные буквы, буквы печатные и рукописные.

РУССКИЙ АЛФАВИТ И НАЗВАНИЯ БУКВ

Аа	Бб	Вв	Гг	Дд	Ее	Ёё	Жж	Зз	Ии
а	бэ	вэ	гэ	дэ	е	ё	жэ	зэ	и
Йй	Кк	Лл	Мм	Нн	Оо	Пп	Рр	Сс	
и-краткое	ка	эл, эль	эм	эн	о	пэ	эр	эс	
Тт	Уу	Фф	Хх	Цц	Чч	Шш	Щщ	Ъъ	
тэ	у	эф	ха	цэ	че	ша	ща	твердый знак	
Ыы	Ьь	Ээ	Юю	Яя					
ы	мягкий знак	э	ю	я					

§ 102. Слоговой принцип русской графики. В связи с тем что в русском алфавите отсутствуют специальные буквы для обозначения мягких согласных, а на письме эта мягкость должна быть обозначена, чтобы обеспечить правильность чтения, в русской графике используется слоговой принцип. Это значит, что единицей письма и чтения выступает сочетание букв, передающее сочетание звуков. Наличие той или иной гласной буквы после согласной указывает на твердое или мягкое произношение (чтение) этой согласной. Так, в словах *рад* и *ряд* буква *р* читается по-разному, что зависит от гласной буквы, следующей за *р*; точно так же в слове *угол* *л* читается твердо, а в

уголь — мягко, так как на мягкость указывает буква *ь*. Иначе говоря, при чтении учитывается не только та буква, которая обозначает согласный звук, но и та гласная, которая следует за ней. Так как такая сочетаемость согласной и гласной большей частью совпадает со слоговым членением слов, основной принцип русской графики и называется **с л о г о в ы м**.

Слоговой принцип русской графики нарушается очень редко, и все эти нарушения связаны с написанием заимствованных слов. Отступление от слогового принципа наблюдается, во-первых, в тех случаях, когда для обозначения сочетания [j] с гласными [e] и [o] используются не буквы *е, ё*, а сочетания букв *йе, йо*: *йеменский, йод, йот; район, майор*; в некоторых же случаях сочетание [j] с [o] в заимствованных словах передается через *ьо*: *батальон, почтальон, павильон*. Такое же отступление, во-вторых, можно отметить и в тех случаях, когда после согласной пишется буква *е*, хотя согласный произносится твердо: *антенна, партер, теннис, шоссе* (ср., с другой стороны, *сэр, мэр, пэри*); написание *е*, а не *э* принято также и в ряде слов, где гласный, обозначаемый этой буквой, произносится после гласной как [э]: *про[э]кт, ду[э]та*.

§ 103. Соотношение букв и звуков. Графическая система, т. е. система букв, не соотносится прямо со звуковой стороной языка: звуки речи намного разнообразнее, чем состав букв, принятых в алфавите, и поэтому между буквами и звуками существуют сложные и неоднозначные отношения.

§ 104. Обозначение гласных на письме. Гласные звуки обозначаются буквами *а, е, ё, и, о, у, ы, э, ю, я*. Буквы *а* и *я* обозначают гласный [а], при этом *а* обозначает [а] в абсолютном начале слова, после твердых согласных, парных и непарных, и после [ч'] и [ш']: *армия, там, шар, жар, чапля, чаша, пощада, а я* — после мягких парных согласных и после [j]: *мял, дядя, яма, яблоко*.

Буквы *у* и *ю* обозначают гласный [у], при этом *у* обозначает [у] в абсолютном начале слова, после твердых парных и непарных согласных и после [ч'] и [ш']: *уж, утро, дул, куль, шум, жук, цукат, чудо, щука, а ю* — после парных мягких согласных и после [j]: *люк, тюк, юг, юркий*.

Буква *о* обозначает гласный [о] в абсолютном начале слова, после парных твердых согласных, а также иногда после непарных твердых и мягких шипящих и аффрикат: *он, осень, пол, конь, мешок, жом, цокать, чокать, плащом*.

Буква *е* обозначает гласный [е] после парных мягких согласных, после [j], а также после непарных твердых и мягких шипящих и аффрикат: *мел, тень, ель, ем, шесть, жердь, целый, честь, щель*. Гласный [е] может обозначаться буквой *э*: она употребляется в начале русских слов *это, этот, такой, экий, энный, эх, эва*, а также в заимствованиях: *сэр, мэр, поэт, эпоха, эю*.

Употребление буквы *е* в русском письме оказывается более распространенным в связи с факультативностью буквы *ё*, которая должна обозначать гласный [о] под ударением после парных и непарных мягких согласных, после [j], а также иногда после непарных твердых [ш],

[ж]: *нёс, вёл, берёза, моё, твоё, решётка, жёлтый, чёлка, цёлка*. Однако буква *ё* почти не употребляется: ее можно встретить в школьных учебниках, а также в текстах, предназначенных для нерусских, в случаях, когда произношение [e] или [o] после мягкого согласного дифференцирует значение слов, например, *все* и *всё, сел* и *сёл* (от *село*). В русском же письме гласный [o] после мягких согласных принято обозначать буквой *е*, что и расширяет употребление ее на письме.

Буква *и* обозначает гласный звук [и] в абсолютном начале слова, после парных мягких согласных и после [ч'], [ш']: *ил, игла, пир, мир, чин, щит*. Кроме того, буква *и* пишется после *ш* и *ж*, и в этом случае она обозначает гласный [ы]: *шить, жить*. Эта буква пишется и после *ц*, но ее написание регулируется специальными правилами: в этом плане можно сказать, что в корнях слов и в суффиксах *и* после *ц* пишется чаще, чем *ы*: *цирк, цинк, революция, резолюция*.

Буква *ы* обозначает гласный [ы] после парных твердых согласных: *пыл, был, тыл*; она пишется также после *ц*, большей частью в окончаниях: *концы, огуры*.

Буквы *я, ю, ё, е* имеют, как это можно установить из характеристики условий их употребления, двоякое звуковое значение: они обозначают соответственно гласные [a], [y], [o], [e] после парных мягких согласных или сочетания двух звуков: [j·a], [j·y], [j·o], [j·e]. Например: *мял* [м'ал] — *яма* [j·ám]a; *люк* [л'ук] — *юг* [j·ук]; *нес* [н'ос] — *елка* [j·óлк]a; *мел* [м'ел] — *ель* [jêл'].

Описанное обозначение звуков при помощи определенных букв относится не только к тем случаям, когда гласные звуки выступают под ударением, т. е. являются аллофонами сильных гласных фонем, но и к случаям, когда гласные звуки выступают в безударных позициях, т. е. являются аллофонами слабых фонем, и в артикуляционном отношении значительно отличаются от аллофонов сильных фонем. На письме в этих случаях сохраняется та буква, которая обозначает сильную фонему данного фонемного ряда (см. § 91). Например, при различном произношении гласного в корне *вод-* ([вóд]ы — [вэд]á — [вэд]овóз) на письме он всегда обозначается буквой *о*, т. е. буквой, соответствующей сильной гласной фонеме ряда ⟨o⟩//⟨a⟩//⟨a₁⟩.

В тех случаях, когда сильная гласная фонема ряда отсутствует, написание определяется традицией: б⟨a⟩рáн — *баран*, с⟨a⟩бáка — *собака*.

§ 105. Обозначение согласных на письме. Русский алфавит располагает двумя рядами букв для обозначения парных твердых глухих и звонких согласных: *п — б, с — з, ш — ж* и т. д. Но для обозначения парных твердых и мягких согласных есть только один ряд букв, которые обозначают твердые парные согласные: *п, б, ф, в, к, г* и т. д.

Поэтому для обозначения мягкости согласных используются определенные графические средства, прежде всего — специальная буква *ь* — мягкий знак. Особенно последовательно такое обозначение осуществляется в конце слов: *кров — кровь, лез — лезь, сел — сель, кон — конь* и т. п. В середине слов перед согласными мягким знаком всегда обозначается мягкость [л']: *сельдь, мальва, пальто, мальчик*. Мягкость же остальных согласных обозначается только в тех случаях,

когда мягкий согласный в разных формах одного слова может оказываться то перед мягким, то перед твердым согласным (например, *тьме — тьма, письме — письма, возьми — возьму*) или только перед твердым (*впотьмах, меньше*). В большинстве же случаев мягкость согласного перед согласным, носящая ассимилятивный характер, на письме не обозначается.

Мягкость согласного обозначается также буквами *я, ю, ё, е, и*. В этих случаях сочетание буквы согласного и буквы гласного передает слог, состоящий из мягкого согласного и следующего за ним гласного; например, написание *бю* передает согласный [б'] и гласный [у], написание *тя* — согласный [т'] и гласный [а]. Поэтому, для того чтобы передать на письме сочетание «согласный + [j] + гласный», простого написания букв *я, ю, ё, е, и* (которые могут обозначать сочетания «[j] + соответствующий гласный») после согласного недостаточно: для передачи этого сочетания используются буквы *ь* и *ъ* (так называемые разделительные): *вьюга, соловьи, судья, съёмка, подъяхать, отъявленный*.

Из сказанного ясно, что согласный [j] в русском письме обозначается чаще всего не особым знаком, а иными графическими средствами: или буквами *я, ю, е, ё* в абсолютном начале слова или после гласных (*яма, юла, ель, ёлка; моя, пою, поездка, моё*), или сочетанием букв *ья, юя, ея, ёя, ья, юя, ея, ёя* или *ъя, юя, ея, ёя* (*семья, семью, семье, бельё, воробьи; объявленный, адъютант, отъезд, съёмка*). И только в позиции конца слова и перед согласным [j] получает особое обозначение через букву *й*: *мой, дай, лайка, байка*. Эта буква обозначает [j] еще в некоторых заимствованных словах, когда данным звуком начинается слог: *йод, район, майор*.

Особого замечания требует обозначение в русской графике долгих согласных.

Долгие согласные как в русских, так и в заимствованных словах обозначаются написанием двух одинаковых букв: *рассада, конный, оттяжка; ванна, гамма, касса*. Только долгий мягкий глухой шипящий обозначается особой буквой *щ*: *щука, ищи, тещу, а иногда сочетаниями сч, зч*: *разносчик, извозчик, счастье, счет*. Что же касается парного ему долгого мягкого звонкого шипящего, то он не имеет особого обозначения и передается через сочетание букв *жж, жжж, ждд*: *езжу, проезжай, вожжи, проезжий, можжевелник, дождик, дождя*.

ОРФОГРАФИЯ

— § 106. Орфография, ее значение. / Орфография (от греч. orthos «правильный, прямой» и graphō «пишу»), или правописание, — это система правил, регулирующих написание отдельных слов и их значимых частей, а также правил о слитных, полуслитных, раздельных и дифференцирующих написаниях, об употреблении прописных букв, о правилах переноса.

Как орфоэпия требует соблюдения единых правил произношения, так и орфография требует соблюдения единых правил правописания

всеми пишущими на русском языке. Соблюдение таких правил облегчает письменное общение, ибо если письмо орфографически неграмотно, читающий обращает внимание на то, как написано, а не на то, что написано. Орфографически неграмотное письмо затрудняет процесс чтения, а следовательно, и понимание текста.

§ 107. Основной принцип русской орфографии. Каждая орфография, будучи устойчивым культурным явлением, опирается на те или иные принципы, среди которых выделяется основной принцип, определяющий характер данной орфографии.

Основным принципом русской орфографии является м о р ф о л о г и ч е с к и й принцип правописания. Это значит, что все значимые части слова (корни, приставки, суффиксы, флексии), повторяющиеся в разных словах и формах, пишутся всегда одинаково, независимо от того, как они произносятся. Тот или иной корень, повторяясь в родственных словах в разной фонетической огласовке, те или иные приставки, суффиксы и флексии, получая в разных словах разное звучание, на письме всегда имеют одно и то же обозначение. Например, корень *сад-* в словах [са́ду] — [са́т] — [са́д]бвник [сѣд]ювод имеет разный фонетический облик, но орфографически он передается в виде *сад*; приставка *от-* в [о́т]пуск — [о́д]был — [о́т]пустить произносится по-разному, но орфографически она передается только как *от*; суффикс *-ск-* в по́ль[ск]ий и де́[ц]кий произносится по-разному, но пишется всегда *ск*; флексия *-е* в дат. пад. в *сосне* и *деревне* также произносится различно, но орфографически передается одинаково. Нетрудно заметить, что единство орфографического облика морфем достигается тем, что на письме обозначается не произношение в том или ином случае, а фонемный состав морфемы, образуемый сильными фонемами. Поэтому можно назвать основным принципом русской орфографии **фо н е м н ы м** или **м о р ф о ф о н е м а т и ч е с к и м**, понимая под этим принцип передачи на письме фонемного состава морфем.

Как видно /из примеров, морфологический принцип русской орфографии находит применение в написании как гласных, так и согласных букв. На основе этого принципа построено правило правописания безударных гласных, согласно которому в безударном положении должна писаться та буква, которая обозначает гласный под ударением в той же морфеме. На морфологическом принципе полностью основано правило правописания глухих-звонких согласных, по которому на письме передается тот согласный, какой произносится в данной морфеме в сильной позиции, т. е. перед гласными, сонорными согласными и [в], [в']./

Отступления от основного принципа русской орфографии незначительны; в одних случаях они объясняются сложностями самих языковых явлений (таковы, например, некоторые правила правописания безударных гласных, когда безударный звук позиционно **меняется** с разными ударными: *за́ря* — *зо́ри* и *за́рево*), а в других — **непоследовательностью** в проведении самого морфологического принципа (таково, например, правило о различном написании *-ецо* и *-ице* в *пальтецо* и *платьице*, хотя под ударением здесь может быть только *е*:

пальтец). Отступлением от морфологического принципа являются некоторые фонетические написания, принятые в русской орфографии.

§ 108. Фонетические написания в русской орфографии связаны с правописанием *з* или *с* в приставках *без-, воз-, вз-, из-, раз-, роз-, низ-, чрез-, через-*. В этих приставках пишется *з*, если далее следует звонкий согласный, и пишется *с*, если далее следует глухой согласный: *бездомный — бесплодный, воздать — воспеть, избить — испить, разбить — растянуть, низвергнуть — ниспослать, чрезвычайно — чересполосица*. Подобные же фонетические написания обнаруживаются в соотношении приставок *роз-* (*рос-*) и *раз-* (*рас-*): под ударением выступают *роз-* (*рос-*), а без ударения — *раз-* (*рас-*): *рöзлив — разливать, рöспись — расписка*.

§ 109. Традиционные написания. Наряду с морфологическими (фонемными) и фонетическими написаниями, в русской орфографии есть и традиционные, или этимологические, написания: это такие написания, которые не имеют уже опоры в современных словообразовательных и формообразовательных отношениях или в фонетической системе, а сохраняются лишь по традиции. Таково, например, написание буквы *г* в окончаниях родительного падежа единственного числа прилагательных, причастий и неличных местоимений мужского и среднего рода: *молодого, кипящего, моего*, которое сохраняется с тех далеких эпох, когда эти формы произносились с [г]. Этимологическими, никак не подтверждаемыми современными отношениями являются написания с так называемыми непроверяемыми безударными гласными *а* и *о*: *забор, забота, сапог, баран, собака* — или с *е*: *снеток, железó*.

§ 110. Слитные, полуслитные и раздельные написания. Если фонетические и традиционные написания имеют непосредственное отношение к основному принципу русской орфографии, являясь отступлениями от него, объясняемыми разными причинами, то слитные, полуслитные и раздельные написания такого отношения к этому принципу не имеют и регулируются особыми правилами.

Русская орфография строится таким образом, что каждое самостоятельное слово пишется отдельно, и относится это правило не только к свободным сочетаниям слов, но и к сочетаниям устойчивым, фразеологизированным, лексикализированным, т. е. к таким, когда сочетание, например, двух слов выражает одно понятие: *железная дорога, красный уголок, синий чулок* и т. п. Однако в языке постоянно идет процесс образования новых слов, причем это образование может быть связано с потерей двумя лексическими единицами своей самостоятельности и с превращением их в одно слово. Такой процесс идет постепенно и медленно, и разные лексические единицы в каждый данный момент могут находиться на разных ступенях своего превращения в слово. Этот процесс в определенной степени находит свое отражение в орфографии в виде полуслитных и слитных написаний. Полуслитные (через дефис) написания отражают незаконченность превращения двух лексических единиц в одно слово, тогда как слитные — завершенность этого процесса. В орфографии закрепляются

те слитные написания, в которых смысловое единство объединившихся лексических единиц находит свое структурное выражение: наличие соединительных гласных, одного ударения, одной системы флексий и т. д.

Современные правила о слитных и особенно полуслитных написаниях достаточно сложны и в некоторых моментах противоречивы (таковы, например, правила о правописании сложных прилагательных), однако все же возможно выделить ряд правил, относящихся к разным частям речи и четко регламентирующих полуслитное или слитное написание.

Так, через дефис пишутся сложные слова, образуемые повторением одного и того же слова с разными приставками или корня с разными аффиксами: *чуть-чуть, еле-еле, маленький-маленький, жить-поживать, большой-пребольшой*. Сюда же примыкают сложные слова, образуемые соединением синонимов: *нежданно-негаданно, подброду-поздорову*.

Полуслитно принято писать слова с иноязычными приставками: *экс-чемпион, вице-президент, обер-кондуктор*; специальные термины, в состав которых входят отдельные буквы алфавита и цифра или число: *ЗИЛ-150, ТУ-134, ИЛ-62*, и некоторые иные образования.

Слитно всегда пишутся сложносокращенные слова: *партком, колхоз, райкомовский, комсомольский* и т. п., слова, первой частью которых выступают числительные: *пятилетка, семидневный, шестичасовой, двадцатитонный, троюродный* и т. п. и некоторые иные образования.

Все же сложность языковых процессов, ведущих к образованию новых слов из ранее самостоятельных лексических единиц, приводит к сложности и противоречивости орфографических правил их написания. Поэтому задача упорядочения правил о полуслитных и слитных написаниях стоит как одна из важнейших задач усовершенствования русской орфографии.

§ 111. Прописные буквы. И точно так же обстоит дело с правилами употребления прописных букв. Среди них есть четкие и устойчивые правила. Например, с прописной буквы всегда пишется первое слово текста или слово, начинающее новое предложение после точки; с прописной буквы пишутся собственные имена (имена, отчества, фамилии людей, клички животных, индивидуальные прозвища, названия газет, журналов и т. д.), названия астрономических и географических объектов (планет, звезд, рек, озер, гор и т. д.), наименования высших государственных и партийных учреждений, орденов и т. д. Однако вместе с тем в составных собственных именах и географических названиях, а также в ряде других случаев правила употребления прописных букв колеблются: в одних случаях все слова, входящие в такие составные образования, пишутся с прописной буквы, в других — только первое слово. Достаточно строгих правил в этом отношении пока не выработано.

§ 112. Дифференцирующие написания. Они в русской орфографии незначительны, и их употребление регулируется частными правилами. К таким написаниям, например, относится употребление буквы *е*

в глаголе и буквы *о* в существительном, когда в произношении они не отличаются: *поджег* и *поджог*; употребление прописной и строчной букв для различения собственного и нарицательного существительного: *Орел* (город) и *орел* (птица); сюда же относятся и такие написания, как *кампания* (посевная, подписная) и *компания* (круг людей), *бал* и *балл*, *кобчик* (птица) и *копчик* (часть тела).

К дифференцирующим можно отнести и написание *ь* после шипящих в словах женского рода и отсутствие его в словах мужского рода: *тушь* и *туш* — наличие или отсутствие *ь* указывает на грамматический род слова. Написание *ь* после *ч* в повелительном наклонении и в неопределенной форме дифференцирует эти формы с существительными, у которых после *ч* мягкий знак не пишется: *плачь* и *плач*, *сечь* и *сеч* (от *сеча*).

§ 113. Правила переноса слов. Наконец, орфография регулирует правила переноса слов, основным из которых является правило переноса по слогам с учетом словообразовательной структуры слова. Главное — это то, что слово переносится по слогам: *по-том*, *ко-то-рый*, *ста-ру-ха*. Поэтому нельзя ни оставлять на строке, ни переносить на другую часть слова, не составляющую слога: *вп-рок*, *ры-хл* (эти слова вообще не могут переноситься). Что касается учета словообразовательной структуры слова, то здесь надо иметь в виду нежелательность разбивки при переносе односложных приставок или суффиксов: надо *рас-тянуть*, а не *ра-стянуть*, надо *рус-ский*, а не *русс-кий* и т. п.

§ 114. К истории русской графики и орфографии. Русское правописание, имеющее длительную историю развития, первоначально складывалось на основе письменных традиций старославянских памятников кириллического письма. Однако древнерусские писцы, создававшие памятники в XI—XIII вв., не просто копировали старославянскую письменность — они вырабатывали собственные принципы письма, опирающиеся на живую древнерусскую речь. Тогда не было еще грамматик и не было выработанных орфографических правил, но русское письмо могло опираться на произношение: азбука и написания слов отражали звуковой состав древнерусского языка. Более того, фонетические изменения, которые переживал древнерусский язык, находили свое отражение в написаниях: утрата носовых гласных в древнерусском языке привела к исчезновению букв *ж* («юс большой») и *ж* («юс малый»); падение редуцированных — к тому, что *ъ* и *ь* перестали употребляться в качестве букв, обозначающих гласные звуки, и получили новое значение твердого и мягкого знаков.

Правда, такие изменения орфографии имели свои границы, и не всегда даже крупные фонетические изменения приводили к соответствующим изменениям орфографии. Так, возникшее в XIII в. аканье, ставшее постепенно нормой русского литературного произношения, получило отражение и закрепление в орфографии только некоторых слов (например, *калач*, *стакан*, *крапива*, *каракатица*, *забота*), но в целом орфография осталась «окающей»: в этом сыграли роль не только традиции русского письма, но и стихийно вырабатывавшийся морфологический принцип русской орфографии.

В 1708 г. Петр Первый провел реформу русской графики, что сыграло важную роль в демократизации русского письма, в приближении его к живой речи. Были устранены из азбуки буквы, не имеющие звукового значения, такие, как «юс большой» и «юс малый» (искусственно возрожденные в XIV—XV вв.), «кси», «пси», «ук»; отменено написание слов под титлом и использование букв в числовом значении. Кириллическая церковнославянская азбука была заменена гражданской: если буквы кириллического алфавита были ориентированы на греческое письмо, то гражданская азбука стала ориентироваться на латинский алфавит. С петровского времени начинается история собственно русского правописания в отличие от русского церковнославянского.

В 1748 г. В. К. Тредиаковский опубликовал трактат «Разговор между чужестранным человеком и российским об орфографии старинной и новой», в котором отстаивал фонетический принцип орфографии (письма «по звонам»); по его мнению, этот принцип должен был стать основным в русском правописании.

Конечно, такое предложение не могло быть принято, так как это означало бы коренную ломку уже сложившейся и освященной традицией русской орфографии, основанной на морфологическом принципе.

Теоретическое обоснование и формулировки правил русской орфографии были даны М. В. Ломоносовым в его «Российской грамматике» 1755 г. Однако хотя авторитет Ломоносова и заставлял пишущих считаться со сформулированными им правилами, все же эти правила не были санкционированы каким-либо высшим государственным научным учреждением.

В дальнейшем нормы русской орфографии получили отражение в «Российской грамматике» Академии наук (1802, 1803, 1819), в Словаре Академии Российской 1789—1794 гг., в трудах А. А. Барсова, Н. И. Греча, А. Х. Востокова, Ф. И. Буслаева, однако и в XVIII и на протяжении почти всего XIX в. в русском правописании существовал большой разброд.

Только в 1873 г. вышел капитальный труд акад. Я. К. Грота «Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого донныне», где всерьез были поставлены проблемы русской орфографии, а в 1885 г. — его же книга «Русское правописание», имевшая практическую направленность. Правописание Грота, которое он сам рекомендовал как академическое, получило общеобязательную силу и способствовало установлению орфографических норм. Однако Грот не устранил многих колебаний в русской орфографии и тем более не отошел от уже ненужных традиций; так, он сохранил букву *ль*, хотя она не имела уже в это время особого звукового значения, букву *ѣ* в конце слов и другие устаревшие правила.

В 1904 г. в Академии наук была создана орфографическая комиссия, которая должна была подготовить проект упрощения русского правописания. Работала эта комиссия очень долго и с большими перерывами. Только в мае 1917 г. было созвано совещание, на котором было обсуждено и принято подготовленное орфографической комис-

сией постановление о реформе русской орфографии. Основными пунктами этого постановления были следующие:

- 1) исключить из алфавита букву *ѣ*, заменив ее буквой *е*;
- 2) исключить букву *ѳ* (фиту), заменив ее буквой *ф*;
- 3) исключить букву *ѣ* в конце слов и в конце частей сложных слов, сохранив ее только в качестве разделительного знака;
- 4) исключить букву *ѵ* (ижицу), заменив ее буквой *и*;
- 5) признать желательным употребление буквы *ѣ*;
- 6) писать в родительном падеже прилагательных, причастий и местоимений окончания *-ого*, *-его* (а не *-аго*, *-яго*);
- 7) писать приставки на *-з* по фонетическому принципу;
- 8) в именительном, винительном падежах множественного числа прилагательных, причастий и местоимений писать окончания *-ые*, *-ие* (а не *-ья*, *-ия*);
- 9) писать в форме женского рода *они* вместо *онѣ*;
- 10) писать в формах женского рода *одни*, *одних*, *одним*, *одними* вместо *однѣ*, *однѣх*, *однѣм*, *однѣми*;
- 11) писать в родительном падеже женского рода *еѣ* или *ее* вместо *ея*.

Это постановление вызвало резкие нападки со стороны реакционных кругов старой России, и потому Временное правительство медлило с его утверждением. Введение новой орфографии оказалось возможным только после Великой Октябрьской социалистической революции.

23 декабря 1917 г. Народный комиссариат просвещения издал постановление о введении нового правописания, в котором говорилось: «В целях облегчения широким народным массам усвоения русской грамоты, поднятия общего образования и освобождения школы от ненужной и непроизводительной траты времени и труда при изучении правил правописания предлагается всем, без изъятия, государственным и правительственным учреждениям и школам в кратчайший срок осуществить переход к новому правописанию». Это постановление было утверждено 10 октября 1918 г. специальным декретом Совета Народных Комиссаров.

В постановление вошли все пункты проекта орфографической комиссии Академии наук, за исключением пункта о букве *ѣ*.

Это постановление сыграло большую роль в упрощении и облегчении русского правописания: не затронув основ русской орфографии, оно отменило ряд правил, носящих чисто искусственный характер, не имеющих опоры в живом языке, устранило употребление излишних букв, потерявших свое звуковое значение.

Однако в русском правописании остались непоследовательности и определенный разнобой: сохранялись многие двоякие написания, излишние исключения из правил и т. д. Поэтому задача дальнейшего совершенствования (не реформы!) орфографии продолжала оставаться актуальной.

В 20-е годы была создана Академическая орфографическая комиссия, позднее преобразованная в Правительственную орфографическую комиссию. Многолетняя работа этой комиссии завершилась изданием в 1956 г. свода «Правил русской орфографии и пунктуации»,

который был утвержден Академией наук СССР, Министерством высшего образования СССР и Министерством просвещения СССР.

Свод 1956 г. унифицировал ряд написаний, устранив существовавшую до этого дублетность; так, из вариантов *шопот* и *шепот*, *жолудь* и *желудь* были оставлены только *шепот* и *желудь*; были введены унифицированные написания родственных слов; например: вместо *экзаминатор* при *экзаменовать* было введено *экзаменатор*; было введено дефисное написание наречий *по-видимому*, *по-прежнему*, *по-пустому* (вместо слитного написания) по образцу других наречных образований на *-ому* и т. д.

Свод «Правил русской орфографии и пунктуации» 1956 г. действует как обязательный и в настоящее время.

Однако при всем своем положительном значении Свод 1956 г. не устранил всех имеющихся в русской орфографии излишних сложностей, недостатков и противоречий, что вызвало уже в начале 60-х годов новую волну критики правил правописания и призывов к дальнейшему совершенствованию орфографии. В 1962 г. вновь была создана Орфографическая комиссия при Академии наук СССР. В 1964 г. был опубликован проект изменений русской орфографии, подготовленный этой комиссией, однако он вызвал резкую критику. Работа над вопросами совершенствования русской орфографии продолжается.

§ 115. Реформа или усовершенствование? Надо иметь в виду, что при кажущейся простоте решения вопросов упрощения или изменения орфографических правил (иногда дело представляется так, что нужна лишь простая договоренность писать так или иначе) в действительности их решение чрезвычайно трудно, так как такие изменения затрагивают интересы миллионов людей, и потому каждое орфографическое «новшество» вызывает большее или меньшее сопротивление.

К тому же орфография только до определенного момента является условной внешней оболочкой языка: только до определенного момента можно говорить об условности орфографических правил, ибо орфография в очень большой степени непосредственно связана со структурой языка, и во многих случаях вмешательство в орфографию будет означать вмешательство в язык. Например, кажутся условными и слишком сложными правила правописания частицы *не* и поэтому возникает мысль о возможности введения единого и простого правила — скажем, писать *не* всегда отдельно или, наоборот, — всегда слитно. Конечно, среди существующих правил правописания *не* есть такие, которые можно упростить и унифицировать, но если представить себе единообразное написание *не* или всегда отдельно, или всегда слитно с другими словами, то введение такого правила означало бы вмешательство в язык: ведь при всегда отдельном написании *не* возникнут слова, которых в русском языке нет, типа (не)*взначай*, (не)*дотрога*, (не)*забудка* и т. д., но которые, как самостоятельные, как видно, должны будут войти в словари — языку будут навязаны не существующие в нем образования; при всегда же слитном написании *не* возникнут слова, которых тоже нет как самостоятельных в русском языке, типа *учить — неучить*, *лентяй — нелентяй*, *снег — неснег* и т. д. и которые тоже, как видно, должны будут счи-

таться единицами словарного состава языка. Таким образом, решая орфографические вопросы, нельзя упускать из виду, что орфография и язык тесно друг с другом связаны.

С точки зрения орфографии каждый грамотный человек представляет собой двустороннюю единицу: это человек, который пишет, с одной стороны, и человек, который читает, — с другой. Орфография имеет отношение и к письму, и к чтению. Если проводится реформа орфографии, т. е. если меняется основной ее принцип, существенно меняется состав букв, то это затрагивает интересы прежде всего читающих (пишущих, конечно, тоже, но прежде всего читающих), так как в этом случае читающий вынужден сначала произнести (хотя бы «про себя») написанный текст, а потом уже понять его; при известной же ему орфографии читающий идет сразу от написанного, увиденного глазом текста к его смыслу, потому что по орфографическому облику слова он сразу узнает его.

Если же проводится усовершенствование орфографии, т. е. вводятся только некоторые частные изменения в правописание, то в этом случае затрагиваются прежде всего интересы пишущих, которые должны усвоить новые правила, читающий же эти изменения может просто не заметить (кто, например, кроме самих экзаменаторов, замечает, написано ли это слово через *e* или через *и*?).

Если учесть, что любой человек, даже самый крупный писатель, больше читает, чем пишет, то можно понять, что целесообразнее проводить не реформу правописания, а стремиться к улучшению, усовершенствованию существующей орфографии. Это более всего относится к русскому правописанию, доказавшему свою жизнестойкость многовековой историей своего существования.

Основанная на четком и ясном в своем существе морфологическом принципе, связывающая нас с великой письменной культурой русского народа, прошедшего огромный исторический путь развития, являющаяся нашим национальным достоянием, русская орфография не нуждается в реформировании. Ее необходимо совершенствовать, упрощать излишне усложненные правила правописания, необходимо стремиться сделать ее более стройной и строгой, но в своей основе она должна сохраняться без изменений.

ЛИТЕРАТУРА

Гвоздев А. Н. Избранные работы по орфографии и фонетике.— М.: Изд-во АПН РСФСР, 1963.

Иванова В. Ф. Современный русский язык: Графика и орфография.— 2-е изд.— М.: Просвещение, 1976.

Иванова В. Ф. Трудные вопросы орфографии.— М.: Просвещение, 1982.

Моисеев А. И. Буквы и звуки: О современном русском письме.— Л., 1969.

Панов М. В. И все-таки она хорошая: Рассказ о русской орфографии, ее достоинствах и недостатках.— М.: Наука, 1964.

Правила русской орфографии и пунктуации.— М.: Учпедгиз, 1956.

Шапиро А. Б. Русское правописание.— 2-е изд.— М.: Изд-во АН СССР, 1961.

Щербат Л. В. Теория русского письма.— Л.: Наука, 1983.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение (Н. М. Шанский)	5
<i>Литература</i>	9
Лексика (Н. М. Шанский)	10
Слово в лексической системе русского языка	11
Лексика современного русского языка с точки зрения ее происхождения	29
Лексика современного русского языка с точки зрения сферы ее употребления	42
Лексика современного русского языка с точки зрения экспрессивно-стилистической	47
Лексика современного русского языка с точки зрения ее активного и пассивного запаса	53
<i>Литература</i>	62
Фразеология (Н. М. Шанский)	64
Фразеологический оборот как лингвистическая единица	—
Фразеологические обороты с точки зрения их семантической слитности	75
Фразеологические обороты современного русского литературного языка с точки зрения их происхождения	78
Фразеологические обороты с точки зрения их экспрессивно-стилистических свойств	85
Важнейшие процессы в развитии лексики и фразеологии русского языка в советскую эпоху (Н. М. Шанский)	90
<i>Литература</i>	94
Важнейшие словари русского языка (Н. М. Шанский)	95
<i>Литература</i>	107
Фонетика (В. В. Иванов)	108
Согласные и гласные звуки и их классификация	111
Сочетаемость согласных и гласных звуков	117
Слогораздел и типы слогов	128
Ударение	131
Орфоэпия	133
Основные орфоэпические правила современного русского литературного языка	137
Фонологическая система русского литературного языка	144
Система согласных фонем	150
Система гласных фонем	157
Отношения сильных и слабых фонем в фонологической системе	160
Синтагматика и парадигматика фонем	165
Синтагматика фонем	168
Парадигматика фонем	173
<i>Литература</i>	178
Графика и орфография (В. В. Иванов)	179
Графика	—
Орфография	182
<i>Литература</i>	190

**Николай Максимович Шанский
Валерий Васильевич Иванов**

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК

В трех частях

ЧАСТЬ I

**ВВЕДЕНИЕ. ЛЕКСИКА. ФРАЗЕОЛОГИЯ.
ФОНЕТИКА. ГРАФИКА И ОРФОГРАФИЯ**

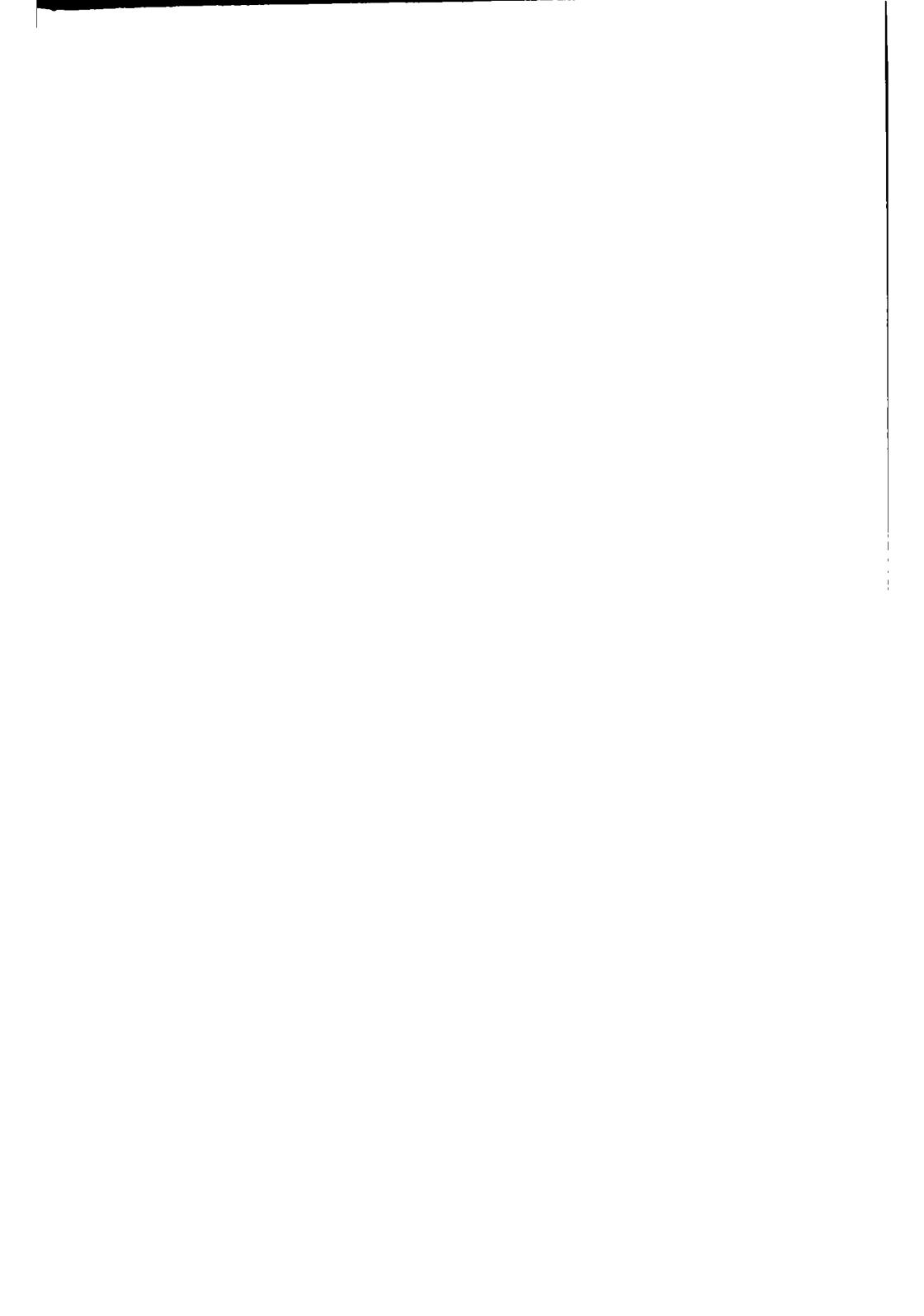
Зав. редакцией *А. В. Прудникова*
Редактор *Г. Н. Владимирская*
Младший редактор *С. С. Гырылова*
Художественный редактор *И. В. Короткова*
Технические редакторы *Т. Н. Зыкина, И. С. Поташикова*
Корректор *М. Ю. Сергеева*

ИБ № 9772

Сдано в набор 27.10.86. Подписано к печати 14.05.87. Формат 60×90¹/₁₆. Бум. кн.-журн. отечеств. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 12+0,25 форз. Усл. кр.-отт. 12,50. Уч.-изд. л. 13,54+0,45 форз. Тираж 94 000 экз. Заказ № 6157. Цена 90 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Просвещение» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
129846, Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41.

Отпечатано с матриц ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени МПО «Первая Образцовая типография» имени А. А. Жданова в областной типографии управления издательств, полиграфии и книжной торговли Ивановского облисполкома, 153628, г. Иваново, ул. Типографская, 6.

СЛОВАРЬ
РУССКОГО
ЯЗЫКА

XI-XVII ВВ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА
СЛОВАРНЫЙ СЕКТОР

СЛОВАРЬ
РУССКИХ
НАРОДНЫХ
ГОВОРОВ

ВЫПУСК ПЕРВЫЙ

А

СЛОВАРЬ
РУССКОГО
ЯЗЫКА

XVIII
ВЕКА

Выпуск 1

А — Безпристрастие

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. М. В. ЛОМОНОСОВА
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ
СЛОВАРЬ
РУССКОГО ЯЗЫКА

ТОМ I

Выпуск 1

А

Автор-составитель
И. И. ШАНСКИЙ

А В И Л
И В И Н

О «НАУКА»
КНИГТРАСТ
В С

М. ФАСМЕР

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ
СЛОВАРЬ
РУССКОГО ЯЗЫКА

СССР
ЯЗЫКА

РЬ
ИХ
ЫХ
ОВ

КА
А

КИЙ
КА

ОРФОЭПИЧЕСКИЙ
СЛОВАРЬ
РУССКОГО
ЯЗЫКА

ПРОИЗНОШЕНИЕ
УДАРЕНИЕ
ГРАММАТИЧЕСКИЕ
ФОРМЫ

СЛИТНО
ИЛИ
РАЗДЕЛЬНО?

ОПЫТ
СЛОВАРЯ-
СПРАВОЧНИКА

ПРОПИСНАЯ
ИЛИ
СТРОЧНАЯ?

ОПЫТ
СЛОВАРЯ-
СПРАВОЧНИКА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

ОРФОГРАФИЧЕСКИЙ
СЛОВАРЬ
РУССКОГО
ЯЗЫКА

1991000 слов

Издание семнадцатое, стереотипное

Л. И. УШАКОВ, С. Е. КРЮЧКОВ

ОРФОГРАФИЧЕСКИЙ
СЛОВАРЬ

А-Я

МОСКВА
РУССКОГО ЯЗЫКА
1980